М. ВОСКРЕСЕНСКИЙ

ГЕРМАН ВЕДЕТ БРИГАДУ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Легендарному партизанскому комбригу Александру Викторовичу Герману посвятил свои воспоминания автор. Михаил Леонидович Воскресенский был начальником политотдела 3-й Ленинградской партизанской бригады, которой командовал Герман. Партизаны-германовцы пускали под откос поезда, громили вражеские гарнизоны, уничтожали предателей, добывали ионные разведывательные данные. Автор не ставил своей целью написать историю 3-й партизанской бригады. Он просто рассказывает о том, что довелось ему и его товарищам увидеть и пережить, участвуя в борьбе против гитлеровцев на оккупированной территории Ленинградской области и Псковщины. Большой интерес представляет рассказ о боевой деятельности 2-й Особой бригады и одного из первых на советско-германском фронте красноармейских партизанских отрядов — отряда имени Чкалова. Литературная запись Николая Масолова.

- Михаил Воскресенский
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2

Михаил Воскресенский
ГЕРМАН ВЕДЕТ БРИГАДУ
Воспоминания партизана

М. ВОСКРЕСЕНСКИЙ

ГЕРМАН ВЕДЕТ БРИГАДУ

Воспоминания партизана

ЛЕНИЗДАТ
1965

КРАСНОАРМЕЙЦЫ ПРОДОЛЖАЮТ СРАЖАТЬСЯ

Случилось это под Невелем, на границе Белоруссии и Псковщины. 429-й артиллерийский гаубичный полк, в топографическом взводе которого я служил, отступал к старой латвийской границе. Когда мы форсировали Западную Двину, меня ранило. Я отстал от своей части и попал в пехотный полк, прорывавшийся с боями из окружения.

Медсанбат полка был переполнен. Тяжелораненых везли на повозках, остальные передвигались кто как мог. Опираясь на большую суковатую палку, брел по пыльной дороге и я, стараясь не отставать от товарищей.

Так двигались мы всю ночь, а на рассвете того памятного дня вновь начался тяжелый бой. Наши товарищи сражались где-то рядом, дрались врукопашную, а мы, раненые, лежали в густой траве и проклинали санбатовские порядки, из-за которых остались без оружия.

И вдруг выстрелы смолкли. Раздался сильный хриплый голос:

— Русские солдаты! Вы окружены, и ваше сопротивление бесполезно. Выходите из леса навстречу германскому солдату и сдавайтесь!

Очевидно, гитлеровцы разделались с остатками полка и, не зная, сколько красноармейцев укрылось в лесу, решили прибегнуть к «агитации». Оцепенев, слушали мы призыв к сдаче в плен. Горько было на душе. Рядом со мной на носилках приподнялся пожилой боец и зло прошептал:

— Довоевались, растуды твою мать…

Другой, тяжелораненый, с лихорадочно блестевшими глазами умолял командира:

— Браток, пристрели… Ради всего святого… Все равно не

жилец я… Браток, ну — будь другом — пристрели…

Врачи и санитары стали поспешно уносить тяжелораненых в чащу леса. А мы, небольшая группа легкораненых, остались на опушке. Над нами свистели пули, в кустарнике рядом звонко лопались мины. Затем в наступившей тишине вновь раздалось:

— Красноармейцы, торопитесь. Бросайте оружие и выходите из леса!

На этот раз приглашение в плен нас даже как-то обрадовало: значит, фашисты не думают сейчас прочесывать лес, раз продолжают «агитировать». Кто-то из санитаров, уносивших последние носилки с тяжелораненым командиром, предложил:

— Давайте, хлопцы, и вы помаленьку в чащу подавайтесь.

Мнения разделились.

— Надо уходить вместе со всеми, — говорили одни.

Другие возражали:

— Лучше остаться на месте и ничем не выдавать своего присутствия. Гитлеровцы не знают, что у нас нет оружия, и, видимо, пока не сунутся в лес. Подождем до вечера, а там, глядишь, и уйдем подальше.

На последнем и порешили.

Красноармеец-партизан М. Л. Воскресенский.

Лежали молча. Мучительно хотелось пить. Фашисты время от времени открывали огонь по лесу. Несколько раз их самолеты на бреющем полете проносились над лесом, почти касаясь верхушек деревьев. Мы замирали, забывая про раны, старались плотнее прижаться к земле.

Наконец наступили долгожданные сумерки. Затихла стрельба, смолкли крики гитлеровцев. Никто из нас не знал, где находятся наши части. Ни у кого не было карты. Решили просто идти в глубь леса. Вскоре темная громада тихо шумящих деревьев поглотила наши маленькие группки.

В полночь впереди, метрах в ста от тропинки, по которой двигалась наша пятерка, раздался подозрительный треск. Я вызвался разведать, в чем дело. Кто нас напугал, узнать мне так и не удалось. Я повернул назад, но товарищей своих не нашел. Или в темноте я сбился и не попал на старую тропинку, или что-то заставило раненых бойцов двинуться дальше, не дожидаясь моего возвращения.

Один в глухом лесу… Раньше мне никогда не приходилось

коротать в нем ночь. Детство мое прошло в деревне Ульянова Гора, расположенной в восьми километрах от города Бежецка. Места там не лесистые: поля, луга и лишь у реки — березовые рощицы. Позже, когда я уже учительствовал в Брусове, районном центре Калининской области, тоже как-то не удавалось по-настоящему забраться в лесные дебри, походить с ружьем.

Рана моя начала кровоточить. Нога распухла. Но я продолжал идти. По заалевшей вскоре на небе полоске утренней зорьки определил, где восток. Решил двигаться в этом направлении. С трудом протащился еще с километр.

Неожиданно лес расступился. Я увидел холм с мелким кустарником по склонам. Справа от него в поле ржи змейкой вилась узкая лента дороги. Добравшись до густых зарослей ольхи, окаймлявших поле, я лег на траву и заснул.

Долго ли спал — не знаю. Разбудили меня какие-то звуки. Прислушался — где-то рядом блеяли овцы, затем раздался негромкий женский голос:

— Куда пошли? Я те дам, баловница!

Осторожно раздвинув кусты ольшаника, я увидел пожилую женщину.

— Мамаша! — окликнул я ее.

Женщина вздрогнула от неожиданности и обернулась. Я жестом попросил ее подойти ко мне.

Увидев окровавленные бинты на моей ноге, она села около меня и заплакала:

— Родненькие вы мои, что только не терпите от супостата проклятого! Видно, и мой сынок где-то так же страдает. А может, уже и головушку сложил.

Успокоившись, спросила:

— Небось голоден ты?

Я утвердительно кивнул головой. Женщина торопливо зашагала по краю поля. Вскоре она вернулась с небольшим лукошком и поставила его передо мной:

— Ешь, сынок. Это мой завтрак. А я в деревню схожу — себе еще принесу.

В лукошке лежали аккуратно завернутый в чистую тряпочку ломоть хлеба и бутылка молока. Расспрашивая женщину, я с аппетитом уничтожал ее завтрак.

— Мамаша, были ли у вас в селе немцы?

— Ночью нет, а днем вчерась их целая туча налетела. И все на трещотках на своих, этих самых, ну, что мотоциклетками у нас прозываются. Рыскают по хатам, грабят. Ты, сынок, схоронись до вечера, а потом краем леса вправо от наших мест пробирайся. Там деревушки глухие, авось и своих дружков найдешь.

Поблагодарив за еду и совет, я опять зашел поглубже в заросли и лег на густую мягкую траву. Вспомнил мать. За последние годы она заметно постарела. Да и не мудрено — ведь нас было у нее пятеро: три сына и две дочери. И всех вырастила, поставила на ноги без мужа. Отец мой умер, когда мне едва исполнилось девять лет… Заботливо выхаживала она каждого из нас. Отправляя в город в школу, в наши узелки с продуктами всегда укладывала вкусную-превкусную ватрушку. Из-за этого лакомства мать топила печь ночью. Когда мы стали повзрослее, она с такой же заботой провожала нас на работу.

В конце тридцатых годов, во время отпуска, мы все любили съезжаться в Бежецк, к сестре Насте, у которой жила мать. Приезжали обычно с женами, мужьями и детьми. Какое веселье возникало тогда в уютной квартирке сестры!

Мать, окруженная внучатами, смотрела на нас и счастливо улыбалась. Хорошо было! А сейчас…

Мои размышления прервал знакомый гул. В небе появился немецкий самолет-разведчик. Кружась над одним из участков леса, он, словно коршун, что-то хищно высматривал и зудел, зудел, точно комар окаянный.

После сна и завтрака сил у меня прибавилось, и я решил идти краем леса, не дожидаясь темноты. Шел несколько часов, не останавливаясь, пока в болотистой березовой низинке не увидел троих вооруженных винтовками людей. На немцев они не были похожи, и я рискнул приблизиться. Незнакомцы делили продукты между собой. Брюки и обувь на них были красноармейские. Обрадовавшись, я поздоровался:

— Привет пехоте от артиллерии!

Незнакомцы недружелюбно осмотрели меня с ног до головы, и один из них, постарше других годами, сказал злобно:

— Проваливай отсюда, да побыстрее, а не то…

Рука говорившего потянулась к лежавшей рядом винтовке.

— Как же так, товарищи? — оторопев от угрозы, неестественно громко спросил я.

— Товарищи, — передразнил меня дезертир, — были товарищи, да сплыли.

Я заковылял прочь. Лишь к вечеру следующего дня оврагами вышел к небольшой деревушке с небогатыми постройками. Измотанный вконец, я прилег на траву около сарая, стоявшего на отшибе. Неподалеку два мальчугана лет десяти-двенадцати пасли коров. Увидев незнакомого человека, они не испугались, подбежали ко мне. Оба были вихрастые, в одинаковых серых рубашках, босые. Уставившись на кроваво-грязный бинт на моей ноге, один из мальчуганов определил:

— Дяденька, а вы — красноармеец!

Другой спросил:

— Хотите, дяденька, мы принесем вам чего-нибудь поесть?

И, не дождавшись моего ответа, умчались в деревню. Вернулись они очень скоро. Одним духом выпалили:

— Сейчас придет тетя Паша!

И верно, вслед за мальчуганами к сараю подошла женщина и спросила:

— Вы ранены, товарищ? Наверное, голодны. Вот поешьте.

В узелке, который она развязала, были яйца, хлеб, крынка молока. Я жадно ел и рассказывал свою невеселую историю.

— Остановитесь пока у меня и будете лечиться, — безапелляционно заявила тетя Паша, выслушав меня. — Сейчас мы для вас баню истопим.

Поздним вечером, вымывшись в бане, я впервые с начала войны лег спать на кровать. Рана моя была промыта и искусно забинтована чистой марлей…

Проснулся я, когда солнце было уже высоко. За окном ветер колышет густую высокую рожь. Ни выстрелов, ни стонов раненых, ни лающей команды гитлеровских офицеров. Будто и нет войны.

Деревня Зайцы, ставшая моим приютом, лежала в стороне от бойких дорог. Но фашисты уже дважды наезжали сюда и успели ввести свои порядки. Они запретили крестьянам работать коллективно, распределили по дворам колхозный скот (через несколько недель он был изъят «для нужд доблестной германской армии»), порезали добрую половину деревенских кур и гусей. Поддерживать «новые порядки» оккупанты поручили предателю из соседнего села Топоры Анисиму Солодухину, приказав величать его «паном».

Мне очень повезло: хозяйка моя, Прасковья Никитична Химкова, была коммунисткой. До войны она работала директором семилетней школы. Эвакуироваться не успела из-за малолетней дочери и больного старика отца. Вместе с ними жила сестра Химковой с двумя детьми. Я был первым, но не последним бойцом Красной Армии, кого выходила и спасла эта мужественная женщина.

Прасковья Никитична рассказала, что по решению Невельского РК ВКП(б) в этих местах должен дислоцироваться партизанский отряд. Пока связей с ним она не установила, но какие-то отряды, не то белорусских партизан, не то красноармейские, вышедшие из окружения, уже действуют на дорогах к Невелю.

— Найдем их, — говорила, улыбаясь, Химкова, — и уйдем в лес, сперва вы, а потом и я. А пока — отлеживайтесь, набирайтесь

сил.

Я оброс бородой, носил бумажный рабочий костюм. Днем отсиживался в сарае, а вечером возвращался в хату хозяев.

Соседям сказали, что я двоюродный брат Прасковьи Никитичны. Они, конечно, догадывались, кто я, но по молчаливому уговору ни о чем меня не расспрашивали. Когда в деревню приезжали гитлеровцы или наведывался их ставленник Солодухин, или Солодуха, как называли предателя крестьяне, я через огороды выбирался в овраг и оттуда с тоской глядел на синеющий вблизи бор. Как мне хотелось попасть к партизанам!

Проходили дни. Время не шло, а ползло со скоростью улитки. Рана моя быстро заживала. Вечерами я беседовал с отцом Химковой Никитой Филипповичем, мудрым стариком, правильно понимавшим сложность обстановки в стране. Иногда в нашей беседе участвовали соседи. Особенно запомнился мне пожилой колхозник, которого в семье Химковых уважительно называли «дядя Гриша». Рассуждал он примерно так:

— Солодуха говорит, что немцы — добрый народ и будут у нас наводить порядок. Подумаешь, нашлись благодетели! Это все равно, что залезет в мою кладовую вор. Я его на месте преступления застану да спрошу: «Зачем пожаловал с мешком?» А он мне в ответ: «Дядька Гриша, уж больно добро твое лежит в беспорядке, так вот пожалел я тебя, мужика бесхозяйственного, и сломал замок, чтобы вещички твои в порядочке разложить». Да разве могу я поверить вору? Неужели непонятно, зачем Гитлер послал своих разбойников в наш советский амбар? А Соло духе что? Подлец он и продажная тварь.

Однажды вечером Прасковья Никитична привела в дом молодого черноглазого парня и представила его как учителя.

Борис, так назвал себя при знакомстве учитель, остался ночевать. Мы вышли с ним во двор и направились к сараю. Ночь была тихая, теплая, тяжелая от звезд.

— Михаил Леонидович, а ведь я не учитель.

— Знаю, Борис.

— Как так знаете?

— Да вот так. Я сам — учитель, а ведь ты знаешь пословицу; рыбак рыбака видит издалека. Скажи откровенно: кто ты?

— Партизан я, товарищ Воскресенский. За вами пришел.

На другой день утром я простился с семьей Химковых и вместе с Борисом ушел в лес. На этот раз я шел не прятаться от врага, а бороться с ним. Было это 7 августа 1941 года…

За рекой Ущей в лесной чащобе спрятался хутор Парамки. До ближайшей деревни от него — добрый десяток километров. Глухое место. Редко заглядывали сюда посторонние люди: зимой

иногда наезжали лесозаготовители, ранней весной заходили охотники.

В середине июля 1941 года здесь встретились две группы красноармейцев, выполнявшие в прифронтовой полосе специальное задание. Первую группу вел политрук Пенкин, второй командовал старший лейтенант Паутов. Группы объединились в партизанский отряд, которому сами же бойцы дали имя прославленного летчика Валерия Чкалова.

На местах недавно прошедших боев партизаны организовали сбор оружия и боеприпасов. Разыскали минное поле, разминировали его и запаслись взрывчаткой. В лесу было найдено небольшое стадо скота, которое отгонялось на восток, но так и не добрело до места назначения. Разрешился таким образом и вопрос с питанием.

Каждый день из отряда уходили на боевые задания группы партизан. На большаках, ведущих к Невелю, они ставили мины, устраивали засады. Успели уже взорвать несколько мостов на шоссейных дорогах.

В отряд чкаловцев и вел меня Борис. В полдень мы остановились у знакомого крестьянина в лесной деревушке Вильне. Здесь мой проводник исчез, приказав ждать его день, другой. Как я понял потом, партизаны в Вильне устраивали новичкам нечто вроде карантина. И опять началось томительное ожидание.

Борис появился на третьи сутки и, как ни в чем не бывало, будто мы расстались с ним вчера вечером, разбудил меня со словами:

— Хватит загорать. Михаил Леонидович Пошли!

В Парамках нас встретила хозяйка хутора — вдова лесничего, жившая здесь с двумя взрослыми дочерьми. Она пригласила нас покушать. В это время в сенях раздались твердые шаги. В комнату вошел плотный, среднего роста человек с автоматом. На рукавах его гимнастерки алели звездочки, в петлицах было по три кубика. Серые умные глаза глядели строго и пытливо. Это был политрук Пенкин.

Борис вскочил и замер в положении «смирно». Я тоже встал.

— Вы кто будете? — обратился ко мне вошедший.

Я назвал себя и начал было говорить о том, как попал сюда, но Пенкин прервал меня:

— Выйдемте на улицу.

У дома присели на скамейку. Я подробно рассказал о себе, о том, как оказался в тылу, о встрече с Борисом. Пенкин внимательно выслушал меня, затем спросил:

— Вы коммунист?

— Да, член партии с января сорок первого года.

— А где ваш билет?

— Как где? Конечно, со мной.

Меня тогда удивил такой вопрос. Позже я понял, что от моего ответа зависело решение командира — принять меня в отряд или нет. За месяц скитания по вражеским тылам ему немало встречалось людей, которые называли себя коммунистами, а партийных билетов не имели — уничтожали их «на всякий случай».

Я вынул свой партийный билет и подал Пенкину. Он внимательно пролистал его.

— Хорошо, товарищ Воскресенский, будете в нашем отряде. Сейчас пойдем в лагерь.

Он позвал Бориса. Откуда-то появился еще один молодой партизан с винтовкой на ремне, и мы вчетвером двинулись в сторону лагеря. Некоторое время шли просекой. Вокруг в вереске хлопотливо гудели пчелы.

Пройдя километра четыре, мы вышли на берег лесного озера. От него свернули влево и вскоре очутились на небольшой полянке, окруженной густым березняком. Среди берез стояли две армейские палатки. Немного поодаль от них горел неяркий костер. У палаток сидели люди, кто в красноармейской форме, кто в гражданской одежде, и все были чем-нибудь заняты. Говорили партизаны вполголоса. Пройди вблизи лагеря — и не увидишь его, так он искусно был запрятан в березняке, и не услышишь ничего — настолько тихо все делалось бойцами.

Пенкин представил меня:

— Товарищи, вот новый боец нашего отряда — Михаил Леонидович Воскресенский. Думаю, что человек достойный.

Командир партизанского отряда имени Чкалова политрук С. Д. Пенкин.

Первым, с кем я познакомился поближе, был подрывник Панченко, местный «цирюльник». Усадив на пенек, он привел меня, как определили мои новые товарищи, в «христианский вид»: подстриг, побрил, но оставил аккуратную бородку и усы. Это он сделал, не спрашивая «клиента», — таково было приказание командира.

— Пригодится для разведки, — пояснил Пенкин.

Выйдя из «парикмахерской», я подсел к костру. Партизаны, окружавшие его, начали расспрашивать меня, коротко рассказывали о себе. Я вновь почувствовал себя в родной красноармейской среде. На душе стало радостно…

На третий день пребывания в партизанском лагере Пенкин дал мне первое задание: разведать, нет ли у кого в окрестных деревнях радиоприемника, и узнать, что за «подпольный госпиталь» организован в деревне Топоры.

С помощью Химковой и ее друзей я быстро справился с заданием. Радиоприемников, правда, не нашел, зато побывал в «госпитале». История его весьма обычна для того времени. Вблизи Топоров шли ожесточенные бои. Когда фронт отодвинулся дальше, жители деревни подобрали в кустах несколько раненых красноармейцев и разместили их в доме одной молодой колхозницы. Лечил бойцов военный врач из «окруженцев». Не имея права рассказывать раненым об отряде, я все же пообещал им:

— Скоро, товарищи, вам всем найдется дело. Сражаться за Родину можно и в тылу врага.

Возвращаясь в лагерь, на одной из проселочных дорог я заметил немецкие тягачи. Спрятался в кусты. Наблюдая за их продвижением, установил, что за Топорами гитлеровцы размещают дальнобойную артиллерийскую батарею. Что бы это могло значить?..

Пенкин остался доволен моим докладом. Решено было, что завтра после партийного собрания я вновь отправлюсь в Топоры и приведу в лагерь военного врача и кого можно из раненых красноармейцев. Выслушав мое второе сообщение, командир убежденно сказал:

— Не случайно оборудуются артиллерийские позиции вблизи Невельского шоссе. Этим подтверждаются слухи о тяжелых боях, идущих где-то в районе Великих Лук.

— Дерутся наши хлопцы, не пускают фашистов к Москве, — вмешался в разговор начальник штаба Иван Сергунин.

— А мы здесь на мелочи разменяемся, — сердито начал Паутов.

Сергунин и Паутов — оба кадровые командиры инженерных частей Красной Армии. Оба зарекомендовали себя в отряде бесстрашными и умелыми подрывниками. Но взгляды у них на свое положение разные. Паутов считает свое пребывание в отряде партизан временным и рвется за линию фронта. Сергунин, наоборот, не мыслит партизанской борьбы без участия в ней людей, знающих военное дело, тактику современной войны. Пройдет время, и жизнь подтвердит правильность точки зрения Сергунина.

— Ну, так-то уж и на мелочи? — улыбаясь, перебил своего заместителя Пенкин. — Взрыв десяти мостов на важной коммуникации противника — разве это не помощь нашей родной армии? А когда ты на днях с восемью бойцами уничтожил фашистов, грабивших деревню Стайки, разве это не то, что требуется сегодня от нашего брата? Нет, нет, друзья, поступаем мы правильно…

Минуло почти четверть века с того августовского дня, когда я пришел на первое партийное собрание на оккупированной территории. Но я хорошо помню уголок лесной просеки, буйно заросшей малинником, и три сосны, под которыми расположились одиннадцать моих товарищей по партии.

Собрались мы, чтобы поговорить о пополнении партизанских рядов.

— Отряд показал свою боеспособность, — сказал Пенкин. — Люди у нас надежные, проверенные в боях. Пришло время расширить рамки действия отряда. Но нас мало. Каждый третий партизан — коммунист. Это — большая сила. И она должна быть полностью использована для решения первоочередной сегодня задачи — роста отряда. Непростительно, что до сих пор у нас нет контактов с местными коммунистами. Нужно чаще бывать среди крестьян, смелее звать их к священной борьбе…

Собрание единодушно поддержало командира. Договорились также отправить двух партизан в советский тыл для установления связи со штабом фронта.

После собрания я отправился в Топоры. Встретившись у деревни с местным коммунистом Николаевым и передав ему решение нашего партийного собрания, я пошел в дом, где жили и лечились красноармейцы. Хозяйка, помню, что звали ее Римма, провела меня к раненым. Я рассказал товарищам о существовании нашего отряда и предложил им, как только они смогут, перебираться к нам.

Вдруг Римма, наблюдавшая за дорогой в окошко, отскочила от него:

— Немцы!

Я глянул в окно. По улице на мотоциклах и велосипедах ехали гитлеровцы. Задерживаться мне было нельзя. Немного переждав, я вышел на двор. Но как только оказался на улице, увидел фашистов, сидевших недалеко от дома на зеленой лужайке. Увидели и они меня. Раздалось повелительное:

— Ком! Ком!

Бежать было поздно. Неторопливо приблизился к солдатам. Мне приказали сесть на бревно, где уже разместилось несколько задержанных. Гитлеровцы стали рыскать по огородам, сараям. Тащили овощи, гусей, кур. Рыжий высокий солдат, который нас сторожил, разломал большой огурец, надкусил одну половину, сморщился, видно, огурец попался горький, и с размаху бросил его в лицо стоявшей у изгороди пожилой женщины. Она молча снесла оскорбление.

Задержанных становилось все больше.

Но вот на телеге к лужайке подъехал седой офицер с

железным крестом на груди. Его сопровождал переводчик.

Начался допрос. Первым вызвали сидевшего с краю парня. Он одет в поношенный пиджак, явно ему узковатый. «Эх, пропал человек, — подумал я. — Сразу видно — красноармеец».

— Кто ты? — спросил переводчик.

Из толпы, собравшейся около нас, выбежала женщина:

— Зачем его задержали? Господа хорошие, ведь это наш, деревенский, мой брат двоюродный.

Переводчик что-то сказал офицеру. Тот постоял, насупившись, и махнул рукой. Парня отпустили. Конечно, он никакой не брат этой женщины, но она его выручила, быть может, спасла от смерти. Молодец!

— Кто ты? — обращается переводчик к другому задержанному, тоже парню. Тот хитровато прищуривается, в глазах улыбка:

— Я убежал из тюрьмы.

— За что сидел?

— Председателя колхоза ударил, — врет парень.

Еще несколько вопросов, и он отпущен.

Лихорадочно думаю, что отвечать мне. Может, выдать себя за местного жителя или убежавшего из тюрьмы мошенника? Нет, к этим версиям я не готов. В кармане у меня лежит состряпанная Сергуниным справка с печатью Ловецкого сельсовета, в которой написано, что я являюсь учителем Ловецкой школы и нахожусь сейчас в летнем отпуске.

Одет я прилично, и у меня солидная рыжеватая бородка. Пусть выручает!

Слышу стандартное:

— Кто ты?

Спокойно отвечаю:

— Учитель.

— Документ?

— Пожалуйста!

Фашист долго разглядывает мою справку, но, видимо, действительно правы шутники, которые утверждают, что поддельный документ выглядит наиболее правдоподобно. И все же офицер хочет запутать меня. Медленно тянет слова:

— …Ловецкая школа… Это далеко… Почему здесь?

— Сейчас начальник Невельского района объявил о регистрации учителей и будет решать вопрос о назначении на работу. Вот я и пришел познакомиться со школой, прежде чем просить сюда назначения.

— В армии служил?

— Да, служил.

Ответ озадачивает офицера.

— Сейчас служил? — уточняет он вопрос.

— Ах сейчас? Нет. Раньше служил.

— А сколько тебе лет?

— Сорок. — Моя борода позволяет мне к своему действительному возрасту прибавить более десятка лет.

— Немецкий язык знаешь?

Опасный вопрос. Гитлеровцы ищут людей, знающих немецкий язык, и вербуют их в переводчики.

— Нет, не знаю.

— Но ведь ты изучал его, когда сам учился?

— Давно это было. Я плохо его учил. Сейчас весьма сожалею…

Офицер машет рукой.

Пронесло! Я ухожу неторопливо. Иду, не оборачиваясь, за околицу деревни…

К вечеру гитлеровцы из Топоров уехали, и я вернулся в деревню. Из задержанных фашисты увезли двоих. Солодуха, все время крутившийся около оккупантов, опознал встретившихся ему раньше красноармейцев. Я договорился с ранеными и, немного отдохнув, вернулся в отряд. Пенкин внимательно выслушал мой рассказ и дружески сказал:

— Ну, теперь, Михаил Леонидович, ты настоящий разведчик, у гитлеровцев в лапах побывал и выкрутиться сумел.

Через неделю несколько раненых, лечившихся в доме Риммы, пришли в отряд.

Вскоре стало известно, что Солодухин, как говорится, «вошел во вкус» — донес о существовании в деревне «подпольного госпиталя». Мы решили казнить изменника.

— Каждый час жизни негодяя — преступление. И оно теперь будет на нашей совести, если мы не избавим людей от этого ублюдка, — сказал Пенкин.

Привести в исполнение партизанский приговор командир приказал младшему лейтенанту Липнягову. С тремя бойцами Липнягов устроил засаду на шоссе, подкараулил «пана Солодуху», возвращавшегося навеселе из Невеля, где он получал деньги за свои гнусные дела, и расстрелял предателя. К его трупу был прикреплен листок тетрадочной бумаги со словами:

«Товарищи крестьяне: колхозники и единоличники! „Пан Солодуха“ получил вполне заслуженную смерть, как предатель советского народа и изменник Родины. Вы сами знаете, сколько он предал гитлеровцам бойцов и командиров Красной Армии. Иначе мы с ним поступить не могли.

Мы заявляем, что остаемся вашими друзьями, преданными

советскому народу бойцами до последнего вздоха своей жизни и непримиримыми врагами гитлеровской фашистской армии до полного ее уничтожения. Так мы будем поступать и дальше с наемниками кровожадного фашизма, с теми, кто предает советский народ и Родину».

Внизу стояла подпись: «Штаб партизанского отряда».

Это было наше первое письменное обращение к местному населению. Вскоре партизанская пуля покарала и другого предателя — волостного старшину Бантрука. Он был уничтожен днем прямо на улице деревни Голубово.

Отряд наш рос быстро. К нам присоединились отставшие по разным причинам от своих частей старший лейтенант Логинов, лейтенанты Худяков и Крылов, младший командир Бабыкин, пулеметчик Чернявский и другие. К концу сентября отряд насчитывал в своих рядах более ста бойцов. Была создана специальная стрелковая рота под командованием лейтенанта Утева, пришедшего к нам из «подпольного госпиталя». Политруком ее Пенкин назначил меня. Помню, как один из партизан, имевший командирское звание, возмутился:

— Воскресенский рядовой, а его в политруки выдвинули.

— Зато он в партизаны из армии с партийным билетом пришел, а не спрятал его в бане или сарае, — не без ехидства отпарировал Пенкин.

Неприятно слышать было этот разговор, но в те трудные дни было не до обид.

А дел становилось все больше и больше.

Наши бойцы теперь закладывали взрывчатку не только на дорогах Невель — Полоцк, но и на шоссе Киев — Ленинград. Разведчики-чкаловцы ходили на задания к Таланкину, Пустошке и даже к Себежу, вели наблюдение за передвижением фашистских войск, устраивали засады. Велико было наше удивление, когда однажды утром к лагерю подъехала большая грузовая машина. Из кузова высыпали смеющийся Утев и бойцы, отправленные с ним в засаду на проселочный тракт к Новохованску. Оказывается, им удалось перебить всех до единого гитлеровцев, находившихся в машине, и захватить ее целехонькой. В кузове лежали винтовки, патроны, одежда.

Дерзко действовали подрывники, особенно, когда группы возглавляли Паутов и Сергунин. 29 сентября они подорвали большой железнодорожный мост на дороге Полоцк — Псков. Удалось наконец передать в штаб Северо-Западного фронта и собранные нами разведданные.

Все это, конечно, не могло не насторожить оккупантов. Из Невеля в нашу округу прибыли каратели. 19 сентября в полдень к

нам в лагерь прибежал запыхавшийся парнишка:

— Дяденьки, немцы идут на Парамки!

Дежурный по отряду Утев скомандовал:

— В ружье!

Мы поспешили к хутору. Все понимали — в Парамки надо попасть раньше гитлеровцев. Население хутора за последнюю неделю увеличилось. Кров и хлеб там нашли семьи некоторых деревенских активистов и еврейская семья врача Янины Михейкиной.

Не зря торопился связной — отряд успел вовремя. Залегли недалеко от построек, у опушки леса. Вот и фашисты. Они на велосипедах.

Огненная строчка пуль ложится у колеса едущего впереди офицера. Это стреляет с высотки из автомата Пенкин. Условный сигнал. Мы дружно поддерживаем огнем командира: бьем по гитлеровцам из автоматов и винтовок. Фашисты торопливо рассыпаются по пригорку.

— Что? Выкусили, подлюги?! — возбужденно кричит сержант Федотов.

Из кустарника за дорогой в нашу сторону летят мины. Дав несколько залпов, каратели поднимаются в атаку. Теперь их значительно больше. По приказу командира мы подпускаем бегущих и что-то орущих гитлеровцев шагов на восемьдесят. И тогда открывают огонь наши пулеметчики Слепов и Камолов.

Бой за Парамки продолжался более двух часов. После нескольких атак фашисты отступили. Преследуя их, мы захватили проводника карательного отряда Якова Ради — немца с Поволжья. Отряд потерял три человека убитыми. Были ранены политрук Кумриди и сержант Федотов. Это он при знакомстве со мной отрекомендовался «учителем» Борисом.

По дороге в лагерь Федотов умер. Похоронили его в лесу. На душе было скверно. Я молча брел вслед за Утевым и вспоминал нашу первую встречу с Борисом…

Гитлеровцы не отказались от мысли уничтожить Парамки. Спустя тринадцать дней они чуть свет ворвались на хутор на шести автомашинах в сопровождении танкетки. Всех, кто не успел бежать, они расстреляли. Среди жертв фашистских убийц были и дети — двухлетние Михейкин Геня и Фрумкина Жанна.

После боя 19 сентября мы перенесли наш лагерь дальше в лес и расположились на болотном островке. Когда дозорные увидели дым в стороне Парамок, отряд спешно направился к хутору. Но на этот раз мы опоздали. Сделав свое черное дело, каратели быстро скрылись.

7 октября 1941 года штаб принял решение произвести налет

на железную дорогу Невель — Полоцк, вблизи станции Железница. На операцию отправились наша рота и группа подрывников. Командовать сводным отрядом было поручено Логинову.

Вышли днем, а в заданный район пришли в сумерках. Лес здесь подходил к самой железной дороге. Это нам позволяло скрытно приблизиться к ней и облегчало отход после налета.

Последний короткий привал. Очень темно, и мы едва различаем друг друга. Логинов вполголоса дает указания:

— Главное — взрыв моста. Первыми продвигаются пулеметчики. Их задача сбить охрану и занять оборону. После этого на мост побегут подрывники. С этой группой будем я и политрук Воскресенский. Налет на казарму делает группа лейтенанта Утева. Атаку начинать только тогда, когда на мосту откроется стрельба. Если ее не будет — сразу же, как услышите взрыв. Отход сюда, на это место. Ясно?

Все молчат. Значит, задача понятна. Идем осторожно дальше. Но все равно шумят раздвигаемые кусты, слышен шорох шагов, и нам кажется, что вражеские часовые чувствуют наше приближение. Впереди что-то чернеет. Будка. Берем влево и идем вдоль железной дороги. Начинаем различать фермы моста. Останавливаемся в кустах. К насыпи пошли пулеметчики. Ждем. Вот-вот вспыхнет перестрелка. Но по-прежнему все тихо.

— Что за чертовщина? Заснули они там, что ли? — вполголоса возмущается Логинов.

Мне смешно: партизанский командир недоволен беспечностью врага. Логинов поворачивается в мою сторону:

— Ты чего ржешь? Ведь разведка доложила: мост охраняется. Днем целый десяток фрицев находился у будки.

Отшучиваюсь:

— Была у собаки хата, да от дождя сгорела, — и уже серьезно — струсили, видно, гитлеровцы: ночь-то темная да холодная. Не медли, командир, посылай подрывников.

Проходит несколько минут, и на мосту уже хозяйничают подрывники. Вспыхивает огонек спички. Секунды — и яркое пламя слепит глаза. Раздается взрыв. Летят вверх куски бревен, изогнутые рельсы. И снова становится темно и тихо.

У нас удача. А что происходит в группе Утева? Кажется, что она медлит. Быть может, мешают ребятам начать налет какие-то непредвиденные обстоятельства? Но страхи наши напрасны. Настороженную тишину разрезают пулеметная очередь, взрывы гранат.

— Порядок! — радостно кричит Логинов. — Отходим, товарищи!

Мы поворачиваем к лесу. Идем быстро. Сзади нас зарево и тревожные гудки паровоза на станции Железница. Вскоре по дороге, протянувшейся параллельно железнодорожному полотну, затарахтели танкетки. Фашисты начинают беспорядочный обстрел леса.

На месте сбора нас ожидает уже группа Утева. Ребята отлично справились с заданием. Настроение у всех приподнятое. Слышатся голоса:

— Как здорово мост шарахнуло!

— Фрицы-то в дверь. А я по ним в упор из пулемета!

— Получили бандюги за наши Парамки!

Когда мы пришли в деревню Вильна, уже занялся рассвет. Решили устроиться на дневку. Выставили охрану, а всех остальных бойцов разместили по домам. Жители деревни впервые увидели нас большой организованной вооруженной группой. Ночью в Вильне были слышны и взрыв моста, и стрельба в районе казармы. Крестьяне, конечно, поняли, что это дело наших рук.

Логинов, Утев и я зашли в дом, в котором в течение двух месяцев мы часто бывали с Борисом. Хозяин дома в первый раз увидел меня без бороды, в военной форме и с оружием. Он удивленно спросил:

— Так ты партизан?

— Да, партизан.

— А когда раньше к нам заходил, тоже был партизаном?

— И тогда был партизаном.

— Так что же ты нам ничего не говорил?

— Не обижайся, отец. Тогда об этом говорить было нельзя.

Засуетилась хозяйка. Нас накормили хорошим обедом и уложили отдыхать. Хозяин подсел ко мне и сказал:

— Правильный путь, сынок, избрал. Святое ваше дело. Гоните иродов этих проклятых, чтобы и духу их не было на земле нашей.

Немного помолчав, спросил:

— Жена-то имеется?

— Есть.

— А дети?

— Сынишка… Несмышленыш еще.

— Вот что, парень, дай-ка адресок. Всякое может с вами случиться. А когда немцев-то здесь не будет, я и пропишу твоим про все ваши дела боевые.

Адрес я ему дал. Он аккуратно сложил бумажку и спрятал ее за божницу.

И раньше в этом доме меня принимали хорошо, но то радушие, с которым нас встретили сегодня, было особенным. Раньше меня просто жалели, как солдата, попавшего в беду.

Сегодня во мне увидели бойца, народного защитника.

ВТОРАЯ ОСОБАЯ

Почти на месяц раньше обычного пришла в тот год зима на Псковщину. Мороз разукрасил стекла в окнах изб, прихватил ледком озера и реки.

Зима застала нас врасплох. В отряде не было запасов продовольствия и патронов. Не было у бойцов и зимней одежды. Нам так и не удалось установить связь со штабом фронта. Все это, особенно последнее обстоятельство, заставило командование принять решение покинуть невельские леса, двигаться в направлении предполагаемой линии фронта, перейти ее и влиться в состав регулярных частей Красной Армии.

Правильно ли было это решение? И да, и нет.

Правильно в своей первой части. Оставаться в невельских лесах при создавшихся условиях зимовки не имело большого смысла. А вот в отношении слияния с армией вопрос нами до конца продуман, конечно, не был.

Командир решил вести отряд к городу Осташкову. Поначалу мы продвигались быстро. Но фашисты, обнаружив в своем тылу рейдирующий отряд, бросили вслед нам подразделения охранных войск. Схватки с ними становились все чаще и чаще, а наше продвижение все медленнее и медленнее. Восточнее станции Насва каратели сбили нас с лесных дорог в болото.

Морозно. Болотная топь завьюжена снегом. Под ним студеная вода. Иногда погружаемся в нее по пояс. Идти чертовски трудно. Вот впереди маячит островок. Выбираемся на твердую землю. Разжигаем костер. Сушимся, греемся. А через час снова ледяная купель.

Наконец болото пройдено. Впереди темнеет громада леса. За нею река Ловать. Широкой извилистой лентой тянется она от Великих Лук к озеру Ильмень. Разведка приносит

неутешительные сведения: фашисты, разгадав маршрут отряда, перекрыли все переправы. В каждой деревне у реки — подразделения карателей, на мостах — сильная охрана, у брода — засада.

— Нужно во что бы то ни стало форсировать Ловать, — говорит Пенкин. — Попробуем обмануть врага. Пробиваться будем небольшими группами вдалеке друг от друга.

Я и Логинов опять вместе. В сумерках между двумя деревнями ведем свою группу к реке. Место голое, и каратели вряд ли подумают, что мы именно здесь будем переправляться.

До реки остается несколько метров. Я вспоминаю, что когда-то она была частью великого водного пути «из варяг в греки», и говорю Логинову:

— Вот, Иван Афанасьевич, мы и на пути в Грецию.

— Какая там Греция. Тут бы, дьявол его возьми, к варягам мюнхенским в лапы не попасть, — в сердцах отвечает командир. — Ни баньки тебе, ни сарая. Плот сделать не из чего.

Берег действительно совершенно пуст. Но что это? У самой реки слышна какая-то возня. Спускаемся вниз и видим: разведчик Степан Щитов съехал на животе на лед и ползет. Нам и в голову не приходило, что сейчас, в первых числах ноября, через довольно широкую реку можно переправиться таким способом.

— Комиссар! Гляди — лед прогибается, трещит, а держит, — толкает меня под локоть Логинов.

— Степа! Назад! Утонешь! — зову смельчака.

— Бог не выдаст, свинья не съест, — смеется Щитов.

С тревогой наблюдаем за ним. Он ползет медленно, выбрасывая вперед руки, точно плывет. На какое-то непродолжительное время его фигура скрывается из виду. Мы замираем — не провалился ли? Но тут же видим силуэт пляшущего человека на противоположном берегу.

— Вот и выход из западни. Молодец, Степан! — радостно говорит Логинов и сразу же приказывает: — Начать переправу! Ползком, строго по одному.

Вымокли до нитки, но реку по-пластунски форсировали удачно. Лед проломился только под одним бойцом, который поторопился при спуске. Утонуть ему товарищи не дали. Когда перебрались пулеметчики, прикрывавшие переправу, все бросились бегом к лесу. Логинов время от времени подгонял:

— Быстрее! Быстрее!

Углубившись километра на два в лес, развели костер. Кто-то мечтательно вздохнул:

— Эх, чарочку бы!

— Раздеться догола! — весело, по-мальчишески, командует

Логинов.

— И плясать кто во что горазд, — добавляю я.

Пока у костра сушится одежда, одни прыгают, другие пляшут «яблочко», третьи быстро ходят вокруг костра. Если бы кто увидел нас в тот момент, наверное, подумал бы: «Сумасшедшие или сектанты какие-то».

За Ловатью, куда мы перебрались, немецких гарнизонов было мало, и наше дальнейшее продвижение проходило сравнительно благополучно: ночевали в деревнях, днем шли по маршруту, высылая вперед двух-трех разведчиков. Во время одного из таких переходов на границе Пеновского района, вблизи деревни Ольховки, мы повстречались с группой вооруженных всадников. От нее отделился боец лет сорока и подскакал к нам. За спиной карабин, вид лихой, глаза озорно смеются:

— Что за странники? Почему вооружены? Куда путь держите?

— А вы кто такие, чтобы спрашивать? — отвечаем вопросом на вопрос.

— Я разведчик Андрей Мигров из партизанской бригады Литвиненко. Слышали про такую?

— И мы партизаны. Идем к линии фронта на соединение с Красной Армией.

— Это зачем же? — удивился наш собеседник. — А кто здесь воевать будет? — И, не дожидаясь нашего ответа, убежденно добавил: — Так не получится. Нашему батьке вас покажем, как он решит, так и поступите. У него права на это есть. Документ самим Ватутиным подписан.

— А это что за начальство? — вступил в разговор Степан Щитов.

— Ватутин — начальник штаба Северо-Западного фронта, а мы, как говорит наш комбриг, его глаза и уши в тылу немцев. Ну, а ты, парень, видно и впрямь в медвежьей берлоге отлеживался, раз о Литвиненко ничего не слышал.

— Положим не отлеживался, а с врагом дрался, — заступился я за Щитова. — Однако коль такой приказ у вашего комбрига имеется, то мы подчинимся ему. Ведите нас к Литвиненко.

— Вот и договорились, — улыбнулся Мигров. — Отдыхайте. День уже на исходе, а завтра я за вами прискачу.

С этими словами он с товарищами уехал, а мы расположились на отдых.

Ночь прошла быстро. И вот мы снова в пути. Наш проводник приводит нас в деревню со странным названием Внучки. У крайнего дома стоит часовой — парень в добротном ватном пиджаке с автоматом на груди. О нашем приходе уже знают. Часовой без слов пропускает нас на деревенскую улицу. Идем

строем. Впереди Логинов и я, рядом вчерашний знакомый — Мигров. В центре деревни, у большого красивого дома, Мигров останавливается:

— Здесь штаб бригады. Командира и комиссара прошу следовать за мной.

Логинов, Мигров и я заходим в помещение. Из-за стола навстречу нам поднимаются четыре человека. Логинов докладывает строго по-военному:

— Группа партизан отряда имени Чкалова движется к пункту сбора.

Смуглый, невысокого роста командир смеется, жмет нам руки и представляется:

— Майор Литвиненко. Знакомьтесь. Сидайте, панове, да рассказывайте, только уж не так официально.

Говорит он с небольшим украинским акцентом. От его сердечной простоты и от широкой улыбки на душе становится легче. Мы знакомимся с комиссаром Тереховым, начальником штаба Белашом, со стройным, голубоглазым старшим лейтенантом, заместителем комбрига по разведке Германом.

Я рассказываю коротко историю создания отряда имени Чкалова, о проведенных нами диверсиях. Герман спрашивает об обстановке на пути нашего следования к Ловати, уточняет, где может выйти группа Пенкина. На его вопросы отвечает Логинов. Начальник разведки хочет что-то еще спросить, но Литвиненко ласково перебивает его:

— Хватит, Саша, хлопцев пытать, — и, обращаясь ко мне и Логинову, говорит: — Что ж, воевали вы добре, красноармейскую честь не уронили. Спасибо вам за это. А блажь о переходе линии фронта выбросьте из головы. Вливайтесь в нашу бригаду. Идем мы на запад. Постоянно будем в боях и походах. Как в песне про моряков поется: «Нынче здесь, а завтра там». Тактика наша простая — «подпалыв и тикай». О конкретных задачах узнаете позже. А сейчас идите к бойцам и скажите им о нашем решении.

Выйдя из штаба, я шел и думал: «„Подпалыв и тикай“. Что это? Формулировка примитивной партизанской тактики? Нет! Очевидно, просто-напросто любимое выражение Литвиненко». Позже я узнал, что в действительности задачи у 2-й Особой были шире и значительнее. Бригада пока рейдировала в районах Пено — Молвотицы — Андреаполь.

2-я Особая была детищем начальника штаба Северо-Западного фронта генерал-лейтенанта Ватутина и его ближайшего помощника — начальника разведотдела полковника Деревянко. Впоследствии мне стало известно, что Николай Федорович Ватутин лично подбирал командира бригады и его

заместителя по разведке — «главного разведчика», как, смеясь, говорил он. Выбор Ватутин сделал превосходный.

Командир 2-й Особой Леонид Михайлович Литвиненко был кадровым военным, участвовал в гражданской войне. Этого энергичного, смелого человека в бригаде все любили. За глаза Литвиненко иначе, как «наш батя», партизаны не называли.

«Главный разведчик» бригады Александр Викторович Герман родился и вырос в городе на Неве. Ленинградский комсомол послал его в начале тридцатых годов в армию. Окончив танковое училище, Герман служил в Белоруссии, затем учился в специальной школе при военной академии, оттуда попал в разведотдел штаба Северо-Западного фронта.

Бойцы относились к Герману с особым уважением. Он был исключительно обаятельным человеком и, бесспорно, талантливым командиром. «Хлопец рожден управлять боем», — любовно говорил о Германе Литвиненко.

В послевоенные годы мне приходилось слышать от некоторых партизанских командиров, знавших Германа непродолжительное время, такие характеристики Александра Викторовича, как «безумно храбрый», «горячий до безрассудства». Все эти звонкие эпитеты не имели ничего общего с характером нашего «главного разведчика», а впоследствии и командира. Да, Герман был храбр, но его храбрость основывалась на мудрости зрелого воина. Он всегда тщательно и весьма осмотрительно готовился к боевым операциям — будь то налет на охрану небольшого железнодорожного моста или сражение с целой карательной экспедицией. Решительности и хладнокровию Германа в бою могли позавидовать командиры самых высоких рангов.

Вот с какими людьми свела меня судьба глубокой осенью 1941 года. В течение небольшого срока все группы партизанского отряда имени Чкалова влились во 2-ю Особую. Последним из чкаловцев в бригаду попал Сергей Дмитриевич Пенкин. При переправе через Ловать он обморозил ноги и вынужден был остаться в одной из деревень подлечиться. Литвиненко назначил Пенкина начальником особого отдела бригады.

Получил и я неожиданное для себя новое назначение. Как-то рано утром меня и Логинова вызвали в штаб. Нас встретил комиссар. Поздоровавшись, приказал:

— Вы, товарищ Логинов, идите к комбригу. Он вас ждет. А с вами, Михаил Леонидович, хочу об одном деле потолковать.

Что, думаю, за дело? Казалось, обо всех делах отряда переговорено. Зашли мы в соседнюю комнату. Усадив меня напротив себя, Терехов начал расспрашивать о том, как чкаловцы привыкают к новым условиям. Чувствуя, что вызвали меня в штаб

по какому-то другому важному вопросу, я отвечал невпопад. Заметив мое волнение, комиссар без обиняков предложил:

— Как вы смотрите, товарищ Воскресенский, на то, чтобы возглавить политотдел?

— Какой политотдел?

— Мы еще не завершили до конца организацию нашего соединения. Решено в бригаде создать политотдел, а вас назначить начальником его.

— Меня? Так ведь я в армии был рядовым. Да и членом партии стал только в начале этого года.

— Не боги горшки обжигают, — отрезал Терехов. И уже мягче добавил — Справитесь, Михаил Леонидович, обязаны справиться.

Я согласился.

Вечером мы выступили в поход. Грязные космы туч нависли над лесом. Повалил снег. Кони и повозки вязли в расплывшейся проселочной дороге. Идти было тяжело. В последний раз я шагал рядом с бойцами родного отряда. Утром следующего дня мне предстояло начать организовывать работу политотдела бригады. А с чего ее начинать? До этого провел я всего лишь несколько бесед в деревнях Невельского района, оккупированного фашистами. Вот и весь мой опыт агитатора.

Кроме меня в политотдел зачислили еще четверых: инструкторами Григорьева, Леонова, Шабохина и помощником начальника по комсомолу Зиновьеву. Старшим по возрасту из нас был Семен Леонович Леонов[1]. В юности ему довелось многое повидать. Он сражался с белыми бандами. А вернувшись после гражданской войны в деревню, стал в ряды тех, кто поднял на берегах Великой знамя колхозного движения. Псковские пахари избрали коммуниста-бедняка председателем колхоза. Председательствовал он до начала советско-финляндской войны.

Леонов умел завести душевный разговор, просто, доходчиво растолковать любую сложную проблему. На привалах бойцы охотно подсаживались к костру, где слышался густой леоновский бас.

Запомнился мне его разговор с юношей-красноармейцем, присоединившимся к бригаде в районе поселка Молвотицы. Один из отрядов бригады сделал тогда удачный налет на вражеский гарнизон на большаке Молвотицы — Холм. В этом бою молодой партизан вел себя недостаточно активно, и вечером у коновязи Леонов по-отечески журил его. Парень оправдывался:

— Мне бы автомат, а то фрицы строчат да строчат из автоматов-то.

— Ну что ты, как сорока, заладил одно и то же: автомат, автомат. Тебе не автомат нужен, а злости побольше. Ведь вот

бежал же я в атаку с тобой рядом без автомата, а не кланялся каждой немецкой пуле.

— Так вам, дядя Сеня, вообще страх неведом.

При этих словах лицо Леонова расплылось в улыбке:

— Э, нет, дружище. Это ты зря загнул. Все мне ведомо: и страх, и жажда жизни. Но только злости на врага уж очень много у меня скопилось, да и хочу человеком всегда быть.

— А я, что ли, не человек? — перебил Леонова с обидой в голосе боец.

Семен Леонович будто не услышал реплики собеседника, продолжал:

— Настоящий человек умирает на войне один раз, а трус ежедневно себе отходную молитву бормочет. Вот и выбирай, брат, что тебе лучше подходит. А обижайся не на меня, а на себя. Я ж тебе от чистого сердца добра желаю.

— Да я понимаю.

— Ну, а раз понимаешь — пошли ужинать, — предложил миролюбиво Леонов и уже мимоходом, как бы невзначай, бросил: — А автомат-то дело наживное, глядишь, и у тебя появится.

Через неделю я встретил леоновского подопечного с трофейным автоматом за плечами. В конце года его фамилия была названа в приказе по бригаде, в котором отмечались доблесть и находчивость группы партизан, участвовавших в засаде на шоссе.

Активно стала работать в политотделе Нина Зиновьева, мой помощник по комсомолу. До войны она учительствовала в школе под Осташковом. Когда фронт приблизился к городу, Нина стала бойцом отряда МПВО. Однажды в подвал, где Зиновьева с подругами готовила бутылки с зажигательной смесью, зашел Литвиненко. Разговорились. Узнав, что девушка преподавала в школе немецкий язык, Литвиненко зачислил ее в штаб бригады переводчицей. Позже Терехов направил Нину в политотдел.

В Осташкове Зиновьева часто выступала на вечерах в концертах самодеятельности. Комбриг наш знал и об этом. И когда мы, выбив гитлеровцев из какой-либо деревни, располагались в ней на ночлег, он распоряжался:

— Нина, а ну быстренько избу попросторнее отыщи да молодежь собери!

Через час в деревне раздавались переливы гармони. Из открытой двери на морозную улицу неслась задорная частушка. Такие вечеринки мы проводили часто. Это была весьма действенная форма общения партизан с местным населением.

В довольно короткий срок политотдельцы с помощью комиссаров создали в каждом отряде, в каждой группе партийные

и комсомольские организации, выделили агитаторов. В бригаде начала выходить стенная газета, которая по прочтении передавалась из одного подразделения в другое.

В конце 1941 года 2-я Особая насчитывала в своих рядах около четырехсот бойцов и командиров. Бригада состояла из четырех боевых отрядов и штаба. Была у нас и специальная огневая группа автоматчиков, которой командовал воентехник 2-го ранга Константин Гвоздев. Литвиненко все мечтал заполучить в бригаду три-четыре танка, и с этой целью штаб скомплектовал и готовил несколько танковых экипажей.

В декабре отряды бригады разгромили фашистский гарнизон в селе Даньково, выбили гитлеровцев из деревень Морозово и Моисеево. Наши диверсионные группы взорвали крупные немецкие склады боеприпасов и продовольствия в поселке Андреаполь, уничтожили в засадах более двадцати грузовых автомашин с солдатами неприятеля.

Целый месяц бригада вела кочевой образ жизни, обеспечивая разведывательными данными штаб Северо-Западного фронта, войска которого оборонялись в то время на рубеже озеро Ильмень — Лычково — озеро Селигер — Осташков. Мы не знали тогда, что наш фронт готовится к участию одновременно в двух стратегических операциях — и против группы фашистских армий «Север» и против группы «Центр».

Но по тому, как много сведений из разных районов требовали от нас Ватутин и Деревянко, догадывались: предстоит большое наступление.

Константин Гвоздев — командир огневой группы 2-й Особой партизанской бригады.

Особенно напряженно в эти дни жили наши разведчики. У Германа в разведке были энергичные, храбрые ребята и бойкие, смелые девушки. Все они каждый день куда-то уезжали и уходили, иногда пропадали целыми сутками. Как-то раз, когда штаб бригады располагался в полусожженном лесном селе, я решил поближе познакомиться с Александром Викторовичем.

Возвращаясь поздно вечером из отряда Паутова, заглянул к нему в избу. Герман не спал. Дымя трубкой, рассматривал какие-то замусоленные бумажки.

— На дворе и мокро и студено, а у вас огонек горит. Вот и завернул погреться, — начал я разговор, — заодно и про вашу работу расспросить хочу. Не очень-то вы нас, политотдельцев, в свои секреты посвящаете.

Старший лейтенант подкупающе улыбнулся и ответил афоризмом:

— Лучше всех тайну хранит тот, кто ее не знает.

— А что это за бумагу изучает начальник разведки на ночь глядя?

— Читайте.

На помятом тетрадочном листе в косую линейку карандашом было написано:

«Дорогой кум! Вчера я была в нашем районном центре. Там большой базар. Продается много гусей, уток и кур. Своими глазами видела больше полсотни гусей, около сотни уток, а курам и счету нет. Но цены сердитые. Гуси стоят от семидесяти пяти рублей до ста пятидесяти пяти рублей. Много спекулянтов. Так что, кум, на этот базар надо ехать с большими деньгами. Остаюсь любящая тебя кума Василиса Прохоровна».

— Александр Викторович, что-то я ничего не пойму. Базар, куры, гуси, кума любящая. На кой ляд вам переписка спекулянтов каких-то?

— Очень нужна, дорогой Михаил Леонидович, очень. То не спекулянтка, а наша разведчица из Молвотиц. Вот о чем она пишет. В Молвотицах расположен армейский штаб — «большой базар», там много противника — «спекулянтов». В поселке больше пятидесяти пушек калибром от семидесяти пяти до ста пятидесяти пяти миллиметров — «гуси», около ста минометов — «утки» и большое количество пулеметов — «куры». Налет на Молвотицы возможен только крупными силами — «на базар надо ехать с большими деньгами».

Теперь я с уважением разглядывал замусоленную бумажку, а Герман продолжал:

— Под видом нищих, спекулянтов, местных жителей наши разведчики приходят в Молвотицы, Пено, Андреаполь, Торопец и другие гарнизоны и присылают мне письма, подобные этому.

— А как осуществляется пересылка донесений? — поинтересовался я.

— У нас устроены почтовые ящики. В условном месте под камнем, в дупле дерева, где как удобнее, разведчик оставляет свое донесение. Другой разведчик, конный, забирает его и доставляет мне, а в почтовом ящике оставляет записку, тоже шифрованную, с моими указаниями. Занимаются «спекуляцией» у нас больше девчата — им легче проникать в города и поселки, где оккупантов, как сельдей в бочке.

— А что вы скажете вот про этот документ? — протянул я Герману листовку, изданную Политуправлением фронта. В ней рассказывалось о злодеяниях фашистов под Москвой.

Лицо Александра Викторовича при чтении потемнело. Возвращая листовку, он глухо проговорил:

— Один листок, а взрывчатки в нем — тонны.

— А ведь такую взрывчатку могли бы и мы готовить. Сообща, конечно. Пусть ваши люди собирают данные о расстрелах и грабежах, чинимых гитлеровцами в городах, около которых мы

рейдируем. Эти материалы политотдел будет широко использовать и в беседах, и при составлении листовок.

На том и договорились. Засиделся я тогда у Германа до полуночи. На дворе разыгралась непогода. Неожиданно пошел дождь. Дождевые струи били по окнам, точно длинные бичи. Ординарец Германа — Гриша Лемешко, невысокий молодой украинец, принес нам крутой заварки чай Пили, обжигаясь, без сахара, с какими-то детскими леденцами. Говорили о предстоящих боях. Зашла у нас речь и о штурме фашистами Ленинграда.

— Гитлер знал, кого посылал, — сказал Герман. — Командующий группой «Север» генерал-фельдмаршал фон Лееб — матерый волк. На его совести чехословацкие Судеты. Но Ленинград оказался ему не по зубам. Фюрер мечет теперь громы и молнии, но город Ленина стоял и стоять будет. Мало ли что летучая мышь солнца не любит, ведь оно-то светить от этого не перестанет.

Я встал, чтобы уходить. Герман подошел ко мне прощаться:

— Твердо верю, Михаил Леонидович, двинется вскоре наша матушка-пехота на запад. Ох, и достанется тогда немцам! Ведь еще Гинденбург говорил, что русская пехота и русская артиллерия — суд божий. А старик был поумнее доброго десятка фон Леебов.

— И я верю, Александр Викторович, только уж скорее бы этот суд наступил.

Мы распрощались.

Утром следующего дня над селом, где располагалась бригада, проплыло звено бомбардировщиков с красными звездами на крыльях. Самолеты держали курс на Молвотицы. Летели они по вызову «любящей кумы Василисы Прохоровны».

ИДЕМ НА ЗАПАД

Январь 1942 года. Студеный ветер бросает в лицо горсти мелкой обжигающей снежной крупы. Но люди не замечают ни ветра, ни мороза, стоят, прислушиваются. Где-то далеко-далеко неумолчно бьют орудия. Канонада приближается.

— Кажись, наши наступают, — с радостью в голосе не то спрашивает, не то утверждает высокий рыжебородый старик — хозяин дома, где разместился политотдел бригады.

— Да, наши, — отвечаю ему и советую: — шел бы ты, Иван Петрович, до дому. Чай не мальчишка, а в одной фуфайке на ветру стоишь.

Старик сердится:

— Не трожь меня, начальник. Такую музыку не грех и на морозе послушать.

Долгожданное наступление началось. Вчера, как стало известно из радиограммы, полученной Литвиненко, двинулись на запад и армии, которым последнее время мы передавали разведывательные данные о тылах противника: 3-я ударная под командованием генерал-лейтенанта М. А. Пуркаева и 4-я ударная под командованием генерал-полковника А. И. Еременко.

В тот же день наша бригада, получив приказ, вышла для диверсий на участок железной дороги Торопец — Великие Луки. За несколько дней мы подорвали железнодорожное полотно в трех местах. Фашисты бросили против нас крупную воинскую часть. Литвиненко решил боя не принимать. Чтобы оторваться от преследования, шли всю ночь и лишь под утро остановились на отдых в небольшой деревушке.

После марша спалось крепко. Вдруг дверь в избу распахнулась, и в клубах морозного пара в помещение вбежал Симан Григорьев. Я опять закрыл глаза, но Григорьев начал трясти меня за плечо:

— Вставайте, товарищ Воскресенский. Быстрее на улицу, поглядите, что делается.

Ничего толком не соображая, я вскочил, надел шапку и вместе с Симаном выбежал из избы. На улице полно народу. Все громко разговаривают, смеются и показывают руками за деревню. Гляжу. За домами расстилается белое поле, а по нему сплошным потоком движутся подводы, идут бойцы в серых шинелях и белых маскхалатах. Слышу радостные возгласы:

— Ведь это Красная Армия!

— К нам Красная Армия пришла!

Руфина Андреева, Тася Лебедева, Нина Федорова и другие наши девчата, как маленькие, прыгают, смеются, целуются.

Я иду в штаб. По дороге встречаю Германа. Он торопится, у крыльца соседнего дома его ожидает Гриша Лемешко с оседланными уже конями.

— Александр Викторович, что произошло?

— Здорово все получилось, Михаил Леонидович. Легли мы спать в тылу врага, а проснулись в советском тылу, — смеясь, отвечает Герман. — Сегодня ночью наша разведка встретилась с армейской разведкой, а сейчас в нашу деревню вступают передовые части. Еду устанавливать связь с командованием дивизии.

Я попросил Германа разузнать, где можно достать газеты и как отправить письма.

Начальник разведки вскочил в седло и галопом помчался вдоль улицы. Примерно минут через сорок он сообщил мне, что в соседней деревне остановился штаб полка. Я поехал туда.

В деревне было много красноармейцев. Все тепло одеты, на головах шапки-ушанки. Гремят котелки у походной кухни. Шумит старшина, выговаривая бойцу за какие-то непорядки. Родная среда, из которой многих из нас вырвала судьба в первые дни войны.

В одном из домов нашел комиссара полка. Встретил он меня приветливо, начал с увлечением рассказывать о развернувшемся наступлении:

— Бежит фашист. Драпает. Сопротивление оказывает, главным образом, в районе железной дороги.

Из рассказа комиссара я понял, что полк идет вперед местами, где нет немецкой обороны, нависая с севера над противником, обороняющим Торопец. Задав несколько вопросов о положении на других фронтах, я попросил дать свежих газет.

— Что не могу, то не могу, — развел руками комиссар. — Мы последние дни так быстро движемся, что почта своевременно за нами не поспевает. Вот, если хотите, берите эту пачку, но все газеты в ней трехдневной давности.

— Спасибо. Большое спасибо.

Я чуть было не вырвал у него из рук сверток газет. Три дня. Разве это давность? Последняя газета, которую мы читали, была декабрьская, а сегодня уже 17 января.

Целый день мы провели среди своих. Партизаны слушали рассказы красноармейцев и командиров о наступлении советских войск. Слушали и радовались: есть и наша лепта в этом победном рывке. А армейские разведчики донимали Германа расспросами об обстановке, и он терпеливо на карте показывал расположение фашистских гарнизонов и укреплений.

Ночью бригада ускоренным маршем двинулась на запад. Скоро мы оставили позади себя наступающие войска.

— До скорой встречи! — прощались мы с командирами, с которыми успели подружиться за этот радостный, чудесный день.

Но новой встрече не суждено было состояться. Опомнившись от первого удара, гитлеровцы оказали упорное сопротивление нашему наступлению. По приказу Ставки 3-я и 4-я ударные армии были переданы Калининскому фронту. Уход 3-й ударной армии ослабил левое крыло Северо-Западного фронта. К началу весны 1942 года обстановка на фронте изменилась в пользу 16-й немецкой армии. Всего этого мы знать в те дни, конечно, не могли.

Поначалу основным районом нашей деятельности был определен стратегически важный треугольник, образуемый станциями Великие Луки — Невель — Новосокольники. Но примерно через неделю генерал Ватутин радиограммой приказал нам несколько изменить курс. И мы вышли в район западнее узловой железнодорожной станции Новосокольники.

Двигаясь по заданному маршруту, отряды бригады уничтожали мелкие немецкие гарнизоны, преследовали отступавших из-под Торопца гитлеровцев. Во время одного ночного марша разведчики Германа донесли: в деревне Иванково Великолукского района укрылась бандитская шайка, состоящая из бывших торопецких полицаев и фашистов, отставших от своих частей. Литвиненко приказал Герману создать ударную группу из подразделений Тарасюка и Гвоздева и напасть на банду.

Налет партизан был так стремителен, а фашисты и предатели настолько чувствовали себя в безопасности, что операция прошла без единого выстрела. Герман доставил утром в штаб бригады семнадцать пленных и два новеньких пулемета.

— Убегали от дыма, а попали в огонь, — смеялся Литвиненко, слушая рапорт начальника разведки.

В районе западнее и северо-западнее Новосокольников оккупационные власти действовали увереннее, чем на территории, где мы воевали в ноябре и декабре 1941 года. И

вражеских гарнизонов здесь было больше, особенно в деревнях поблизости от железной дороги. Комбриг быстро разобрался в обстановке и изменил несколько образ нашей жизни. Ночью марш. На рассвете разведка доносила о положении дел в районе предполагаемой остановки. Делали мы их, как правило, рядом с деревнями, где находились волостные управления или полицейские отряды. Прямо с марша группы партизан на конях верхом и на санях устремлялись вперед. Примерно через полчаса бригада размещалась на отдых, а к Герману и в особый отдел к Пенкину уже вели на допрос захваченных врасплох волостного старшину и полицаев.

Числа 25 или 26 января расположились мы в глухой деревушке севернее Новосокольников. Комбриг приказал вызвать в штаб командный состав. Собралось человек двадцать. Сели мы вдоль стен на скамейки, за столом — Литвиненко с Тереховым, рядом с ними Белаш и Герман. Когда все пришли, комбриг встал и, хитровато посматривая на нас, сказал:

— Ну вот мы и в новых местах. А что наши хлопцы робить здесь будут?

Леонид Михайлович любил свою речь пересыпать украинскими словами.

— Как что? Воевать, — не задумываясь, бросил с места самый молодой по возрасту командир отряда Тарасюк.

— Ну это конечно. Но как и где? Це дило треба разжувати. Вот об этом давайте сегодня и поговорим. Куда в первую очередь должна направить свои удары бригада? Твое мнение, Тарасюк?

Командир отряда встал и четко, точно рапортуя, ответил:

— Нам надо свои удары направить на немецкие гарнизоны.

— Конечно, немецкие гарнизоны оставлять в покое нельзя, — соглашается Литвиненко. — А что скажет нам разведка?

Поднимается Герман. В руках он держит развернутую карту:

— Мы находимся сейчас вблизи двух важных железнодорожных магистралей: Новосокольники — Себеж и Новосокольники — Дно. Первая связывает Москву с Прибалтикой. Вторая — Ленинград с Белоруссией и Украиной. Для противника эти железные дороги являются основными артериями, питающими большой участок всего советско-германского фронта. Мое мнение — бригаде нужно нанести серию ударов по этим магистралям и нарушить их нормальную работу.

Литвиненко одобрительно кивает головой:

— Правильно, разведка, верно. А теперь конкретно о деле. В отрядах надо создать специальные диверсионные группы. Командиры отрядов, срочно скомплектуйте их и вместе со штабом бригады определите к завтрашнему утру места диверсий.

Для руководства диверсионными группами следует использовать Пахомова. Он, видно по всему, мастер по взрывам и весьма дельный командир.

Лейтенант Пахомов только что вступил в бригаду. До этого он с группой бойцов, попав в окружение, находился где-то около Новосокольников и совершил несколько диверсий на железной дороге.

Литвиненко продолжал:

— А начальнику разведки давайте поручим разработать вместе с начальником штаба план налета на станцию Насва. Находится она на путях к Ленинграду. Смотрите сюда.

Все мы склонились над картой…

В тот же вечер в Насву пошли «нищие» Германа. Они за сутки разведали огневые точки, расположенные недалеко от поселка Локня и железнодорожного узла Новосокольники, подходы к самой станции, систему патрульной службы. Фактически Герман возглавил всю работу по подготовке этой операции, и ему Литвиненко поручил руководство самим налетом, приказав совершить его в ночь на 28 января.

День накануне налета выдался угрюмый, без солнца. Терехов, Зиновьева и я провели его в группах, выделенных для боя: сообщили бойцам последнюю сводку Совинформбюро, рассказали о тяжелом положении ленинградцев, предупредили о повышенной бдительности на марше.

Быстро наступили сумерки. Все участники предстоящей операции уселись на подводы.

— Ну, хлопцы, не подкачайте! — напутствует Литвиненко.

— Не подкачаем, товарищ комбриг!

— Не подведем!

— Шагом марш! — командует Герман и, пришпорив своего коня, мчится вперед.

Заскрипели сани, послышались окрики повозочных, и колонна тронулась. На операцию отправился и новый работник политотдела младший политрук Кульков, назначенный к нам после ухода в отряды Леонова и Григорьева.

Ночь, и без того длинная, кажется бесконечной. Все мы, оставшиеся, волнуемся. Через каждые полчаса кто-нибудь из политотдельцев выбегает на улицу и всматривается напряженно в сторону Насвы. Наконец в пятом часу за лесом над железной дорогой повисает холодное пламя вражеских ракет. Слышна отдаленная стрельба, затем небо озаряет бледное зарево.

О результатах операции мы узнаем только под утро. Наши товарищи возвращаются усталые и довольные. В политотделе слушаем сбивчивый рассказ Кулькова:

— К станции подошли ночью. Впереди в маскхалатах поползла группа разведчиков. Она, незамеченная, подобралась близко к часовым и сняла их. После этого двинулись подрывники и автоматчики. Вокзал забросали гранатами. Первым туда ворвался Худяков. Станция оказалась в наших руках. Но гитлеровцы опомнились и открыли огонь со стороны поселка. Однако мы уже хозяйничали на железной дороге. Подорвали стрелки, попортили станционное хозяйство, фрицев поколотили порядочно и отошли.

— Потери есть?

— Пропал один боец. Я еще не знаю ребят, поэтому не могу сказать — кто.

Спешу в штаб. Там как раз Герман рассказывает Литвиненко и Терехову о ходе боя. Официальный доклад он сделал комбригу во дворе, — Литвиненко встречал колонну на околице деревни, — и сейчас идет непринужденный разговор.

— Присаживайся, Михаил Леонидович, — пригласил меня Литвиненко. — Послушай.

Герман продолжает:

— Было в гарнизоне гитлеровцев, по дважды проверенным данным, человек около ста. Добрую половину их уничтожили. Нам удалось с ходу выбить охрану железнодорожной станции и занять оборону. Это и обеспечило успех. Судя по тому, что бронепоезд гитлеровцев подошел к Насве, когда мы уже отошли, его вызвали, очевидно, из Великих Лук, а не из Новосокольников.

— Ты что думаешь, в Новосокольниках у немцев с силенками жидковато? — прервал рассказ Литвиненко.

— Да. Не больше, чем в Насве.

— Значит… — глаза комбрига сверкнули.

— Можно ударить и по главному узлу, — подтвердил Герман.

— Ну, а что произошло с Кисловым? — спрашивает Терехов.

— Кислова мы потеряли, — сокрушенно отвечает начальник разведки. — В начале боя он смело бросился в атаку, метнул гранаты в окна станционного здания. Но после его никто не видел.

Кислов. Замечательный боец, коммунист. Родом из-под Бежецка. В бригаде был с момента ее организации. Серьезный, рассудительный, с большой выдержкой, он относился к числу тех бойцов, которых мы называли костяком бригады.

Куда же делся Кислов?

О его судьбе мы узнали на следующий день. Разведчики, посланные Германом, проникли в Насву и принесли оттуда печальную весть. В разгар боя Кислов был ранен. Когда пришел в себя, поблизости партизан не обнаружил. Заполз в сарай. Утром

фашисты нашли его и хотели взять в плен. Кислов отстреливался до последнего патрона. Несколько гитлеровцев было убито. Последнюю пулю партизан пустил себе в висок.

После налета на Насву Литвиненко решил повернуть бригаду назад и ударить по Новосокольникам. Вызвал Белаша — приказал готовить авангардный отряд. Но начальник штаба неожиданно запротестовал:

— Погубим зря людей, товарищ комбриг. На узле очень сильный гарнизон.

— Как сильный? Вчера Герман докладывал — жидковато там у фашистов.

— То было вчера, а сегодня…

— Зови Германа, — рассердился Литвиненко.

Вызванный разведчик доложил:

— Гарнизон в Новосокольниках спешным порядком усилен. Прибыло эсэсовское подразделение и бронепоезд из Великих Лук. Из Себежа переброшено несколько сот австрийцев.

— Значит, наш налет на Насву у них в печенках засел?

— Да еще как, товарищ комбриг. Только сейчас получил записку от агентурного разведчика. Сообщает, что гитлеровцы упорно говорят о якобы прорвавшемся в район Насвы конном соединении Красной Армии.

Литвиненко повеселел:

— Есть дюже гарна пословица.

— Какая?

— Пуганая корова на куст садится. — Засмеялся и пошел.

— Что же будем делать, товарищ комбриг? — вдогонку ему крикнул Белаш.

Леонид Михайлович повернулся и спокойно ответил:

— Думать, дорогой начштаба, думать.

Буквально через час комбриг излагал свой новый план: покинуть район ленинградской железной дороги, за ночь выйти на магистраль Рига — Москва и там произвести налет на полустанок Выдумка и на гарнизон станции Маево. В штаб фронта полетела радиограмма о выходе бригады в направлении города Пустошка.

Решено — сделано. Операцию мы провели в ночь на 30 января. Удары наносились почти одновременно. Фашистские гарнизоны уже знали о нашем налете на Насву и готовились отразить нападение. И все же партизанам отряда Виталия Тарасюка и огневой группе Константина Гвоздева удалось похозяйничать в Выдумке. Гарнизон полустанка, находящегося в девяти километрах от Новосокольников, был почти полностью уничтожен, казарма сожжена, железнодорожные пути взорваны в

нескольких местах.

Действовали партизаны отважно. Политрук Степан Панцевич под сильным огнем неприятеля подобрался вплотную к казарме и метнул гранату в окно. У комсомольца Семена Пупышева кончились патроны. Не назад к товарищам, а вперед пополз смельчак. Через пять минут он уже вел огонь с нового рубежа из оружия убитого гитлеровца.

На Маево наступали основные силы бригады. Остановились в деревне в полутора километрах от железной дороги. Один из отрядов, развернувшись в цепь, широким полукругом начал обходить станцию. Остальных бойцов комбриг держал в боевой готовности у крайних домов деревни. Мы стояли на пригорке и ждали…

Минут через двадцать глухо, очевидно за крутой железнодорожной насыпью, ухнул взрыв.

— Противотанковая, — определил Герман.

И сразу же кустарник у полотна железной дороги засверкал десятками выстрелов.

Степан Панцевич, отличившийся при налете на разъезд

Выдумка.

Слышны новые и новые взрывы.

— Здорово ребята орудуют гранатами.

Это говорит Герман.

Но Литвиненко недовольно хмыкает. По звукам боя он, видимо, чувствует что-то неладное. И действительно, связные скоро докладывают, что отряд залег. Сильный отсекающий огонь ведет немецкий бронепоезд. Комбриг дает приказ об отходе.

— Ничего, хлопцы, не тужите, — говорит он бойцам, которых так и не ввел в бой, — в другой раз отличитесь. Нельзя лезть на рожон.

Наш командир большая умница и оптимист. Раз на дневном марше где-то впереди вспыхнула перестрелка. Бригада остановилась, а отряд, бывший в авангарде, развернулся и вступил в схватку с гитлеровцами. К Литвиненко подбегает связной. Задыхаясь от бега, он докладывает:

— Товарищ комбриг! Там… немцы.

— Что там? — как будто не расслышав, переспрашивает Литвиненко.

— Фашисты. И много.

— Ах, фашисты. А я думал что-то страшное у вас стряслось. А фашистов бить надо. Беги-ка назад и скажи об этом командиру.

Сказал и лукаво смеется.

Связной убежал, а комбриг отдает приказ группе автоматчиков занять оборону для прикрытия отхода авангардного отряда. Принимать бой в данных условиях бригаде невыгодно.

Вот и сейчас, в Маево, мы садимся на подводы и отходим организованно, без потерь.

Весь февраль 1942 года мы рейдировали в Кудеверском и Пустошкинском районах Калининской области. В бригаде более чем триста пятьдесят человек. Все партизаны обеспечены зимней одеждой. У нас кони, приличное вооружение, есть даже миномет. Но все чаще и чаще отряды испытывают патронный голод. От линии фронта до нас по прямой — сто километров. Подводу не пошлешь. А самолеты… Ох уж эта жданная-пережданная помощь с воздуха! Сколько раз мы получали из штаба фронта и, в частности, от начальника его партизанского отдела Асмолова радиограммы примерно такого содержания: «К вам вылетает завтра самолет. Обеспечьте безопасность посадки…» И сколько раз напрасно оцепляли лесные озера севернее Пустошки, жгли сигнальные костры.

Позже, находясь в бригадах ленинградских партизан, я и мои товарищи по 2-й Особой с изумлением слушали рассказы о чуть

ли не регулярных рейсах нашей авиации в Партизанский край. Нет, такой «роскошью», как самолеты, наш штаб нас не баловал. Медикаменты, махорку, не говоря уже о патронах и взрывчатке, «Литвиненко и его хлопцы», как нас называли иногда в штабе, добывали «своею собственной рукой».

И все же один (единственный!) раз самолет к нам прилетел. Ждали мы его с особой радостью. Нам сообщили, что летчик доставит бригаде, кроме боеприпасов, письма. Еще в декабре Литвиненко послал через линию фронта в разведотдел штаба небольшую группу лейтенанта Бурьянова. С ним мы и отправили свои письма родным. Когда бригада встретилась с наступавшими частями Красной Армии, мы снова послали в советский тыл о себе весточки. Нашли ли они своих адресатов? Радость или печаль несут нам письма-ответы?

Самолет решили принять на льду озера в нескольких километрах от нашей временной стоянки. На прием его выехала на лошадях группа партизан, остальные остались в деревне. Трудно описать наше состояние в ту ночь. Мы часами простаивали на морозе, прислушиваясь, не летит ли посланец советского тыла. И вот наконец — гул самолета. Вроде пошел на посадку. Но посадочная площадка от деревни находится далеко, и мы еще не знаем: наш ли это самолет? Сел ли?

Я прилег на лавку, но сон не идет. Проходит еще около часа. Наконец в избу с шумом вваливается Кульков:

— Товарищи, ура! Получайте драгоценный груз.

Нам, политотдельцам, надо немедленно разобрать письма и газеты и разослать их по отрядам. За разборку почты беремся все. Особенно быстро сортирует письма Нина Зиновьева.

— Михаил Леонидович! Вам письмо! — Нина смеется и протягивает мне через стол помятый конверт.

Застучало сердце Вижу знакомый почерк жены. Неумело разрываю конверт, читаю:

«Как рада я, что ты жив. Ведь полгода с начала войны мы о тебе ничего не знали. Мне все говорили, что ты погиб, но я не верила. Над твоим письмом я разрыдалась, а Саша спрашивает: „Мам, ты чего плачешь? Разве папа ранен?..“».

К горлу подкатывает комок. Я прошу Кулькова:

— Ваня, ты сам распредели газеты. Хорошо?

— Ладно, ладно. Мы все сделаем, Михаил Леонидович.

Товарищи сочувственно глядят на меня. Я выхожу в сени, оттуда на улицу. Снова и снова перечитываю письмо. Вспоминаю вечер глухой осени 1939 года… Мы — будущие красноармейцы — уже разместились в вагонах-теплушках, когда на станцию провожать меня в армию прибежали ученики. И среди

жизнерадостной детворы — моя Валя. Она машет мне рукой и кусает губы, чтобы не расплакаться…

Весь следующий день многие бойцы ходили взволнованные и радостные. Великое это дело — в далеком походе получить письмо от людей, дорогих твоему сердцу.

Но вот прочитаны письма. Бойцы немного отдохнули. Мы снова трогаемся в путь.

В феврале продолжаем передавать разведывательные данные о противнике и увеличиваем свой боевой счет. Разгромлены два карательных отряда, брошенные вслед бригаде. Диверсионные группы из отряда Ганева спустили под откос в районе Пустошки эшелон с вражеской техникой и две бронедрезины с прицепными вагонами, набитыми до отказа гитлеровскими солдатами. Отряд Паутова удачно действовал на Ленинградском шоссе: взорвал мост через реку Великую в деревне Холюны, сжег два завода.

На территории бывшего совхоза «Поддубье» оккупационные власти организовали откорм скота для франта. Наша агентурная разведчица молодая пустошкинская учительница Татьяна Птичкина сообщила Герману дни, когда почти все солдаты охраны уезжают в Пустошку. Хорошо вооруженная группа партизан под командованием Литвиненко заняла деревню. Скот был роздан населению, частично прирезан.

Фашисты направили из Пустошки погоню. Заметив немецкие повозки на дороге, командир минометного расчета Закиров выпустил по ним несколько мин. Гитлеровцы бросились врассыпную, но застряли в глубоком снегу и попали под губительный огонь станкового пулемета Константина Гвоздева.

В день 24-й годовщины Красной Армии в бригаду пришла радиограмма о награждении майора Литвиненко орденом Ленина. Леонид Михайлович получил коллективное поздравление от Деревянко, Кореневского, Ватника, Кашникова, Злотникова и других командиров разведотдела штаба Северо-Западного фронта. Ходил именинником, посмеивался.

Партизаны очень радовались за «батю». Не помню, кто предложил собрать митинг. Стояли мы тогда в деревне Чурилово. На митинг охотно пришли и все жители села. Литвиненко в этой округе знали и любили. Старики называли его «самый главный начальник».

Запомнилась взволнованная речь комбрига.

— Не меня одного, вас всех наградили, — говорил он, обращаясь к бойцам. — Орден Ленина, который будет мне вручен, это — орден вашей доблести ратной. И вашей, — повернулся Леонид Михайлович к жителям деревни. — Я верю, товарищи, что скоро вот здесь, на этих полях, на которых мы сегодня проливаем

кровь, вновь зашумит спелым колосом рожь и не выстрелы будут греметь на околице деревень, а песни. И мы, кто останется жив в этой кровавой сече, приедем сюда спивать их.

На другой день комбриг получил радиограмму, в которой говорилось: «…уделите особое внимание непрерывной разведке и действиям на дорогах, идущих на северо-восток и восток из района Себежа и Опочки». Это было разрешением на наше дальнейшее движение на запад.

Командование гитлеровских войск теперь уже знало, что в их глубоком тылу рейдирует не прорвавшееся крупное соединение Красной Армии, а небольшая партизанская бригада. Фашисты пытались окружить нас регулярными частями и уничтожить. Во второй половине февраля мы ведем тяжелый бой в районе деревни Морозово. В начале марта уклоняемся от невыгодного боя вблизи поселка Скоково. Противник все же навязывает его нам, но бригада смелым броском прорывает кольцо окружения.

Уничтожая в большом количестве гитлеровцев и полицаев, бригада несла относительно малые потери. В феврале погибло двадцать шесть наших бойцов, примерно столько же партизан было ранено. В числе павших в бою был и мой «крестник» — Михаил Утев, лейтенант, которому я дал «путевку» в отряд имени Чкалова.

С патронами совсем худо. 6 марта в отрядах зачитывается приказ комбрига, предупреждающий о строгих мерах взыскания за ненужный расход дорогих для нас боеприпасов. Приказ обязывает всех бойцов вести только прицельный огонь, а командиров отрядов и групп — использовать для подхода к врагу на дистанцию кинжального удара начавшиеся метели.

Обозленные неудачами, фашисты жестоко расправляются с населением деревень, где квартируют наши отряды. Карателям помогают предатели из числа вернувшихся в деревни раскулаченных крестьян, уголовников, пьяниц, хулиганов. Чтобы в какой-то мере обезопасить наш актив от предательства, мы проводим на пути следования сходы жителей, которые выносят постановления, или, как их называли тогда, приговоры. Вот, к примеру, какие обязательства взяли крестьяне деревни Каменка Пустошкинского района:

«1. Всемерно помогать частям Красной Армии и партизанам в их борьбе с фашистами. Давать верные сведения о немцах. Не разглашать никаких сведений о частях Красной Армии и партизанах.

2. Не выполнять немецких приказов. Не ходить на работу для врагов. Не давать фашистам ничего из продуктов и одежды. Не являться на проводимую немцами мобилизацию. Мелкие группы

захватчиков уничтожать. От крупных немецких отрядов прятаться.

Не допускать в свою деревню фашистских полицейских, старшин, старост и прочих сволочей, беспощадно уничтожать их.

3. Если кто-либо из граждан нашей деревни явно или тайно окажет помощь захватчикам или их ставленникам, того мы уничтожим, как злейшего врага народа.

За невыполнение данного приговора все граждане нашей деревни несут ответственность по законам военного времени».

Приговор был скреплен двадцатью пятью подписями.

Из района Пустошки бригада повернула к Себежу. Шли ускоренным маршем лесистой местностью по 40–50 километров в сутки. Чтобы ввести противника в заблуждение, Литвиненко направляет один отряд в обход железнодорожной станции Идрица с юга. Получив сведения о силах гитлеровцев в районе старой латвийской границы, 2-я Особая поворачивает в сторону, в направлении города Опочки.

Появление бригады в этих местах было полной неожиданностью для оккупантов и их прислужников. Однажды мы сделали привал минут на двадцать в деревне, километрах в пятнадцати от Опочки. Группа командиров штаба зашла в крайнюю избу. Герман присел к столу и, развернув карту, начал уточнять маршрут. Неожиданно распахнулась дверь, и в хату с независимым видом вошел молодой парень в меховой куртке. Резко спросил:

— Кто здесь старший?

— А вам что угодно? — ответил вопросом на вопрос Литвиненко. — И кто вы?

— Я здесь начальник, ответственный перед властями за порядок в этой местности. Я должен знать, что за люди проходят через деревню.

Комбриг невозмутимо продолжал своеобразный допрос:

— А каким властям вы служите, молодой человек?

— Как каким? У нас власть одна — великого фюрера.

— А хорошо ли вы служите? Что полезного сделали для германской армии?

Предатель решил, что перед ним командир отряда карателей. Не без хвастовства он сообщил, сколько погубил советских патриотов.

Глаза комбрига темнеют, он не выдерживает и гневно кричит:

— Ах ты подлюга проклятая! Пенкин, взять негодяя и расстрелять!

Фашистский холуй бледнеет, превращается в жалкого, плачущего хлюпика. Его уводят. На дворе раздается ружейный

выстрел.

В конце марта 1942 года Литвиненко получил приказ вывести бригаду в советский тыл. Имея всего лишь по нескольку патронов на бойца, отряды наши теперь избегали стычек с неприятелем. Пробирались мы лесными глухими тропами. В первых числах апреля без единого выстрела миновали передний край немецкой обороны и очутились в одной из прифронтовых деревень северо-восточнее Насвы.

ЗА ГОРОД ЛЕНИНА

Большие перемены

Еще неделю назад мы негодовали на ранний приход весны. На наших плечах были промокшие полушубки, а на ногах у большинства бойцов — валенки.

Зато сейчас, отведенные от линии фронта на отдых, мы радовались всему: и весне, и хорошим вестям с фронта. Читали запоем газеты, и старые, и новые. Правда, многие из нас переоценивали тогда успехи первых наступательных операций наших войск. Как-то перед совещанием один из политотдельцев, прочтя в сводке Совинформбюро о частной операции на Северо-Западном фронте, воскликнул:

— Ну, теперь наши из-под Великих Лук так двинут, что в один момент весь маршрут бригады пройдут.

Герман повернулся к говорившему и зло спросил:

— А вам, товарищ политрук, этот маршрут легким показался?

Комиссар поддержал политотдельца:

— А что. Возьмут и рванут к самой Латвии.

Александр Викторович уже спокойно, но с твердой убежденностью возразил:

— Нет, товарищ комиссар, не рванут. Нам еще в этих местах об обороне думать следует. Хватит того, что до войны кое-кто из нашего начальства «ура» прокричал на добрых пять лет вперед…

Стояли наши отряды тогда в деревне Большое Гвоздово… Под вечер 16 мая я возвращался из соседнего села, где проводил с жителями беседу о военном и международном положении страны. На окраине деревни неожиданно встретил Германа:

— А я вас поджидаю, Михаил Леонидович.

— Ну что ж, тогда, как говорил Литвиненко, потопаем до

хаты, — немного удивившись, пригласил я.

В избе Александр Викторович вынул из планшетки тетрадочный лист бумаги и протянул его мне:

— Вот возьмите.

На листке твердым почерком было написано:

«*В партийное бюро ядра 2-й* Особом *партизанской бригады СЗФ.*

Заявление.

Прошу партийное бюро ядра 2-й Особой партизанской бригады принять меня в члены ВКП(б).

Герман».

Читаю заявление, а краем глаза вижу — волнуется наш разведчик, как школьник, то ремень командирский поправит, то до портупеи дотронется.

— А как с рекомендациями, Александр Викторович?

— Есть две, а третью, — Герман смущенно улыбнулся, — хочу просить у вас.

Ни слова не говоря, я сел за стол и написал рекомендацию. Помнится, в ней была дана ему такая характеристика: «… Командир с большой силой воли, энергичный, умело руководит боевыми операциями…»

Кроме меня Германа в члены партии рекомендовали два наших чкаловца — Иван Иванович Сергунин и Павел Акимович Кумриди, член ВКП(б) с 1929 года.

Поблагодарив за рекомендацию, Герман ушел, а я еще долго стоял у окна и думал: сколь велика притягательная сила ленинских идей, если в партию вступают в такие тяжелые для Родины дни. Когда осенью 1941 года 2-я Особая уходила в рейд, в ее рядах насчитывалось восемнадцать членов и тринадцать кандидатов ВКП(б). Весной 1942 года каждый шестой боец бригады был коммунистом.

На следующий день состоялось партийное собрание штаба. Проголосовали за прием Германа в партию единогласно. Председательствующий объявил:

— Товарищ Герман, вы приняты в члены нашей славной Коммунистической партии.

Александр Викторович встал:

— Спасибо, товарищи! Твердо обещаю: высокое звание коммуниста в боях с врагами Родины оправдаю.

Никто из нас не предполагал, что на Большой земле бригада задержится долго. Рассчитывали отдохнуть недельку-другую, пополниться боеприпасами и вновь двинуться в рейд по оккупированным землям. Но командование рассудило иначе:

бригаду решено было переформировать и передать ее в распоряжение Ленинградского штаба партизанского движения.

Леонида Михайловича Литвиненко неожиданно вызвали в штаб фронта да там и оставили.

Вскоре из бригады были отозваны Белаш, Терехов и еще несколько командиров. Позже в армию ушел-таки и Паутов.

Всех нас волновал вопрос: кого назначат командиром бригады? Если бы это можно было решить голосованием, ручаюсь, мы единодушно выбрали бы комбригом нашего «главного разведчика».

В конце мая в бригаду из оперативной группы партизанского движения приехал майор Киянский. Он вызвал Пенкина и меня и сказал, что ему поручено «подобрать кандидата на пост комбрига на месте». Пенкин сразу же перешел в наступление:

— За этим не следовало к нам из Валдая ехать. Я знаю настроение наших ребят. У всей бригады одно желание — иметь своим командиром Германа. Неужели у вас там никто этого не знает?

— Герман лучше всех усвоил тактику Литвиненко, — поддержал я Пенкина. — Никого так из командиров не уважают и не любят бойцы, как Александра Викторовича.

На том «обсуждение» и закончилось. Когда мы ушли от Киянского, я спросил Пенкина:

— Сергей, ты чего так резко разговаривал с майором?

— Не могу понять, что он пытал? Не верю я, Михаил, чтобы Деревянко, да и батька наш Литвиненко забыли, что в бригаде остался Герман.

Не знаю, что радировал майор Киянский в Валдай, но на другой день, 24 мая 1942 года, бойцы 2-й Особой слушали приказ № 11 о назначении старшего лейтенанта Германа командиром бригады. Временно исполнять обязанности комиссара было поручено Пенкину. На поздравления с назначением на пост комбрига Александр Викторович ответил коротко и предельно ясно:

— Успехи будут зависеть от всех нас. Будем хорошо воевать — будут успехи у бригады.

Вступив в должность комбрига, Герман начал вводить в отрядах тот строгий порядок, который был у нас во время рейда. Это было как нельзя более кстати. В бригаде появились новые бойцы, а обстановка отдыха и переформирования в какой-то мере расхолаживала даже ветеранов. На шестой день своего командования комбриг издал приказ, в котором объявил лейтенантам Синяшкину и Бурьянову выговор за… опоздание на совещание.

В нашей бригаде после окончательного переформирования насчитывалось около пятисот бойцов. Бригада состояла из трех отрядов. Командирами их были назначены лейтенант Тарасюк, командовавший и ранее отрядом у Литвиненко, младший лейтенант Крылов и лейтенант Пахомов. Комиссарами мы послали в отряд Тарасюка бывшего политотдельца Леонова, в отряд Крылова — чкаловца младшего лейтенанта Сергунина, в отряд Пахомова — младшего политрук Костарева. Начальником штаба бригады был назначен лейтенант Ганев, уже имевший славу боевого командира. Разведку возглавил младший лейтенант Худяков.

М. Н. Никитин — начальник Ленинградского штаба

партизанского движения.

Мы стали теперь именоваться: 3-я Ленинградская партизанская бригада. Помню, что по этому поводу у нас разгорелся спор.

— Жаль, — говорил Пенкин, — как-никак наше соединение было особым. Оно и действовало по-особому: никаких лагерей, баз…[2]

…А вскоре после приезда комиссара был получен приказ о нашем выходе в тыл — в район севернее города Порхова Основными объектами боевой деятельности бригады должны были стать железнодорожная ветка Порхов — Карамышево и прилегающие к ней шоссейные дороги. Путь наш лежал через Партизанский край. Мы покинули гостеприимные Буковицы и ускоренным маршем двинулись к линии фронта.

На защите «лесной республики»

Поздним вечером 6 августа 1942 года, совершив семидесятикилометровый марш, отряды бригады вошли в сожженную деревню Студеная, где располагалась рота боевого охранения. Это была передовая линия наших войск. Отсюда на запад километров на пятнадцать-двадцать простиралось поросшее лесом и кустарником болото, а за ним, на шоссе Холм — Старая Русса проходил передний край немецкой обороны. Активных боевых действий на этом участке фронта не велось.

Отдохнув в армейских землянках, бригада ранним утром снова тронулась в путь. Комбриг решил поближе подойти к шоссе, дождаться ночи и тогда уже сделать бросок через линию фронта.

Пройдены передовые посты. Красноармейцы приветливо помахали нам руками, пожелали успеха. Началось болото. Идем по колено в торфяной жиже, прыгаем с кочки на кочку, стараясь попасть ногой на корни деревьев. Лошадей у нас нет, да на этом болоте с ними и делать нечего.

Труднее всех сейчас Пенкину. Он тучноват, у него шалит сердце. Сергей задыхается, но упорно не отстает.

Наконец среди топи видим спасительную высотку. Отдыхаем. Блаженно вытянуты босые ноги. Рядом на ветках развешаны мокрые портянки. Комбриг переходит от одной группы партизан к другой, подсаживается к новичкам, подбадривает ребят.

Перед последним броском Герман собирает командиров и комиссаров отрядов, начальников служб. Зачитывается приказ о

порядке перехода линии фронта, даются последние указания. И вдруг это небольшое совещание прерывается самым неожиданным образом. Раздается автоматная очередь, и в расположении бригады открывается частый огонь.

— По местам! — командует Герман.

Оказывается, группа вражеских разведчиков наткнулась на наш полевой караул под командой Яхяева. Постовые не растерялись и открыли по фашистам огонь. Николай Бурьянов меткими выстрелами уложил двух гитлеровцев.

Новички ходили возбужденные, для многих из них это была первая встреча с врагом. Они бегали к Николаю Бурьянову поглядеть на немецкие автоматы — первые трофеи 3-й партизанской бригады, восхищенно спрашивали:

— Как это вы так сразу с двумя справились?

— А просто так: подпалыв, а они тикай, — отшучивался он, пытаясь разобрать немецкий автомат новой марки.

Бурьянов слыл в бригаде знатоком оружия и любил разбирать и собирать автоматы, пистолеты, пулеметы мудреной конструкции. Этот жизнерадостный, смелый партизан до войны работал делопроизводителем в тюрьме. Последнее обстоятельство служило часто предметом товарищеских шуток, на которые Николай никогда не обижался.

— Вот кончится война и вернусь я, хлопцы, на свой завод. Соскучился небось по мне станок, — хитровато улыбаясь, начинал разговор один из отрядных шутников.

— А по мне, братцы, трактор скучает, — поддерживал его приятель и как бы невзначай обращался к Николаю — А ты, Бурьяныч, где до войны трудился?

— В тюрьме, братец, — спокойно отвечает Бурьянов, будто не замечая подвоха.

— Так, значит, вернешься в тюрьму?

— Вернусь. Иначе нельзя.

— А почему нельзя?

— Да кто ж тебя, дурня, конвоировать туда будет? Все ж, как-никак, вместе служили.

— Это ж почему меня? — удивлялся шутник, попавший на «удочку».

— Говорят, что язык людей до Киева доводит. Ну, а твое помело тебя не иначе как за решетку упрячет.

Отбрив шутников, Николай первым начинал хохотать…

Стемнело. Мы выстроились в колонну. Впереди разведгруппа и проводники-партизаны Поддорского отряда. Вместе с нами линию фронта должно перейти небольшое подразделение армейцев. У них своя задача — разведка в ближнем тылу

противника. Герман машет рукой. Колонна двинулась. И опять вода и грязь по колено.

Шли тихо, но все же были слышны то всплески воды, то сухой треск сломанной ветки. И тогда все настораживались. Но вот наконец по колонне шепотом пронеслось:

— В ста метрах впереди — шоссе.

Теперь мы движемся не одной колонной, отряды идут параллельно друг другу. Неожиданно над нами нависают ракеты. В их свете мелькнула впереди лента шоссе. В уши ударяет захлебывающийся треск пулеметов. Мы отвечаем плотным огнем и уже не идем, а бежим. Стремительно перебегаем шоссе, по которому цокают пули, и опять скрываемся в кустах.

Вот и все — мы уже во вражеском тылу. Идем на запад. Отряды перемешались и очень растянулись. Молодые бойцы потеряли из виду своих командиров.

Из хвоста колонны настойчиво запрашивают:

— Кто ведет колонну?

Издалека по цепочке приходит ответ:

— Колонну ведет Герман.

Бойцы успокаиваются. Марш продолжается.

Рассвело. Пройдя от шоссе километров пять, бригада остановилась в густых кустах на короткий привал. Герман приказал быстро привести отряды в порядок и доложить о потерях при переходе.

Я ищу своих политотдельцев. Линию фронта мы переходили, разделившись по отрядам. Вот бежит мне навстречу улыбающаяся Нина Зиновьева. Появляется и Кульков. В шутливой форме он докладывает:

— Товарищ начальник политотдела, инструктор Кульков благополучно перешел линию фронта.

Вот усталый и потный Кумриди. Рядом со мной наш ординарец Володя Григорьев. А где новичок-политотделец Канторович? Бегу в отряд, с которым он шел. Командир докладывает:

— Канторович убит на шоссе.

Это первая потеря нашего политотдела. Она оказалась и первой потерей 3-й бригады. Раненых четверо Один из них, пулеметчик Пучков, ранен тяжело. Около него суетятся медики.

Отдохнуть хотя бы немного бригаде не удалось. Скоро наш заслон завязал бой с отрядом гитлеровцев, посланным нам вдогонку. И снова над головами партизан запели пули. Мы пошли дальше и лишь у Рдейских болот оторвались от преследователей.

Рдейские болота. Многим ленинградским партизанам знаком этот огромный заболоченный «кусок» новгородской земли. Даже в

самое засушливое лето всякий, кто рискнет его пересечь, обязательно вымокнет до нитки.

Целый день бригада двигалась через эти болота. Мы часто проваливались в трясину по пояс и выбирались лишь с помощью друг друга. Особенно доставалось тем, кто нес раненых товарищей. Трудно было и бронебойщикам отделения Миши Бабыкина: их оружие — самое тяжелое в бригаде.

Отдыхать садимся на кочки, прямо в воду.

— Хоть бы назывались проклятые болота иначе как-то, — сердито говорит Пенкин. — Ну, к примеру, Гнилые или Змеиные. По крайней мере по названию можно было бы судить, что тебя ожидает. А то, видишь, Рдейские. Название красивое. А эта чертова красота вот даже куда забралась.

Он достает из-за шиворота горсть слизкого мха и подбрасывает его вверх. Сидящие рядом бойцы улыбаются. А политрук продолжает ворчать:

— Фрицев бы сюда на промывку. И кой черт нас только сюда загнал?

— Не черт, а слуга ваш покорный, — шутливо отвечает на вопрос Пенкина незаметно подошедший к нам Герман.

Мы хохочем, а Александр Викторович в том же шутливом тоне продолжает:

— Нельзя, Сергей, так арестовывать начальство. Я хоть и комбриг, но до дьявола, создавшего эти, так понравившиеся тебе места, мне еще далеко.

Только поздно вечером мы выбрались из болот. Невдалеке виднелась деревня Сосново. Там уже начинался знаменитый Партизанский край. Мы прибавили шаг и вскоре вошли в деревню, предварительно, конечно, разведав, нет ли в ней вражеской засады. После тревожной ночи и болотного марша сон наш был сладок и крепок.

…Партизанский край. Впервые мы услышали о его существовании еще тогда, когда 2-я Особая рейдировала в Пустошкинском районе. Нам удалось однажды принять сводку Совинформбюро, в которой сообщалось о боевых делах «бригады партизан под командованием товарищей В. и О., прочно удерживавших в своих руках территорию почти трех районов Ленинградской области». Мы не знали тогда, кто скрывается за инициалами «В.» и «О.», но Литвиненко говорил командирам 2-й Особой:

— Большое дело сробили эти хлопцы В. и О. Знай, мол, наших — были, есть и будем советскими!

Позже нам стало известно, что организатором и главной военной силой Партизанского края была 2-я бригада

ленинградских партизан, которой командовали талантливые партизанские вожаки Николай Григорьевич Васильев, до войны — начальник Новгородского дома Красной Армии, и Сергей Алексеевич Орлов, бывший секретарь Порховского РК ВКП(б). Партизанский край протянулся более чем на сто километров с севера на юг и на девяносто километров с запада на восток. Гитлеровцы называли эту часть Ленинградской области «незамиренной землей». Осенью и зимой 1941 года они предприняли несколько яростных попыток, чтобы уничтожить здесь партизан, а население заставить жить не по законам родной Советской власти, а под игом оккупационного режима. Но объединенными усилиями многих отрядов ленинградских партизан и населения «лесной республики» вражеский натиск был отбит.

Хозяева Партизанского края дали нам немного отдохнуть. Ожидал нас там и один приятный сюрприз — во 2-ю бригаду прилетел заместитель начальника оперативной группы по руководству партизанским движением при штабе Северо-Западного фронта А. А. Тужиков. Он привез нам ордена и медали, о награждении которыми нас мы узнали перед переходом линии фронта. Такая оперативность всех приятно удивила. Среди награжденных — Герман, Худяков, Бурьянов, наш боевой санинструктор Катя Данилова и я. Товарищи нас сердечно поздравили.

8 августа, утром, шестнадцать бойцов и командиров нашей бригады отправились в деревню Папортно, находившуюся в шести километрах от места, где мы расположились на отдых. Вблизи Папортно на аэродроме Партизанского края около какого-то шалаша мы выстроились в шеренгу. Тужиков перед строем прочел приказ о нашем награждении, затем вручил награды: Герману — орден Красного Знамени, Ганеву и Сергунину — ордена Красной Звезды, всем остальным — медали «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Поздравительная речь представителя штаба была короткой:

— Родина отличила вас сегодня за храбрость и отвагу. От имени Ленинградского штаба партизанского движения поздравляю всех с высокими наградами и от имени Ленинграда говорю вам: слышите, за рекой бьют немецкие пушки. Вас ждут там товарищи. Идите туда. Испепелите врага своей ненавистью. Помните: наша ненависть священна. В бой, товарищи!

Наша бригада пришла в Партизанский край в тревожное время. Буквально через сутки фашисты обрушили на его территорию сотни бомб и тысячи снарядов. Началась четвертая по счету карательная экспедиция. В ней принимали участие и

танки и авиация. Против партизан были брошены полевые войска.

Руководил экспедицией генерал-майор Шпейман — начальник охранных войск тыла группы фашистских армий «Север». На этот раз враг имел многократный перевес в силах и в технике. Край сразу же оказался в огненном кольце.

Учитывая серьезность сложившейся обстановки, Ленинградский штаб партизанского движения направил в распоряжение Васильева несколько отрядов, находившихся поблизости от «лесной республики». Было приказано и нам задержаться с выходом в намеченный район боевых действий и принять участие в сражении с карателями.

Наши отряды заняли оборону в районе деревни Вязовки и по берегу реки Полисть. Штаб бригады расположился в лесу около Папортно. Герман встретился с Васильевым и получил от него приказание возглавить оборону северо-западного сектора края. Расставляя отряды на выгодные для оборонительных боев рубежи, Александр Викторович напутствовал командиров:

— Держитесь до последнего. И помните наше главное правило: при любой возможности нападать самим. Наступать можно и обороняясь!

Этот наказ комбрига стал девизом всех наших почти месячных боев с карателями. Отбивая назойливые атаки гитлеровцев, отряды бригады дерзко разведывали силы врага и успешно применяли тактику засад и ударов по неприятелю с тыла. Однажды, во время сражения у деревни Починок, отряд Александра Пахомова отбил одну за другой пять сильных атак фашистов. Партизаны были измотаны непрерывным боем. И все же, спустя час после последней атаки, командир сумел перебросить через реку ударную группу под командованием Гвоздева.

— Отправил «порыбачить» на немецком берегу, — докладывал он приехавшему в отряд Исаеву и, точно оправдываясь, добавил: — С провиантом туговато у нас, товарищ, военком.

— Стоит ли людьми рисковать ради одного провианта? — усомнился Андрей Иванович.

— Насчет провизии это я для успокоения совести говорю, — сознался Пахомов. — Главное — в другом. Комбриг разрешил нам действовать, смотря по обстановке. А обстановка в данный момент такая, что сейчас самый раз показать врагу: не ты нас днем, а мы тебя расчехвостили, раз после драки на твой берег забрались.

«Рыбалка» прошла на славу. Группа Гвоздева разгромила обоз гитлеровцев, вернулась с трофеями.

Группа политрука Симана Григорьева устроила засаду на дороге Папортно — Заполье. Долго сидели в густом кустарнике партизаны — ни машины, ни оккупантов. Но вот около полудня послышался шум. Показались гитлеровцы. Их было человек сто. Напуганные партизанскими минами, двигались они не по дороге, а вдоль ее, кустарником.

Партизаны замерли. Григорьев приказал пропустить часть колонны во главе с офицером и пулеметчиками вперед. Офицер прошел еще шагов двадцать, что-то насвистывая себе под нос, и вдруг увидел перед собой пулемет партизана Тарасова. Подпрыгнув, как ужаленный, он дико завопил:

— Рус! Рус!

Застрочили автоматы Они били в упор, без промаха. Десятки карателей были убиты. Остальные, побросав оружие и забыв про минную опасность, помчались по дороге и вскоре скрылись за поворотом.

Много смелых дел было на боевом счету партизан отрядов Крылова, Тарасюка, Пахомова. 20 августа 1942 года Герман радиограммой доносил в штаб партизанского движения:

«Бригада дерется с 9.VIII ежедневно. В боях убито солдат и офицеров пятьсот семьдесят. Подбито танков — пять, из них один сожжен. Уничтожено одиннадцать пулеметных точек. По документам убитых выявлено: дерутся против нас 4-й заградительный полк и бронетанковая часть».

С каждым днем бои приобретали все более жестокий, кровопролитный характер. Большие потери несли 2-я и 1-я бригады. Немало полегло и наших товарищей на берегах Полисти: было убито тридцать три человека, восемь бойцов пропали без вести, а ранено около ста человек. В общей сложности из строя вышло более четверти личного состава бригады. Невосполнимы были потери командиров: смертью храбрых во время флангового удара по врагу погиб бесстрашный командир станковых пулеметов Павел Лебедев, на минном поле случайно подорвался ветеран бригады Виталий Тарасюк, были ранены и отправлены в тыл Юдченков, Костарев, Гвоздев.

Герман все августовские дни напряженно работал. Много времени он проводил на своем командном пункте. Туда в солдатском котелке носил ему обед повар Вася. Не знаю, когда комбриг спал. И днем и ночью его всегда можно было найти или сидящим над картой с курвиметром в руке, или отдающим приказание связным, или обсуждающим с командирами детали предстоящей операции.

Комбриг умел подбирать людей. Он заметил, что начальника штаба Ганева тяготит штабная работа. Герман назначил

начальником штаба бригады Ивана Васильевича Крылова, отправив Ганева вместо него командиром отряда. Крылов оказался на редкость способным штабистом и вскоре стал правой рукой комбрига.

А напряжение боев все нарастало. Каратели заняли Вязовку. Не хотелось мириться с потерей этого важного и выгодного для обороны края рубежа. Было принято решение — фашистов из Вязовки выбить. Эту задачу возложили на отряд, которым теперь командовал Ганев.

Ночью мы собрались на командном пункте бригады. С минуты на минуту ожидалось начало боя в Вязовке. Вот-вот там заработают пулеметы, ночную темноту избороздят огненные следы трассирующих пуль. Но августовская ночь была тиха, и только кое-где раздавались одиночные выстрелы да изредка над позициями гитлеровцев взлетали ракеты. Назначенный срок начала операции прошел. Герман волновался.

На рассвете на КП появился мокрый и усталый Ганев. Случилось с опытным командиром невероятное — он потерял ориентировку и всю ночь с отрядом проблуждал по болотам.

Герман угрожающе тихо приказал:

— Уйди, Ганев!

Вслед за опечаленным Ганевым ушел и сам комбриг. Вскочив на лошадь, он помчался невесть куда, на этот раз даже без Лемешко. Часа два мы ходили по лагерю, точно в воду опущенные, переживали за Вязовку, — такой глупый промах.

И. В. Крылов — начальник штаба 3-й Ленинградской партизанской бригады.

Но вот у штабной палатки раздался бодрый голос Германа. Вскоре Исаева, Лебедева и меня вызвали в палатку комбрига.

Александр Викторович встретил нас лукавой улыбкой:

— Что же это получается, дорогие мои комиссары? Пообещали вчера Васильеву Вязовку взять. Ганев в трех соснах заблудился. Может, стоит и сегодня чего-нибудь наобещать, а потом в кусты? Нет! Такое не годится для нас с вами. Не этому нас батька Литвиненко учил.

Комбриг на секунду замолчал. Глаза его озорно блестели. Было ясно, что он что-то придумал. В это время вошел командир отряда Лебедев. Герман протянул ему руку и уже тоном приказа продолжал:

— Вязовку сегодня ночью взять. С обороны снять максимум бойцов. Отряд Лебедева с приданными ему штурмовыми группами должен окружить гарнизон врага. Я кое-что сам высмотрел да разведчиков опросил. Смотрите, как должно получиться.

Мы подошли к большой карте на столе…

Через час Герман уже скакал в расположение отряда Лебедева, а Кумриди, Зиновьева и я пошли к бойцам штурмовых групп. В штаб Васильева полетела радиограмма: «Иду на риск. Снимаю всех с обороны. Наступаю. Герман».

Эта радиограмма смутила кое-кого из приверженцев оборонительной тактики и восхитила командиров, которые мечтали о смелых рейдах, рвались на оперативный простор. Здесь уместно будет сказать, что некоторые историки Партизанского края, называя имена вожаков народной войны, прошедших школу боев в «лесной республике», причисляют к ним и Германа.

Наивное заблуждение! Герман пробыл в Партизанском крае всего лишь двадцать четыре дня и пришел он туда, когда за его плечами был опыт героического шестимесячного рейда — первого партизанского рейда на советско-германском фронте. Герман очень уважал комбрига Васильева, ревностно выполнял его указания по обороне края. Но он был и первым среди партизанских командиров, который понял, что в условиях лета 1942 года было бы ошибкой приковывать основные силы партизан на длительное время к одному, даже очень важному району.

Бригада выбила тогда фашистов из Вязовки. Герман оставил на передовой линии обороны три или четыре станковых пулемета, приказав их расчетам вести всю ночь беспокоящий огонь. А сам с бригадой ударил по фашистскому гарнизону с тыла. Отряд Лебедева (сам командир геройски пал в бою) захватил две пушки, два автомобиля, несколько пулеметов. Среди трофеев был и огромный фашистский флаг, который ребята, притащив в лагерь, разодрали на портянки.

И днем и ночью на берегах реки Полисти шли бои. Стойко держались партизаны, но карателям все же удалось расчленить их оборону.

Удерживать Партизанский край дальше было уже невозможно. И штаб приказал выводить полки 2-й бригады и отряды 1-й, 3-й и 4-й бригад в другие районы Псковщины. 1 сентября 1942 года Герман послал в штаб последнюю радиограмму из «лесной республики». В ней сообщалось:

«Занимаю прежний район обороны. 31 августа подорвана танкетка, подбито три автомашины… Частью сил выхожу озеро Радиловское, северо-западнее Порхова. Срочно жду медикаменты, мыло, соль, табак».

В тот же день с отрядами Пахомова и Богомолова, назначенного командиром вместо погибшего Лебедева, Герман покинул Партизанский край. Для прикрытия отхода партизанских сил в «лесной республике» из нашей бригады были оставлены отряд Ганева, группа пулеметчиков Меньшикова и часть

бригадной разведки. Старшими среди оставшихся комбриг назначил Худякова и меня.

Без Германа в Партизанском крае мы провоевали неделю. Каратели наседали со всех сторон. Они оттеснили нас в болотистый район с деревней Татинец посредине. Здесь мы и собрались во второй половине дня 7 сентября 1942 года.

Под вечер Худяков и я пошли в штаб Васильева. У штабной избы группа бойцов приводила в негодное состояние пушку. В стороне, под кустом трое партизан зарывали в землю орудийный замок. Командир 2-й бригады стоял рядом расстроенный и хмурый. Все мы с горечью в сердце сознавали: «лесная республика» доживает свои последние часы. Когда собрались командиры отрядов, Васильев зачитал приказ: мы должны были сегодняшней ночью покинуть Татинец, скрытно миновать заставы карателей и, рассредоточившись, выйти в новые районы боевых действий поотрядно.

С наступлением темноты на окраине деревни выстроилась колонна в несколько сот партизан. Раздалась негромкая команда, и мы тронулись в путь. Вскоре лес поглотил последние группы защитников Партизанского края.

Тяжелая осень

Вторую неделю мы в походе. Вновь шумят над нами кроны лесных великанов, плывут хмурые тучи. А под ногами — ворох шуршащей листвы. Уже осень… Вторая военная осень. Нет, не принесла она облегчения моей Родине. На юге страны идут тяжелые бои. Напряженной остается обстановка и под Ленинградом.

Привал в лесу на марше.

Нелегко и нашему партизанскому войску. После непрерывных боев в нем едва насчитывается три тысячи бойцов. Заняв «лесную республику», каратели теснят разрозненные отряды народных мстителей. Некоторые из них, нарушив приказ штаба, выходят в советский тыл.

11 сентября наш объединенный отряд довольно удачно пересек тщательно охраняемую гитлеровцами железную дорогу Новосокольники — Дно, затем форсировал реку Шелонь. Мы сделали остановку в Грамулинском лесу. Лес небольшой, но отдохнуть здесь можно. Расположились на берегу ручья. Горят костры, варится в котелках картошка и грибы, готовится нехитрый партизанский обед.

Ребята отдыхают, а Худяков, Ганев и Сергунин, развернув карту, разрабатывают маршрут перехода через железную дорогу Псков — Дно. Герман где-то севернее этой дороги, и нам надо пробиться туда.

Вдруг невдалеке от нас раздаются выстрелы. Не успели мы послать разведчиков узнать, в чем дело, как из лесной чащи на берег ручья выбежал деревенский парень. Увидев нас, он остановился как вкопанный.

— Иди сюда, не бойся, — позвали мы.

Парень оказался партизаном из местного отряда. Он только что напоролся на засаду. Гитлеровцы, видимо, караулили нас, но мы прошли левее их, а вот парень чуть-чуть не угодил им в лапы.

Убедившись, что мы — свои, молодой партизан попросил

разрешения сбегать за остальными бойцами отряда. Через несколько минут у наших костров появилось пятеро колхозников, вооруженных винтовками и охотничьими ружьями. Предводительствовал этой «грозной» силой старик с большими седыми усами. Он по-детски радовался, разглядывая нашу армейскую форму и вооружение, и все время твердил:

— Родимые… Вот и довелось своих повстречать… Родимые…

Местный отряд возник стихийно, действовал на свой страх и риск. Патриоты разобрали несколько шоссейных мостов, систематически портили телефонную связь оккупантов, напали на фашистский обоз, расстреляли предателя-односельчанина, который измывался над красноармейскими семьями. Перед расстрелом на фашистского холуя надели узду и провели его по всей деревне.

Рассказав о делах своей группы, старик попросил принять его бойцов в наш отряд. Мы посоветовали ему пока оставаться в этих лесах, больше вредить оккупантам на дорогах, наказывать предателей, расстреливая их на глазах у населения. Я поделился со стариком листовками и газетами и пообещал:

— Подожди, отец, обоснуемся в краях ваших — встретимся, вместе гансов-поганцев бить будем.

И верно, через месяц этот местный отряд партизан влился в нашу бригаду.

Каратели догадались о маршруте нашего движения, и чем дальше, тем труднее нам было идти. А тут еще в довершение всего зарядили дожди, по-осеннему нудные и долгие. Устраиваясь спать на мокрых еловых ветках, ребята находили еще силы шутить:

— Льет и льет распроклятый. Видать состарился Илья-пророк, не держится водичка-то.

— Это все зенитчики виноваты: продырявили небо в тысяче мест. Ангелам-белоручкам не управиться со штопкой.

В конце сентября мы встретили разведчиков Германа, а через два дня он сам, радостный и возбужденный, обнимал нас и жал нам руки. Жадно расспрашивал о последних боях в Партизанском крае.

Бригада — нас было в это время двести семьдесят восемь человек — стала лагерем у ручья Межник. Положение сложилось тяжелое: люди истощены, много больных и раненых, нет зимней одежды, плохо с провиантом. Три самолета, которые Герман вытребовал из тыла, доставили патроны, медикаменты, табак и соль. Помощь это, конечно, была неоценимая, но недостаточная, чтобы резко поднять боеспособность бригады.

С одним из самолетов к нам прилетел новый начальник

особого отдела Кадачигов Александр Филиппович. Пенкина несколько раньше отозвали в Валдай.

Кадачигова партизаны встретили настороженно. Но лейтенант госбезопасности, сухощавый, подвижный, с живыми умными глазами и скупой улыбкой на лице, довольно быстро завоевал нашу симпатию. Правда, вначале он допустил промах. На второй или третий день своего пребывания в бригаде ему зачем-то срочно понадобился Герман. Начальник особого отдела формально не подчинялся командованию бригады, имел даже отдельную рацию. Кадачигов послал за комбригом своего ординарца. Герман отправил ординарца обратно и приказал передать Кадачигову, чтобы тот немедленно явился в штаб. Когда начальник особого отдела пришел, Александр Викторович спокойно, но очень твердо сказал:

— Товарищ лейтенант, запомните раз и навсегда: Третьей Ленинградской партизанской бригадой командую я — капитан Герман. Больше на эту тему вести разговоров ни с вами, ни с вашим начальством не будем. Вы свободны.

К чести Кадачигова надо сказать, что он не затаил обиды и сумел в очень короткий срок сделаться нужным человеком в бригаде, помочь комбригу в создании крупной разветвленной сети агентурной разведки. Впоследствии благодаря Александру Филипповичу нам удалось установить связь с подпольщиками города Порхова, с юными патриотами из поселка Пушкинские Горы, увести в бригаду большую группу армян из пресловутого «армянского легиона» гитлеровцев. Герман всегда с похвалой отзывался о работе нашего особого отдела.

В начале октября гитлеровцы блокировали лес, где находился наш лагерь и лагерь полка Афанасьева из 2-й партизанской бригады. Во всех окружающих деревнях они разместили гарнизоны, кругом расставили засады. Герман послал отряд Богомолова на разведку новых мест. Но Богомолов не вернулся. Позже стало известно, что отряд подался на юг Псковщины, затем вышел в советский тыл. Бригада очутилась в еще более худшем положении.

Стало ясно, что у ручья Межник нам оставаться больше нельзя. Посоветовавшись с Исаевым и Крыловым, Герман решил прорвать кольцо окружения и вывести бригаду в лес, северо-западнее Порхова, в район так называемой Никандровой дачи. Голодные и усталые, мы идем в бой. Почти без потерь прорываемся сквозь фашистские заслоны. После сорокачасового марша валимся, как подкошенные, отдыхать на лесистом островке, приютившемся среди гиблых болот.

Отоспавшись, разглядываем свое новое пристанище. Кто-то

тоскливо роняет:

— Опять болота.

Сергунин пытается поднять настроение:

— Не болота, а остров. И называется он островом Святой Елены. Помните стихи:

…Есть остров на том океане.
Пустынный и мрачный гранит.

— Гранита что-то не видно, а вот насчет пустыни, так это — точно. Я уже облазил все вокруг — думал хоть клюквы ребятам насобирать, и ни черта не нашел: ржавая вода да кочки.

Это говорит наш фельдшер Анатолий Иванов. Он и Катя Данилова стараются всячески облегчить участь наших раненых товарищей. Но что можно сделать, когда пуст болотистый лес, а на картофельных полях стерегут наших «заготовителей» фашистские засады с пулеметами и овчарками?

Ждем самолетов — день, другой, а они не прилетают. Все больше и больше дает себя чувствовать голод. Вечером 7 октября у костра Иван Иванович Сергунин достает свою заветную тетрадку — дневник, с которым он не расставался со времени организации партизанского отряда имени Чкалова, и делает запись: «Сегодня весь день ничего не ели…»

Я смотрю через его плечо и вспоминаю, как в полдень комиссар сам рюмкой делил остатки горохового супа-пюре. «Сухой паек» получили только раненые и больные. Многие из них говорили Исаеву:

— Мне сыпь, Андрей Иванович, поменьше. Силенка еще есть, потерплю.

Сергунин убирает в полевую сумку дневник и с бодрой улыбкой говорит:

— Знаешь, Михаил, в Прибалтике мне довелось слышать одну интересную поговорку: «Треска осенняя — тоща, волк голодный — тощ, а обоих их тощее — человек с островов». Рассматриваю я тебя и убеждаюсь в правоте народной мудрости. Уж очень ты тощ, даже неприлично как-то для начальника политотдела.

— Святая Елена и из тебя, Иван Иванович, соки подвыжала. Небось любая девица-модница позавидует сегодня твоей комиссарской талии.

Оба невесело улыбаемся. Пытаемся шутить, подбадриваем друг друга… Да, рано еще голову вешать. Есть еще порох в пороховницах. Еще повоюем…

Вечером следующего дня на эту тему у нас состоялся большой, принципиальный разговор. Хорошо запомнился он —

прямой, честный, поставивший над многими «и» точки.

Весь день брызгал мелкий, противный дождь. Под вечер наконец прекратился. Вымокли мы порядком и с наступлением темноты старались держаться поближе к кострам. Две группы бойцов вернулись с задания. Одна взорвала мост на шоссе, другая добыла в деревне, занятой карателями, два мешка картофеля. У штабного костра собрался почти весь командный состав бригады. Говорили об итогах минувшего дня.

— Один паршивый мост — разве это боевая работа? — возмущался Крылов. — Утекать нужно с этой Святой Елены — вот что.

— Какая там к черту Елена, — вторгся в разговор басок Худякова, — ребята правильно окрестили остров Голодаем. Согласен с тобой, Иван Васильевич, уйти нужно нам с этого Голодая, да побыстрее.

— Можно к Опочке повернуть, — подал голос недавно появившийся в нашей бригаде партизан-подрывник Ситдиков, — а там и в пустошкинские леса перебраться. Что мы, привязаны, что ли, к ленинградской земле?

Услышав последние слова, стоявший у сосны Герман подошел к костру:

— Наш новый товарищ неправ. Нам нельзя забывать, что мы — ленинградские партизаны. Фашисты очень бы хотели, чтобы мы ушли отсюда. Но мы не уйдем! Мы будем драться до последнего, но нашему долгу перед городом Ленина не изменим.

Сразу заговорили несколько человек:

— Верно. Нельзя нам из пределов Ленинградской области уходить.

— Эх, силенок у нас маловато, а то бы бригада могла… Кто-то иронически перебил:

— Какая мы бригада? В хорошем отряде и то бойцов больше.

И опять вмешался Герман:

— Трудно сейчас нам. И все же мы — бригада. Пройдет немного времени, и бригада наша пополнится людьми, будут у нас и отряды и полки. Только предварительно нам нужно кое с чем распрощаться. Вот хотя бы с лесными лагерями. Почему мы считаем, что должны иметь постоянную прописку в лесу, в лагере-стационаре? У Литвиненко лагерей не было, а дело шло. Маневр, маневр и еще раз маневр — вот что нам необходимо сейчас, как воздух, как хлеб насущный. Быть всегда в движении, неуловимыми, быстрыми, гибкими — вот наша тактика.

Герман на секунду замолчал и оглянулся. Костер окружали плотной массой бойцы. Как зачарованные слушали они бодрый, звонкий голос любимого комбрига. А он, уже спокойнее, как о

чем-то хорошо продуманном и решенном, продолжал:

— Ко всем чертям этот Голодай и эти распроклятые болота. Наши биваки с завтрашнего дня — деревни, из которых мы будем выбивать фашистскую мразь. Первой такой деревней определяю Красное Щекино. Иван Васильевич, пиши приказ: выход сегодня, в девятнадцать часов, по маршруту просека — железная дорога — деревня. Прошу подготовить людей.

Весь наш маршрут составлял около двенадцати километров. Но из всех наших переходов этот был самым тяжелым. Остров «Голодай» порядочно истощил силы большинства бойцов и командиров. Шли очень медленно, часто делали привалы. На одном из них Герман заметил, что трое пулеметчиков еле-еле тащатся со своей тяжелой ношей. Подошел к ним, участливо спросил:

— Что, ребята, подмога требуется?

— Что вы, Александр Викторович! Сами справимся.

— Гриша, — позвал комбриг адъютанта, — дай-ка мой ранец. Там у меня чуть ли не от Валдая рыбные консервы хранятся.

— Товарищ комбриг, — взмолился Лемешко, — так это же самый что ни на есть НЗ.

— Ничего, Григорий, взламывай наш неприкосновенный запас, — и, подавая банку консервов пулеметчикам, приказал: — Съесть немедленно.

Фашисты, видимо, не ожидали нашего выхода на юг. Мы беспрепятственно перешли железную дорогу и к утру были в Красном Щекине. Добрые деревенские хозяйки, наверное, очень удивлялись партизанским аппетитам, — все, чем они угощали нас, исчезало со стола моментально.

В течение дня мы вымылись в бане и замечательно отдохнули. Вечером я собрал всех жителей деревни к колхозному сараю и сделал доклад о положении на фронтах. Слушали меня очень внимательно, задавали много вопросов. Большинство из них можно было бы объединить в один: «Устоит ли Ленинград?»

Из Красного Щекина бригада перешла к границе Грамулинского леса и остановилась в деревне Фомкина Гора. Ночью на марше произошла интересная встреча. Староста из деревни Пьяный Брод возвращался под хмельком из Порхова. Ехал быстро и напоролся на наших разведчиков. Спьяна принял их за полицаев. Остановил лошадь и покровительственно предупредил:

— Вы тут, шалопаи, поосторожней. Господин комендант мне сказывал — в Грамулинском бору бандиты появились, за главного у них не то Ферман какой-то, не то Герман.

«Шалопаи» не замешкались и арестовали фашистского

прихвостня. После допроса предателя расстреляли.

Третья наша стоянка — деревня Каменка. Только что расположились на отдых — срочный вызов к комбригу, Бегом в штаб. В пустой избе у стола стоит Герман и как-то безразлично глядит мимо нас. Тут же чем-то расстроенный Исаев. Спрашиваю:

— Александр Викторович, в чем дело?

— Сам не знаю. Спросите вот его, — комбриг показывает на сидящего на подоконнике Касьяна.

Работник оперативной группы батальонный комиссар Касьян прилетел из Валдая с Кадачиговым, все эти дни вместе с нами делил трудности, стойко переносил лишения. Но когда бригада в третий раз подряд сделала остановку в деревне, он вдруг запротестовал и потребовал от Германа срочного созыва командиров. Не подымаясь с подоконника, батальонный комиссар заговорил сердитым, обвиняющим голосом:

— Что мы делаем, товарищи? Я как работник опергруппы не могу молчать. Зачем мы пришли в деревню, в одну, вторую, третью? Зачем? Чтобы раскрыть себя? Где партизанская конспирация? Я предлагаю немедленно покинуть деревню и уйти в лес.

Так вот как понимают некоторые товарищи партизанскую войну: подальше от народа, сиди в лесном лагере и жди благоприятных условий для выхода на диверсию. Нет, так не пойдет. Возмущенный, я перебил Касьяна:

— Мы к народу пришли, а вы нас в лес от людей запрятать хотите.

— На кой ляд конспирация ради конспирации, — поддержал меня Пахомов.

Зашумели командиры, дружно навалились на рьяного сторонника лесных лагерей. Герман засмеялся и потребовал тишины:

— Все ясно, товарищи. Объяснились и хватит. И вам все ясно, товарищ батальонный комиссар, не правда ли?

Касьян в знак согласия махнул рукой. Александр Викторович закончил совещание словами:

— Я согласен с представителем опергруппы в одном: обстановка не во всех деревнях подходящая. Ну что ж, оздоровлять ее нужно. Хирургическим путем, конечно. За тем и пришли. Воевать будем, товарищи!

«ИСКАТЬ! ПРЕСЛЕДОВАТЬ! ИСТРЕБЛЯТЬ!»

«Оздоровляем» обстановку

Один из последних осенних дней 1942 года. Совещание у комбрига. За столом у карты сидят начальник штаба, комиссар и комбриг. Остальные командиры разместились на дубовых лавках около стенки. Александр Викторович спрашивает: — Ну, вот мы и вышли из леса. Помните, как говорил наш батька Литвиненко: что же теперь, хлопцы, робить будем? Ваше мнение, Ситдиков?

— Искать противника, товарищ комбриг.

— Что верно, то верно. Не он, а мы его. Но враг увидит, что мы — сила. И вот мелкие гарнизоны фашистов снимаются с насиженных мест и уходят. Что тогда делать требуется, товарищ Синяшкин?

— Преследовать неприятеля, как учил Суворов.

— И это верно. А дальше? Враг уходит, мы за ним — ну и будем гонять его, как зайца по кругу? Так что ли, товарищ начальник штаба?

Иван Васильевич Крылов скупо отвечает:

— Преследовать нужно для того, чтобы истреблять.

— Во! Во! — смеется комбриг. — Вот и выработали сообща тактику: искать, преследовать, истреблять! А теперь, друзья, конкретная задача. Разведчики сегодня доложили: в деревне Ясно в помещении школы гитлеровцы собрали несколько десятков полицаев и проводят инструктаж — учат, как выслеживать и уничтожать партизан. Мне думается, будет правильно, если мы по-соседски «поможем» им организовать в Ясно «практические занятия» по борьбе с партизанами…

Утром следующего дня один из наших отрядов направился в

Ясно.

Партизаны оцепили деревню, незаметно подобрались к зданию школы. В ее окна полетели гранаты, по выбегающим фашистам открыли огонь из пулеметов. Захваченные врасплох гитлеровцы и их приспешники не сумели организовать сопротивления.

Командир 3-й Ленинградской партизанской бригады Александр Викторович Герман.

«Практические занятия», по оценке Германа, «прошли на высоком уровне»: ни один из гитлеровцев не спасся, девятнадцать полицаев были взяты в плен.

Вскоре частью сил бригада совершила ночной налет на Шахновскую волостную управу. Перебив охрану, партизаны забрали документы, сожгли здание управы. Фашисты, узнав о налете, бросили вслед за нами погоню. Отряд Синяшкина ложным маневром завлек преследователей в деревню Сивково, где была устроена засада. Оккупантов разгромили наголову. Наш отряд потерял лишь трех бойцов.

В деревне Дубье разведчики захватили старшину Терептинской волости Тихонова и привели его в деревню Воробьево, где тогда размещался штаб бригады. Исаев приказал собрать жителей деревни.

— Кто может сказать что-либо хорошее об этом человеке? — спросил он, указывая на волостного старшину.

Никто не подал голоса в защиту негодяя. Тогда Тихонов упал на колени:

— Смилуйтесь, ради бога…

Из толпы раздалось гневное:

— Ты, подлюга, бога не трожь.

— Гад он и кровопийца. Многих людей загубил.

— Стрелять таких душегубов надо.

Приговор народа был приведен в исполнение.

Слух об уничтожении фашистско-полицейского гнезда в Ясно, о разгроме Шахновской волостной управы и расстреле верного слуги оккупантов Тихонова быстро разнесся по Порховщине. Мелкие подразделения врага, размещавшиеся в деревнях, начали перебираться в Порхов, Славковичи, Пожеревицы — под охрану сильных гарнизонов. Вольготнее стало дышать в округе.

Группа разведчиков 3-й Ленинградской партизанской бригады.

А бригада продолжала маневрировать, расширяя территорию района боевых действий. То мы двигались всеми отрядами вместе, то рассыпались на несколько групп и шли разными маршрутами, а через несколько дней соединялись опять. С каждым днем крепли наши связи с народом. Начался приток свежих сил в отряды.

Недавно, перебирая свои архивы, я обнаружил пожелтевшую фотографию молодого парня. Рядом с ним девушка — его сестра. На обороте карандашная надпись: «Павел Ильин, 1917 года рождения, организатор молодежного отряда в деревне Стряпиха Порховского района». Фотография воскресила в моей памяти историю самоотверженной борьбы деревенской молодежи против фашистского рабства.

…Небольшая деревушка Стряпиха стояла в стороне от шоссе, спрятавшись за яблоневыми садами. Началась война. До деревни стали доходить вести одна страшнее другой. Рассказывали о виселицах в Порхове, о пожарах и расстрелах в Дно. Вскоре гитлеровцы появились и в Стряпихе. Потянулись темные дни фашистской оккупации. В октябре 1942 года старший полицейский объявил, что из Стряпихи нужно отправить для работы на немецких заводах добровольцев — парней и девчат. Из соседних сел «добровольцы» были уже доставлены под усиленным конвоем в Порхов.

Вот тогда и собрал Павел Ильин своих друзей-погодков и

сказал:

— А не стыдно ли нам, молодым и здоровым, ярмо фашистское терпеть? Вы как хотите, но я в Германию не поеду.

Пошумели ребята и решили: не пускать больше в свою деревню ни немцев, ни полицаев-предателей. Видно, многие из парней давно уже готовились к борьбе с оккупанта ми, раз оружие появилось на другой же день: две винтовки, наган, охотничьи ружья. На окраине деревни, у дороги в волость, где находился фашистский гарнизон, был поставлен часовой. Дежурство ребята несли поочередно круглые сутки.

В тревожном ожидании прошло несколько дней. И вот однажды утром к Ильину прибежал дежурный. Его рыжеватое от веснушек лицо заливал пот, толстые губы дрожали:

— Павлушка, идут!

Ребята собрались быстро, залегли в кустарнике вблизи дороги. На ней вскоре показались фашисты в сопровождении нескольких полицаев. Гитлеровцы шли неторопливо, о чем-то громко разговаривали.

— Стрелять всем сразу, — приказал Павел.

Ребята точно выполнили команду своего вожака. Залп произвел ошеломляющее впечатление на гитлеровцев. Не успели они схватиться за оружие, как раздались новые дружные выстрелы. Оккупанты бросились бежать.

Павел прекрасно понимал, что теперь в Стряпиху придет карательный отряд. Он усилил охрану деревни, привлек в отряд еще несколько человек. На «военном совете» ребята решили: встретить врага огнем, а затем отойти глухими оврагами в лес и начать партизанскую жизнь.

Однако почему-то фашисты вторично в Стряпиху сразу не нагрянули. А через четыре дня ночью на рысях в деревню въехала группа конников — наша бригадная разведка.

Когда утром мы собрали крестьянский сход, Герман громко спросил:

— Кто здесь будет партизанский командир, напугавший фрицев до смерти?

Ребята вытолкали вперед Павла.

— Молодец! — похвалил комбриг. — А за то, что, отбив врага, подумал о новом бое, — вдвойне молодец. На востоке есть хорошая пословица — «Кто не думает об исходе дела, тому судьба не друг».

Ильин и его друзья остались в нашей бригаде и храбро воевали. В феврале 1943 года Павел погиб в бою у деревни Большие Пети Славковского района.

В бригаду вливались и отдельные группы ленинградских и

калининских партизан, отбившиеся от своих. Покинув Партизанский край, некоторые отряды направились в северные районы Псковщины и попытались там обосноваться, но каратели навязывали им тяжелые бои и выбивали из лесных лагерей. Отряды теряли связь друг с другом, несли потери и волей-неволей двигались в южном направлении, а здесь встречались с нашей бригадой. Так к нам попали группа бойцов Ершова, отряд ленинградских комсомольцев. В ноябре в бригаду влились отряд Николая Николаевича Седова, бывшего секретаря Бедебелковского РК ВКП(б), и отряд под командованием порховича Ивана Кузьмича Быкова.

К исходу 1942 года в рядах 3-й Ленинградской партизанской бригады сражалось около четырехсот человек, из них девяносто четыре были коммунистами, девяносто — комсомольцами. С ростом бригады прибавилось работы и в политотделе. А я к осени 1942 года остался один: в тяжелые дни для бригады все мои «аппаратчики» ушли в «низы». Смелая, ловкая Нина Зиновьева стала бойцом — разведчиком и медицинским работником отряда. В отряды ушли Володя Григорьев и Кульков, а Кумриди «пропал» вместе с группой Богомолова.

— Не горюй, товарищ Воскресенский, — говорил Исаев, успокаивая меня, — был бы начальник, а подчиненные найдутся.

Однако находились они с трудом. Даже позже, весной 1943 года, проблема кадров политработников, командиров — знатоков подрывного дела и командиров-разведчиков была для нашей бригады, да и не только для нас, проблемой номер один. Пришлось нам у себя даже что-то вроде курсов по их подготовке организовать.

А тогда, в ноябре 1942 года, моим ближайшим помощником стал журналист Евгений Петрович Малинов. Попал он к нам с одной из партизанских групп, потерявших связь со своим командованием. Малинов взял на себя обязанность, как мы тогда говорили, «доводить сводки Совинформбюро до каждого бойца и до каждого крестьянского двора». Утром он забегал к нашим радистам и принимал вместе с ними последние известия, затем с помощью комсомольцев размножал сводки. Уезжали бойцы в далекую разведку, уходили громить волостную управу — вместе с гранатами и боеприпасами они получали и небольшую стопочку наших листовок.

Появился хороший помощник и у нашего начальника особого отдела. С ведома Германа Кадачигов пригласил к себе работать К. Д. Карицкого — командира молодежного партизанского батальона. Фактически батальона как такового не было. Он понес большие потери в боях за Партизанский край. К нам пробилось

несколько десятков человек, большинство из них были больные и раненые. Герману удалось переправить их в советский тыл. Небольшая группа бойцов этого батальона вошла в состав одного из отрядов бригады.

Наше знакомство с Карицким состоялось у Кадачигова. Как-то днем, зайдя в избу, где размещались наши особисты, я увидел там командира лет тридцати. Поздоровавшись с начальником особого отдела, спросил:

— Александр Филиппович, у тебя, кажется, пополнение? Знакомь.

Командир шагнул ко мне и протянул руку:

— Карицкий.

— Слышал, что вы в бригаде уже несколько дней. Как вам нравится у нас?

— Нравится, — ответил Карицкий. — Я ведь в прошлом пограничник. За годы службы на границе привык к строгому укладу армейской жизни. Последнее время мне его частенько не хватало. У вас условия сейчас, конечно, трудные, но вы, вопреки всему, живете по законам воинского соединения. И это очень хорошо.

Карицкий нам всем пришелся по душе. Пробыл он у нас около четырех месяцев. Константин Дионисьевич много помогал Кадачигову, но по всему чувствовалось — сердцем капитан-пограничник там, где грохочут выстрелы.

В феврале 1943 года Ленинградский штаб партизанского движения формировал 5-ю партизанскую бригаду. Ее командиром был назначен капитан Карицкий, а комиссаром — наш ветеран-чкаловец Иван Иванович Сергунин. Бригада хорошо воевала и в начале 1944 года стала ведущей в партизанском войске Ленинграда. Не ошибусь, если скажу: Карицкий многое перенял у Германа и прежде всего его тактику гибкого, дерзкого маневра. Девиз нашего комбрига: «Искать! Преследовать! Истреблять!» — был девизом и комбрига Карицкого.

Сражение в Памжине

В ноябре 1942 года Герман несколько дней провел в Валдае. Прилетев оттуда, сразу же собрал командный состав бригады и рассказал о своих встречах и беседах с руководителями Ленинградского штаба партизанского движения. Побывал комбриг и у летчиков, обеспечивающих связь партизанских отрядов и бригад с Большой землей, договорился с их командованием о регулярных рейсах в нашу округу.

Заканчивая интересный рассказ о своем кратковременном пребывании в советском тылу, Герман сказал:

— Надо любым путем расширить район нашего влияния.

Было решено: отрядам рассредоточиться по разным районам Псковщины и попробовать действовать некоторое время самостоятельно. При штабе бригады Герман оставил отряд Седова, группу пулеметчиков и отделение бронебойщиков Бабыкина. Вскоре мы направились в Сошихинский район.

Глухая осенняя ночь. Под ногами трава, густо покрытая инеем, ломается ледок в лужах. Холодный пронизывающий ветер. Идти трудно, и все мы радуемся, когда слышим, как разведчики докладывают Герману:

— Деревня Памжино в двухстах метрах. Немцев и полицаев нет.

Деревня небольшая — полтора десятка домов, и наши квартирьеры распределяют партизан по домам большими партиями. Политотделу и радистам штаба бригады они отвели маленькую избушку.

Осторожно стучим. Слышен скрип двери, и в сени кто-то выходит, но молчит. Немного погодя встревоженный женский голос тихо спрашивает:

— Кто там?

— Пусти, хозяюшка, переночевать. Партизаны мы.

— У нас ночевать нельзя. В доме больная. Идите к другим.

Но куда идти? В других домах уже полно партизан. А холодный ветер еще сильнее обрушивается на нас. Начинаем через закрытую дверь убеждать женщину, что ночлег нам все же необходим.

— Не могу я вас пустить. У меня вот-вот невестка должна родить.

Мы собирались уже уходить, когда услышали голос хозяйки:

— Ладно, ребята. Куда же вам деваться. Заходите. Как-нибудь обойдемся.

Небольшая изба. У стены на деревянной кровати лежит молодая женщина, она смотрит на нас, и в ее взгляде испуг и тревога. На лавке у другой стены — молодой мужчина, обросший темной бородой. Сняв с себя вещевые мешки, оружие и полушубки, наслаждаемся отдыхом и теплом. Пока мы ели, хозяйка принесла соломы. Ложимся на полу и быстро засыпаем.

Проснулся я внезапно. Разбудил меня какой-то шум. Изба освещалась тусклым огоньком коптилки. Кровать с молодой женщиной была уже отгорожена занавеской. Слышно, как свекровь что-то достает из печи, потом торопливо идет к невестке. Доносится громкий шепот:

— Мама! Ох! Мама!

Я понимаю, что присутствие посторонних роженицу очень стесняет и она сдерживает свои стоны. Ребята наши лежат, не двигаясь, и я не вижу, чтобы кто-нибудь из них проснулся. Я тоже не шевелюсь.

Сколько времени все это продолжалось, не знаю. Но вот у роженицы вырывается громкий стон и сразу же слышится плач ребенка.

— Мама, я, наверное, всех разбудила? — через минуту спрашивает она.

— Чудачка, нашла о чем беспокоиться, — говорит Миша Лебедев, наш радист. Он, оказывается, тоже не спит. — Скажи лучше, кто родился, мальчик или девочка?

— Дочка родилась.

И тут ребята подняли головы. Стало ясно, что никто из нас не спал. Все зашумели:

— Поздравляем с дочкой!

— Мы все к тебе идем в кумовья.

— А ты молодец!

Мы еще долго разговаривали с хозяевами, пока не уснули. Утром каждый из нас занялся своим делом, но у всех тревожно было на душе. Вдруг бой? Что будет с роженицей и ребенком?

И верно, этот день спокойно не прошел. Фашисты узнали о нашем приходе в Памжино. К полудню два отряда гитлеровцев, усиленных группами полицаев, повели наступление на деревню с двух сторон.

О приближении врага дозоры доложили своевременно. Отряд Седова и боевые силы штаба бригады успели занять оборону на подступах к деревне, а мы, работники отделов и служб штаба, с оружием в руках расположились у стен деревенских построек. Как только стало известно о приближении фашистов, я сбегал в дом, где мы ночевали, и посоветовал хозяину немедленно переправить семью в соседнюю деревню. Он послушался совета, быстро запряг лошадь и уехал, заботливо закутав в одеяла жену и крошку-дочку.

А перестрелка становилась все жарче и жарче. Седов через связного сообщил о появлении танкеток. Вскоре на улице деревни стали рваться мины. По огню чувствовалось, что силы врага намного больше наших.

Герман, Крылов и Исаев стояли у крыльца, что-то разглядывая на карте.

— Ну-ка, Гриша, попридержи лестницу, — неожиданно приказал комбриг своему адъютанту и полез на крышу избы.

Устроившись у печной трубы, Александр Викторович в бинокль стал осматривать окрестность. В это время к штабу

торопливо подошел разгоряченный боем Седов.

— Товарищи, противника много. Он нахально прет и прет. Долго сдерживать его будет просто не под силу.

— Погоди, — прервал Седова комиссар и жестом показал на крышу.

Через несколько минут Герман спустился по лестнице. Спрыгнув на землю, комбриг лукаво улыбнулся нам:

— Седов здесь? Это хорошо. Давайте, Николай Николаевич, команду своим бойцам немедленно, но скрытно передвинуться сюда, в деревню, и дальше вот этой лощиной и кустами пройти в лес. А вы, Крылов, прикажите открыть огонь пулеметчикам, укрывшимся в сараях. И пусть стреляют, пока все не отойдут от Памжино.

Через несколько минут партизаны, отходившие с рубежа обороны, и штабные работники бригады лощиной направились к лесу. Идем — торопимся: надо побыстрее оторваться от противника. Деревня осталась далеко позади. Вот и опушка леса. Останавливаемся.

Но что это? Мы уже отошли от Памжина километра на два, а там все еще трещат пулеметы, рвутся мины, слышны частые автоматные очереди. Герман приказывает проверить, не осталось ли кого в деревне. Разведчики докладывают: в деревне партизан нет, отошли все.

— Александр Викторович, а почему там продолжается бой? — спрашиваю я.

— После узнаем, Михаил Леонидович. Думаю, что моя хитрость удалась — фашисты дубасят друг друга.

Проходит больше часа, а в Памжине все еще стреляют. С наступлением темноты мы трогаемся в путь.

На другой день от местных жителей узнаем, что произошло в Памжине. Гитлеровцы наш отход из деревни не заметили, и вражеские отряды, наступавшие с двух противоположных сторон, долгое время обильно поливали друг друга свинцовым дождем. Немцы и полицейские увезли с собой несколько десятков трупов, многие каратели были ранены.

Фашисты стали действовать против нас крупными подразделениями. Все чаще и чаще наши мелкие отряды и группы вынуждены были вести бой в невыгодных для себя условиях. Так случилось с группой Ганева. В лесах около совхоза «Ругодево» ее настигли каратели. Отбиваясь от наседавших фашистов, партизаны скрылись в лесу. Командир группы Ганев погиб в этой неравной схватке.

Вот и еще одного ветерана потеряла бригада, еще одна безымянная могила появилась на Псковщине. Отважным был

человеком Ганев, мужественно встретил он и свой смертный час. Дрался до последнего вздоха, даже врагов изумил своей храбростью. Командир немецкого отряда приказал забрать у убитого Ганева оружие и документы, но не трогать боевой орден на его груди.

Сергунин, узнав о гибели Ганева, рассказал мне о последнем разговоре с ним. Будто предчувствуя что-то дурное, прощаясь с Иваном Ивановичем, Ганев сказал:

«Знаешь, Иван, полжизни отдал бы сейчас за полдня побывки дома. Так хочется посмотреть на дочурку Розу, поносить ее на руках. Деремся мы тут, как черти. Всякое может случиться. Пусть хоть по мимолетной встрече запомнит она своего папку».

Не суждено было состояться этой встрече… После гибели Ганева комбриг приказал стянуть отряды в одно место. На совещании он сказал командирам:

— Рейдировать будем по-прежнему всем гуртом, пока не удвоятся ряды наши и полки не заведем. А чтобы своим влиянием охватить побольше оккупированной территории, увеличим скорость передвижения. Мы должны появляться на коммуникациях врага и исчезать, подобно ночным призракам.

— Ночные призраки, — усмехнулся Исаев. — Гитлеровские щелкоперы нас даже с турецкими янычарами сравнивают.

— Это забавно. А откуда такие сведения? — поинтересовался Крылов.

Исаев вынул из кармана фашистскую газетенку, издаваемую в городе Дно на русском языке, и, копируя диктора, с немецким акцентом прочел: «Красные же партизаны это — зверье, остервенелое, головорезно-отважное, преступное, ненавидящее все, что только не Советская власть, коей они преданы с фанатичностью янычар… Они сами ищут боя и каждый из них сам по себе политрук».

— Го-ло-во-резно-отва-жное, — по слогам повторил Герман. — Не очень грамотно и не умно, а вот «сам по себе политрук» — почти верно. А наш Воскресенский все обижается — подавай ему политруков.

Зимние операции

В плане Ленинградского штаба партизанского движения о действиях партизан в зимний период 1942/43 года третьим пунктом было записано: «3-й партизанской бригаде (тов. Герман) дислоцироваться в Порховском районе. Диверсионную работу проводить в Дновском, Порховском, Карамышевском,

Славковском и Новосельском районах. Главное внимание сосредоточить на железнодорожном участке Псков — Торошино — Новоселье, Карамышево — Порхов — Дно и на участках шоссе Псков — Подборовье — Цапелька, Карамышево — Порхов». Штаб требовал «воспрепятствовать переброске живой силы, техники, вооружения, боеприпасов, горючего и продовольствия к линии фронта путем организации систематических железнодорожных катастроф, подрыва мостов, уничтожения придорожных линий связи, организации нападений из засад на обозы и транспорты противника».

Нелегко было решать эту боевую задачу. Генерал Шпейман увеличил число гарнизонов в районе железных дорог почти вдвое по сравнению с прошлой зимой. Не хватало подчас нам и взрывчатки. Не было донесения, посланного в штаб в Ленинград или в опергруппу в Валдай, где Герман не просил бы боеприпасов.

Мы делали все возможное, чтобы выполнить приказ штаба. Ежедневно Герман посылал группы партизан для диверсий на вражеских коммуникациях. Бойцы проходили по тридцать — сорок километров и редко возвращались, не выполнив задания. В один из метельных декабрьских дней группа Загребина взорвала вражеский эшелон в двух километрах юго-западнее города Порхова. Состав был большой — тридцать пять груженых вагонов. Группа Меньшикова пустила под откос в районе станции Подсевы полутоварный-полупассажирский воинский поезд. Было разбито сорок четыре вагона.

Если выполнение какой-нибудь операции срывалось, Герман не принимал никаких оправданий, винил всегда командиров отрядов и особенно штабных работников.

— Не удалось взорвать или не сумели? — сердито выговаривал он Крылову. — Чего больше: первого или второго? Учить людей нужно подрывному делу в условиях снежных заносов. Зима — это тебе не лето и осень, когда «подпалыв и тикай».

И партизаны-подрывники, да и не только они, по образному выражению Ситдикова, «садились за парту».

Учился и командный состав. Все крупные операции, которые проводила бригада, становились предметом живого обсуждения в нашей командирской семье. Герман строго взыскивал с тех, кто уклонялся от учебы. Он часто говорил нам:

— Шли лихие партизаны — это теперь просто песенные слова. Кроме лихости и маневра необходимы знания техники и тактики. От волочаевских дней сейчас на наше вооружение принята лишь песня, все остальное ново: и средства и методы войны.

Совершенствовались наша тактика и методы разведки. Комбриг особенно радовался, когда разведчикам удавалось добыть ценные сведения для фронта. А такое случалось теперь нередко. Так, например, 10 декабря 1942 года штаб Северо-Западного фронта получил от нас данные об огромных штабелях снарядов у шоссе Порхов — Дно, о переброске танков и орудий из Старой Руссы в Порхов и о начале строительства оборонительных сооружений в поселке Вышгород, где постоянно базировались охранные войска 16-й немецкой армии.

В канун нового, 1943 года за подписями Никитина и Гордина, нового начальника оперативной группы Ленинградского штаба партизанского движения при штабе Северо-Западного фронта, мы получили по радио приказание: «Всеми силами разведки проверьте передвижение войск противника от Ленинграда на юг через Псков. Организуйте круглосуточное наблюдение за железными и шоссейными дорогами Псков — Остров, Порхов — Дно».

Герман каким-то особым чутьем разведчика понял, что это необычная радиограмма. Он немедленно удвоил количество разведывательных групп на указанных в радиограмме коммуникациях. Когда Исаев усомнился, стоит ли отрывать сейчас людей от диверсионных заданий, комбриг ответил:

— Стоит, Андрей Иванович, стоит. На данном этапе для фронта это главное. И думаю, что неспроста порховско-дновская ветка интересует наше начальство. Очевидно, идет перегруппировка войск. И ленинградцы что-то замышляют.

Вскоре радио принесло весть о прорыве блокады Ленинграда. Мы радовались, — в этой победе была маленькая частица и наших трудов.

В начале февраля 1943 года бригада приступила к выполнению специального задания Военного совета Северо-Западного фронта. Требовалось нанести массированный удар по железной дороге Псков — Дно. План операции разрабатывался Германом вместе с Крыловым и прилетевшим специально для этой цели А. А. Тужиковым. Было решено в ночь на 8 февраля сделать налет на станцию Подсевы, схему которой добыл Николай Струнников.

Комбриг поручил выполнение выработанного плана отряду Ситдикова. Хотя Ситдиков в бригаде был всего лишь четвертый месяц, он успел проявить себя храбрым и исключительно исполнительным командиром. Если он говорил «есть!», то можно было не сомневаться — задание будет выполнено, несмотря ни на что.

Так случилось и на этот раз. Отряд свой Ситдиков подвел к

станции незаметно. В 0 часов 45 минут в небо взвилась зеленая ракета. Партизаны с криками «ура!» бросились к станции. Стремительным натиском они сбили охранение и завязали бой у станционных построек. Был он скоротечным. Внезапность и стремительность удара решили исход дела в нашу пользу.

Бойцы Ситдикова около часа «хозяйничали» на станции. Были уничтожены телеграф, семафор, все стрелки, сожжены ремонтные мастерские и здание вокзала, взорван мост на шоссе Подсевы — Славковичи.

А. А. Тужиков — заместитель начальника оперативной группы Ленинградского штаба партизанского движения на Северо-Западном фронте.

В это же самое время второй наш отряд под командованием Быкова ворвался на железнодорожный мост через реку Узу. Уничтожив часовых и патруль, партизаны взорвали мост.

Фашисты вынуждены были закрыть дорогу на три дня. А эшелоны с подкреплением продолжали прибывать на узловые станции. На это и рассчитывал штаб фронта. В ночь на 10 февраля над железнодорожными путями городов Дно, Порхова и Пскова появились советские бомбардировщики.

Наши летчики потрудились изрядно — большинство скопившихся эшелонов было превращено в груду железного лома. Всю ночь багряные языки пламени поднимались в зимнее небо — горели фашистская техника, пристанционные сооружения.

Через две недели бойцы Ситдикова отличились еще в одной операции. 20 феврале разведчики отряда встретили на опушке леса крестьянина из деревни Подсухи. Разговорились. Убедившись, что перед ним партизаны, крестьянин рассказал о приходе в их деревню отряда гитлеровцев под командой лейтенанта Денкса. По его словам, фашисты готовились к какой-то засаде против якобы ожидаемого воздушного десанта советских войск и собирались пробыть в деревне три или четыре дня.

Крестьянина доставили в отряд. Опросив его, Ситдиков приказал провести доразведку. Показания крестьянина подтвердились. Было установлено также, что гитлеровцы разместились в первых четырех домах на северной окраине деревни. Днем помещения охраняли двое часовых, ночью трое.

Для налета Ситдиков выделил пять групп по десять бойцов в каждой. В ночь на 23 февраля партизаны вышли к дорогам, идущим через деревню. Одна группа устроила засаду на большаке Сычево — Подсухи, вторая на проселке Подсухи — Ямицы. Остальные бойцы расположились у перекрестка дорог вблизи деревни.

Убедившись в том, что пути отступления фашистам отрезаны, Ситдиков подал команду к бою. Гитлеровцы оказали сильное сопротивление, но на стороне партизан было два преимущества: внезапность и умение вести ночной бой в населенных пунктах. Вражеский отряд удалось разгромить. Сам Денкс был убит. Партизаны захватили важные документы, два пулемета. В плен попался помощник Денкса.

О бое в Подсухах командование бригады сообщило в специальной телеграмме первому секретарю Ленинградского областного комитета ВКП(б) Андрею Александровичу Жданову.

На ближайшей командирской учебе Герман детально разобрал с нами ночной налет на Подсухи. Он подчеркнул, что

хотя операция по размерам была небольшой, но готовилась Ситдиковым тщательно. Самым главным результатом ее комбриг считал отсутствие потерь в отряде.

— Если будем так воевать все, — говорил довольный Александр Викторович, — то создадим себе славу не только неуловимых, но и неуязвимых ночных призраков.

В Подсухи с тех пор фашисты наведывались редко, мы же стали довольно частыми гостями этой порховской деревушки.

Как-то мы остановились в ней на несколько дней. Политотделу был отведен отдельный дом. На крыльце его нас встретил высокий старик с большой белой бородой, пригласил заходить.

В просторной чистой комнате на скамейке у стола сидел русоголовый мальчуган с книгой в руках. Он с любопытством уставился на нас. Сняв с себя вещевые мешки, и полушубки, мы сели на скамейки, давая отдых уставшим ногам. Закурили.

— Что у тебя за книга? — спросил я мальчугана.

— В школе дали.

Я перелистал книгу. Это было специальное издание, выпущенное фашистами для русских школ. На первой странице — портрет Гитлера. Дальше слащавые стихотворения на религиозные темы и рассказы об «истинно русских патриотах» — белоэмигрантах.

Пока я просматривал книжку, мальчуган наблюдал за мной. Наконец он не выдержал:

— Дядя, здесь все неправда.

— Молодец, что понимаешь, — похвалил я. — Подожди, дружок, вот прогоним фашистов, и будешь ты снова читать настоящие книжки.

— А скоро, дядя, вы прогоните их?

— Скоро, дружок, скоро.

Глядя на маленького бунтаря против гитлеровской лжи, я невольно вспомнил свое детство… Это было в первые годы после Октябрьской революции. С какой жадностью мы слушали рассказы учительницы о Ленине, о коммунистах. И вот спустя четверть века деревенский мальчуган вынужден читать книжицу, где грязью обливается все чистое, светлое, ленинское, что мы имели и чем гордились.

На другой день я пошел в школу, открытую в этой деревне гитлеровцами, и встретился там с учительницей, молодой миловидной женщиной. Мы разговорились. Я узнал, что муж учительницы на фронте, а ее и маленькую дочку судьба забросила на Порховщину. Надо было как-то жить, и она стала работать в школе.

— Как же вы, жена советского командира, пошли на работу к фашистам, против которых сражается ваш муж?

Учительница смутилась. Со слезами на глазах она ответила:

— Я учу детей по-советски.

— Но по фашистским учебникам.

— Я стараюсь антисоветские рассказы не читать.

— Верю этому. Но ведь рано или поздно вас заставят работать так, как хочется гитлеровцам. Не послушаетесь, они учинят над вами расправу.

— Что же мне делать? Посоветуйте.

— Каждый советский человек должен найти свое место в общей борьбе против врага.

Подумайте хорошенько и решите сами, что вам делать…

Прошло несколько дней. Один из наших отрядов уходил на задание. Я стоял у дороги. Гляжу, в колонне идет санитарка с сумкой через плечо, в ватных брюках и фуфайке. Лицо ее мне показалось знакомым. Около меня она неожиданно остановилась:

— Не узнаете? А помните школу в Подсухах?

Только тут я узнал в санитарке учительницу, с которой беседовал, сидя на низких школьных партах.

— Видите, дочку пристроила у соседей, а сама ушла к вам, в партизаны!

Довольная, улыбающаяся, она помахала мне рукой и побежала догонять свой отряд.

«Партизанская столица»

Как-то еще в конце 1942 года наш очередной ночной марш закончился в деревне Ровняк, расположенной на южной окраине Порховского района. Большая эта деревня стояла в стороне от шоссейных дорог. Сразу же за ней начинался лес.

Население встретило нас радушно, и мы стали зимой часто останавливаться здесь на дневки. «Партизанской столицей» назвали Ровняк бойцы. В деревне мы готовились к выполнению боевых операций, проводили политзанятия, отдыхали после рейдов.

Нередко в Ровняке устраивали вечера художественной самодеятельности. В колхозный клуб тогда набивалось полным-полно народу. Деревенские жители приходили все — и стар, и млад. Программа партизанской самодеятельности бывала самая разнообразная. Выступал часто политрук Зайцев, в прошлом московский артист. Он хорошо читал юмористические рассказы. Евгений Малинов на своем любимом инструменте — балалайке

исполнял русские напевы. Играл он виртуозно. А потом, аккомпанируя себе, пел антифашистские частушки, которые сам же сочинял. Неизменным успехом пользовался пулеметчик Алексей Гринчук — превосходный баянист.

На одном из таких вечеров наш конферансье неожиданно объявил:

— Следующим номером нашей программы — художественное слово. Исполняет Герман Александр Викторович.

Бойцы притихли. Никто не предполагал, что наш комбриг будет участвовать в самодеятельности. Я, хотя и знал об увлечении Германа театром, тоже недоумевал. Комбриг поднялся на сцену, веселый, улыбающийся. В руках небольшая бумажка.

— Друзья, я прочту вам маленькое, но замечательное произведение. Оно появилось на свет всего лишь несколько часов тому назад. Писали его на лесной опушке, где метельный февраль запорошил к нам все пути-дороги. Доставил на вечер сию поэму специальный гонец. Вот что здесь написано: «Товарищ комбриг! Сегодня отряд вел бой с фашистами. Убито двадцать пять гитлеровцев. Захвачены трофеи. Ситдиков».

Зрители зааплодировали. Все от души радовались успеху передового отряда, который в это время находился далеко от бригады, где-то около Грамулинского леса.

В «партизанской столице» происходили и такие радостные события, как вручение правительственных наград бойцам и командирам. Высшее отличие — орден Ленина — в Ровняке получил Александр Прохорович Пахомов, один из храбрейших и искуснейших командиров бригады. Вручить награду Пахомову Ленинградский штаб партизанского движения поручил Герману. В присутствии всего командного состава Александр Викторович прикрепил орден к груди командира разведки, обнял его и, трижды поцеловав, сказал:

— Поздравляю, Пахомыч! Сердечно рад, что тебя так отличила Родина. Помни это, не забывай!

Пахомов стоял радостный и какой-то растерянный. Он хотел что-то сказать, но произнес лишь одно слово:

— Спасибо.

Хорошие, добрые люди жили в Ровняке. Обычно каждое подразделение бригады размещалось в домах у одних и тех же хозяев. Когда бригада уходила в рейд, жители деревни беспокоились о своих квартирантах, как о членах семьи.

Однажды вернулись мы в «свой» политотдельский дом и увидели пучки цветков богатки, воткнутые в щели потолка.

Как по-настоящему называется это растение, я не знаю. У него маленькие суховато-жесткие цветы, которые очень долго не

вянут. Я спросил хозяйку, зачем она это сделала. Женщина смущенно объяснила:

— У нас такая примета. Кто беспокоится за судьбу близкого человека, тот приносит в дом пучок богатки. Если цветы не вянут — человек жив, если они завяли — человек погиб. Этот вот пучок поставлен за вас, этот за Евгения Петровича, а тот, что к окну поближе, за Сашу Золотухина (мой новый заместитель по комсомолу. — *М. В.*). Я гляжу на богатки, вижу, что они не вянут, и на сердце спокойнее, значит, вы живы. У всех деревенских так сделано. А на Германа богатки держат в каждом доме.

Мы стояли в Ровняке, когда по радио было принято сообщение о блестящей победе наших войск под Сталинградом. В это время в бригаде находился Алексей Алексеевич Тужиков. До войны он работал секретарем Островского РК ВКП(б) и был депутатом Ленинградского областного Совета. С его участием мы решили провести большой митинг.

Навсегда запомнился мне этот зимний с легким морозцем день. Собралось много народа. Пришли все бойцы, не занятые караульной службой, жители Ровняка и нескольких окрестных деревень. С волнением я произнес:

— Дорогие товарищи, митинг, посвященный разгрому фашистских армий под Сталинградом, объявляю открытым.

— Разгрому, — точно единой грудью вздохнула толпа.

О славной победе Советской Армии до этого знали лишь только наши радисты да командование бригады.

— Слово предоставляется депутату Ленинградского областного Совета товарищу Тужикову.

И опять ахнули собравшиеся. Ведь кругом были оккупанты. За любой крестьянский сход без разрешения фашистских властей грозила жестокая расправа. А мы свободно, не таясь, стоим на улице деревни и слушаем посланца ленинградцев. Он рассказывает о жестоких боях на Волге, о незыблемой стойкости города Ленина. Далеко разносятся в морозном воздухе спокойные, уверенные слова:

— Верьте в победу, товарищи. Она близка и под Ленинградом. Вера — это наша броня. Не отлиты у фашистов те пули и те снаряды, которые могли бы ее пробить. Сквозь тяжелые испытания прошли мы с вами в тысяча девятьсот сорок первом и сорок втором годах. И выдюжили. Впереди много еще боевой работы. Главная задача партизан в сорок третьем — создать нетерпимую обстановку в районе коммуникаций оккупантов. Пусть трепещут каратели и трещат фашистские тылы, когда в бой идут партизаны Ленинграда!

Раздались аплодисменты, Послышались возгласы:

— Даешь коммуникации!

— Держись, фрицы!

По рядам партизан прокатилось громкое «ура!» У многих женщин по лицу текли слезы. Это были слезы радости.

В тот же день мы напечатали сотни экземпляров листовок, рассказывающих о победе Советской Армии под Сталинградом. Разведчики и боевые группы, отправлявшиеся на задания, распространяли их по деревням.

Несмотря на действие крупных отрядов карателей, наши удары по коммуникациям и гарнизонам врага усиливались. 5 марта отряд Пупышева взорвал мост на шоссе Порхов — Пожеревицы, спустил под откос у разъезда Вешки железнодорожный эшелон с техникой врага, уничтожил линию связи противника. И это лишь один отряд из двенадцати.

В один из первых месяцев 1943 года была проведена реорганизация бригады. В начале года в ней было четыреста шестьдесят два человека, в первых числах марта уже семьсот сорок семь партизан, а к 1 мая — тысяча семьсот тридцать бойцов и командиров. Сбылись слова Германа, сказанные им у ночного костра на болотистом острове «Голодай» в самый критический момент нашей партизанской жизни, — в бригаде появились полки. Командирами их были назначены Пахомов, Ситдиков и Худяков, комиссарами Кульков, Седов и Григорьев.

Александр Григорьевич Григорьев только что прилетел в расположение бригады. Исаев и я были очень довольны его назначением в наше соединение. До войны Григорьев работал секретарем Сошихинского райкома партии, хорошо знал людей и район, где мы сейчас воевали. Партизанить он начал с первых дней войны, отлично зарекомендовал себя, сражаясь в рядах бригады Васильева. Решительный, волевой человек и в то же время уравновешенный, спокойный, умеющий не потерять голову в самой сложной обстановке, он, по нашему мнению, мог стать (и Григорьев стал им) советчиком и другом храброго до безрассудства командира полка Дмитрия Васильевича Худякова.

Знакомство их произошло в боевой обстановке. В середине марта против нас была направлена крупная карательная экспедиция.

Бои с карателями

В один из весенних дней мы снова пришли на отдых в деревню Ровняк. Бойцы занялись чисткой оружия, починкой одежды и обуви.

Оживление царит у избы, где разместилась бригадная хозчасть. Начальник боепитания Цветков распределяет между отрядами недавно полученные патроны, гранаты и оружие. Идет спор. Каждый отрядный представитель отчаянно доказывает Цветкову, что именно ему надо выделить побольше боеприпасов, и по-детски радуется, когда удается выпросить лишнюю коробку патронов.

Штаб бригады занимает просторный дом колхозника Звонкова. В комнате на столе развернута карта. Около нее совещаются Герман, Крылов и Пенкин. Сергей Дмитриевич недавно вернулся в бригаду и занимает пост начальника разведки. Все трое нещадно дымят своими трубками. В стороне сидят Тужиков с Карицким, тихо, но оживленно о чем-то беседуют. Комиссар бригады у окна читает план политработы, который я ему сейчас принес на просмотр и утверждение. У печи хлопочут хозяйка и повар Вася. В доме тепло, пахнет свежеиспеченным хлебом.

В окно видна улица. В конце ее показался всадник в белом маскировочном халате. У штаба он резко останавливается.

— Какие-то неприятные новости, — говорит Герман и настороженно глядит на дверь.

В комнату входит рослый партизан. Из-под шапки на обветренное, возбужденное быстрой ездой лицо свисают пряди мокрых волос.

— Рассказывай, Миша, с чем примчался? — спрашивает Герман.

— Дайте водицы попить. Пересохло в горле.

Повар Вася подает разведчику полный ковш воды. Мгновенно осушив его, боец коротко докладывает:

— С утра я вел разведку в направлении озера Сево. Там сегодня бойцы Грозного отбивались от карателей. Сейчас отряд отступает к Ровняку. Фашисты идут следом.

— Так-так, — вслух думает Герман. — Значит, сосед попал в тяжелое положение. Ну-ка, Миша, найди на карте место, где ты оставил Грозного.

Разведчик подошел к столу и показал, где находится отряд.

Герман измеряет курвиметром расстояние, задумывается и говорит:

— Часа через два и соседи и каратели будут в Ровняке. Надо готовиться к встрече. Сделаем так. На южной окраине деревни и ближайших высотах займем оборону. Отряд Ивана Грозного сегодня воюет с утра и уже порядочно вымотался, ему надо дать отдых. Мы его пропустим в Ровняк и отправим в свой тыл, а «заботы» по приему незваных гостей возьмем на себя. Все по

местам!

Комбриг быстро поднялся из-за стола.

— Иван Васильевич, — приказал он начальнику штаба, — пошли нарочных в полки и предупреди об обстановке.

На случай боя каждому штабному командиру было определено свое место. В мои обязанности входили функции «начальника тыла», то есть обеспечение соответствующего порядка среди тех служб штаба, которые непосредственного участия в боях принимать не должны были. К ним относились санитарная часть бригады, подразделение связи, хозчасть и боепитание.

Я отправился к своим подопечным. По дороге задержался у дома, где размещались пулеметчики. Они видели верхового и, конечно, поняли, что предстоит бой. Готовятся к нему — заряжают запасные диски. Среди пулеметчиков заметил Володю Григорьева, своего бывшего ординарца. Спрашиваю:

— Ну, как, Володя, не пустим сегодня немцев в Розняк?

— Не пустим, товарищ начальник. Угостим как следует.

Володя самый молодой в пулеметной группе — ему едва минуло 16 лет. В бою он будет участвовать не первый раз, но ведет себя по-мальчишески: горстями запихивает патроны в карманы своего полушубка и в каждый карман старается втиснуть по гранате.

От пулеметчиков иду к дому санчасти. Там тоже знают о предстоящем бое. Повозочные уже запрягли лошадей. Они кладут в сани сено, покрывают его одеялами, на всякий случай готовят подводы для раненых. Захожу в дом. Раненые бойцы уже одеты. Медицинские сестры пакуют в сумки бинты и медикаменты.

Проверив остальные службы, спешу на южную окраину деревни, где сейчас находится Герман. Улица в этой части Ровняка сбегает под гору, крайние дома стоят в низине. За ними заснеженное поле, поднимающееся полого вверх, к синеющей кромке леса. По бокам поля поросшие кустарником небольшие высотки. На них уже расположились наши пулеметчики и автоматчики штабного отряда. Дорога к Ровняку проходит посреди поля. Значит, как только каратели выедут на нее, они окажутся зажатыми в партизанские клещи.

Герман в бинокль осматривает лесную опушку. Вдалеке слышны отдельные винтовочные выстрелы, короткие пулеметные очереди. Вскоре появляется конный разведчик. Он подскакивает к нашей группе и докладывает комбригу:

— Идут. И наши и немцы.

И почти сразу на опушке показывается голова колонны: несколько подвод и торопливо идущие люди. Это партизаны

Ивана Грозного. К Герману подбегает командир отступающего отряда, но комбриг предупреждает его доклад:

— Не останавливаться! Быстрее ведите бойцов в деревню. Очищайте поле.

Заметив меня, Герман говорит:

— Товарищ Воскресенский, все ваши «тылы» выводите на улицу и на всякий случай держите наготове.

Я побежал в деревню. Размещаю службы за стенами строений, выставляю охрану.

Мы находимся посередине деревни. Отсюда хорошо просматривается поле, на которое из леса выползает темная, копошащаяся лента. Каратели. Они останавливаются. Видимо, заметили впереди что-то неладное. Но поздно. На фашистов обрушивается перекрестный огонь. Сквозь треск стрельбы слышится многоголосое «ура!» От деревни и с соседних высоток партизаны ринулись в атаку.

Невдалеке от нашей санчасти вспыхнул пожар. В небо выкинуло клуб черного дыма и желтые языки пламени. Загорелся сарай, в который попали немецкие зажигательные пули. Крестьяне и мои «тыловики» дружно начали тушить пожар, растаскивая горящие бревна и забрасывая огонь снегом.

Михаил Бабыкин — отважный истребитель фашистских танков.

А стрельба уже отдалилась от Ровняка, доносится она из глубины леса. Через некоторое время в деревню возвращаются участники боя. От них узнаем подробности разгрома карателей.

Штабной отряд атаковал гитлеровцев с трех сторон сразу. С маузером в руке комбриг первым ринулся навстречу врагу. Фашисты лихорадочно стали занимать оборону на опушке леса. Они успели установить на высоте пулемет. Коммунист Иван Скобелев, Сергей Лебедев и Володя Григорьев подбежали к высотке. Они уничтожили гранатами очень опасную для атакующих огневую точку. Но откуда-то сбоку по ним открыли огонь из автоматов. Скобелева и Григорьева смертельно ранило.

Карателям так и не удалось закрепиться в обороне. Они были

рассеяны по лесу.

Вечером, за ужином, все делились впечатлениями о бое.

— Ничего не скажешь, — говорил Тужиков, — клещи получились хорошие, будут долго их помнить гитлеровцы. Только вот один вопрос меня беспокоит: нужно ли было командиру бригады по-чапаевски нестись впереди атакующих с пистолетом в руке?

— Комбриг у нас от пуль заговоренный От него даже осколки отскакивают, — попытался свести к шутке вопрос Тужикова Исаев.

Герман же ответил серьезно:

— Не ругайся, Алексей Алексеевич. Нужно было. Ребята давно меня в атаке не видели. Это — раз. А во-вторых, и это самое главное, сегодня Шпейман не ввел еще в игру свои главные козыри: артиллерию, танки, авиацию. Вот когда он пойдет ими — тогда и у меня на командном пункте «дирижерской» работы будет по горло. Думаю, что это произойдет на днях.

Комбриг наш как в воду глядел. Каратели не оставили бригаду в покое.

В середине марта мы опять пришли в Ровняк, чтобы на озере Лучно, расположенном недалеко от деревни, принять самолеты. Вечером 14 марта проводили к озеру Тужикова, улетавшего в Валдай, и расположились на отдых. Ночь прошла спокойно. А ранним утром по «партизанской столице» ударили фашистские пушки.

Одновременно начался обстрел населенных пунктов Ново-Волосово, Лошково, Малыгино, Хозаново и Луковищи, где стояли наши полки. Было ясно, что на этот раз Шпейман организовал против партизан генеральное наступление. Позже от пленных и перебежчиков мы узнали, что фашистское командование для массированного удара сняло гарнизоны из поселков Славковичи, Карамышево, Вышгород и одиннадцати крупных сел. Участвовали в наступлении и некоторые подразделения полевых войск 16-й немецкой армии. Всего против 3-й, 3-й и 2-й бригад ленинградских партизан было брошено свыше трех тысяч гитлеровцев.

Сконцентрированы эти крупные силы были вдалеке от партизанских деревень. По плану Шпеймана, очевидно, предполагалось совершить под покровом темноты молниеносный марш-бросок и ночью напасть на нас. Но каратели, привыкшие по ночам отсиживаться в укрепленных населенных пунктах, не умели делать такие переходы. С началом атаки они опоздали. Да и весь расчет противника на внезапность был построен на песке. Все последние дни Герман держал бригаду в постоянной

готовности к бою, требовал усиленной караульной службы, ювелирной работы разведчиков. И эти его указания всегда неукоснительно выполнялись, где бы бригада ни располагалась.

Когда партизаны выдержали первый натиск, Герман приказал командирам полков и отрядов навязать гитлеровцам ближний бой. Тогда артиллерийский обстрел и бомбежка нас с воздуха оказались бы немыслимыми — бомбы и снаряды могли попасть в боевые порядки самих карателей.

Тринадцать часов подряд длился ожесточенный бой, и лишь в одном направлении гитлеровцам удалось продвинуться на два километра. Геройски сражался на окраине деревни Хозаново отряд ленинградских комсомольцев под командованием коммуниста Загороднюка. Смертельно раненный боец этого отряда Степанов не оставил своего пулемета и вел огонь по врагу, пока билось сердце. Несколько атак отбил отряд Бурьянова. Пулеметчик Чуднов более часа разил меткими очередями врага и удержал важную для нас высоту. По приказу Германа отряд покинул Ровняк, когда в деревне, подожженной снарядами, догорал последний дом.

Часть бригады все же попала в окружение. К исходу дня комбриг приказал полку Ситдикова, сражавшемуся с врагом у Ново-Волосова и Луковищ, и полку Пахомова, отражавшему удар на Хозаново и Малыгино, оставить на рубежах сковывающие группы и сосредоточиться в районе населенного пункта Дрочкино. Отсюда наша ударная группировка в 17 часов внезапно обрушилась на гитлеровцев и прорвала окружение. Командир карателей послал к району отхода наших частей два танка, но когда они пришли, партизан и след простыл. Танки не вернулись обратно, подорвались на поставленных нами минах.

К вечеру бой затих. Каратели думали продолжить его на рассвете. Однако Герман за ночь сумел собрать основные отряды бригады в лощину, куда раньше по его приказу я отвел наши «тылы», оставил огневое прикрытие — большей частью ложное: два-три бойца на участке, — и увел нас в деревни Славковского и Пожеревицкого районов.

Утром 16 марта каратели обнаружили исчезновение партизан. Обозленные неудачей, главари экспедиции отдали приказ учинить расправу над жителями уцелевших деревень. В деревне Палицы гитлеровцы согнали стариков, женщин и детей в сарай и подожгли его. Никто из них не спасся. Те, кому удалось выбраться из пылающей постройки, пали от пуль фашистов-пулеметчиков, карауливших несчастных у дороги.

Карательная экспедиция продолжалась. 20 марта мы вновь с 7 часов утра и до позднего вечера отражали атаки фашистов,

которые вели бой при поддержке восьми танков, десяти орудий и большого количества батальонных минометов. И в этом сражении, как и в предыдущем, наши бойцы проявили высокую отвагу и мужество. У меня сохранился черновик политдонесения, составленного мной и Исаевым сразу после боя. В нем есть такая запись:

«…В деревне Мыльнево на отряды Малюты и Мигрова наступало до трехсот немцев, пять танков, артиллерия и минометы. Бойцы, несмотря на то, что большинство участвует в таких боях впервые, не дрогнули. С выходом танков на линию огня бронебойщик Кузнецов подбил два танка, остальные танки повернули обратно. Немцы три раза переходили в атаку, но после каждой атаки под огнем наших бойцов бежали обратно.

К исходу дня партизаны выбили немцев из деревни, откуда они вели наступление. В этом бою особенно отличился пулеметчик Камагин, расстрелявший в упор двадцать гитлеровцев. Смело и храбро дрались пулеметчики Петров и Николаев, они обороняли важную высоту. Немцы несколько раз пытались взять эту высоту, но под огнем пулеметов Петрова и Николаева откатывались назад, неся большие потери. Тогда немцы сосредоточили по этой высоте ураганный огонь. Петров и Николаев погибли, но высоты не сдали».

Противник в течение девятичасового боя трижды крупными силами атаковал деревни Трубецково и Мыльнево и трижды терпел неудачу, встречая контратакующие цепи бойцов полков Худякова и Ситдикова. Четыре подбитых танка и одно разбитое орудие оставили фашисты на поле боя, когда во второй половине дня ударом с фланга они были сбиты с позиций одним из отрядов худяковского полка.

Штаб бригады с приданным ему отрядом остановился в деревне Навережье Пожеревицкого района, расположенной на берегу озера. Каратели вскоре наткнулись на нас, завязался бой. Деревня загорелась. Тогда мы перебрались по льду через озеро и заняли оборону на другом его берегу. Вместе с нами ушли жители деревни, многие из них стали партизанами.

Все отряды и службы штаба в этот день находились около командного пункта комбрига, который непосредственно сам направлял огонь наших пулеметов и минометов по противоположному берегу. К вечеру мы отошли на запад, где встретились со своими полками.

Против карательной экспедиции гитлеровцев в двадцатых числах марта рядом с нами сражались отряды бригады Рачкова и молодое партизанское соединение Карицкого.

Герман вообще считал даже временную скученность

партизанских сил вредной для дела. В Ленинградский штаб партизанского движения Александр Викторович направил немало телеграмм, где просил настоять на том, чтобы командиры бригад и отрядов быстрее выходили в намеченные им штабом районы боевых действий. Нам он объяснял:

— Скученность невыгодна трижды. Во-первых, привлекает к району крупные силы карателей. А бои с ними сокращают нашу диверсионную и разведывательную работу. Во-вторых, ослабляется маневр, а он — одно из наших главных преимуществ. В-третьих, обостряется продовольственный вопрос.

Но когда дело принимало критический оборот, тут наш комбриг был всецело за товарищескую выручку и действия сообща. Так получилось и на этот раз. После сражения 20 марта фашистам удалось зажать отряды Карицкого и Рачкова, частично и наши, между озерами Сево и Чернозерье. Участок небольшой. Партизаны утомлены недельными боями. Повозки санитарных частей переполнены ранеными. Тут полумерами не обойдешься. Комбриги 2, 3 и 5 собрались на короткий военный совет. Герман предложил свой план:

— Действовать вначале всем, как одно соединение. Немцы уверены в успехе. Они знают, что мы измотаны и плохо у нас с боеприпасами. Чувствуют себя чуть ли не хозяевами положения. Разведку обстановки ведут слабо. Нужно немедленно воспользоваться этим. Сдерживая карателей самой малой толикой наших сил, ночью одной колонной двинуться на юго-восток. Маневр спасет бригады. А там опять врозь. И каждый по своему маршруту.

Рискованный план. Далеко ли могут уйти измученные люди, да еще имея громоздкие обозы? А если заметят каратели партизан на безлесных просторах в начале марша? Разгромом пахнет. Но иного выхода нет, придется рискнуть. И комбриги согласились с планом Германа, поручив ему общее командование. Карицкий спросил:

— А кто за кем пойдет на марше?

Александр Викторович положил на стол дымящуюся трубку, вынул из коробки три спички и, отвернувшись от Рачкова и Карицкого, обломал их:

— Решим самым демократическим путем. Длинная спичка — бригада в голове колонны, короткая — в арьергарде. Тяните.

Прикрывать отход — самое сложное в предстоящей операции — по жеребьевке выпало бригаде Карицкого.

Мы вышли в ночь на 24 марта 1943 года. Колонна растянулась почти на четыре километра. Люди передвигались с трудом. Шли, думая, что вот-вот ударят вражеские пушки и

начнется неизбежный бой. Но и на этот раз расчет Германа оказался точным. Западня не захлопнулась, и каратели остались, как говорится, в дураках.

Мартовская карательная экспедиция не принесла Шпейману лавров «победителя партизан». Уничтожить бригады народных мстителей или хотя бы нанести им такой удар, после которого трудно было бы оправиться, карателям не удалось. Потери же у самих фашистов оказались весьма существенными. Из показаний гитлеровского штабного офицера, взятого бригадными разведчиками в плен весной 1943 года, нам стало известно, что в ставке командующего немецкими армиями группы «Север» выразили большое недовольство тем, что Шпейман не смог «пресечь враждебные германской армии действия красных лесных бандитов».

ТРЕЩАТ ТЫЛЫ ФАШИСТСКИЕ

Кровь за кровь!

После провала мартовской карательной экспедиции гитлеровцев мы напечатали листовку следующего содержания:

«Смерть немецким оккупантам!

Кровь за кровь!

Захватив районы Псковщины, немцы думали, что им удастся безнаказанно грабить добро наших колхозников, безнаказанно посылать их на каторжные работы и голодную смерть в Германию. Но просчитались гитлеровцы в своих планах. Вместо покорности население Псковщины взялось за оружие и в рядах бесстрашных партизан бьет немецких захватчиков. И вот фашистский зверь, почуяв скорый конец своего хозяйничания на нашей земле, обрушил свою злость на беззащитных людей.

15 марта немецко-фашистские каратели сожгли деревни Ровняк, Дубье, Хлуполово, Волосово, Луковищи, Палицы, Укреть и Ямицы Порховского района. Забрали весь скот и имущество колхозников, уцелевшее от пожара. В деревне Ровняк гитлеровцы убили двенадцать человек: троих мужчин, четырех женщин и пять детей, в деревне Фомкина Гора убито восемь человек, в деревне Заречье — шесть человек.

В деревне Палицы фашисты согнали в сарай восемьдесят три человека — стариков, женщин и детей и заживо сожгли их. После зверской расправы над беззащитными людьми немцы пустили слух, что уничтожили всех партизан.

Врут кровопийцы!

Народные мстители живы! Казни и расправы только увеличивают наши ряды и еще больше разжигают священную ненависть в наших сердцах. За невинно пролитую кровь советских людей фашисты заплатят своей черной кровью. Никуда им не

уйти от расплаты.

Кровь за кровь! — таков наш лозунг.

Красные партизаны.

1 апреля 1943 г».

Эта листовка была широко распространена среди населения оккупированной Псковщины.

Газеты, издаваемые оккупантами на русском языке, в конце марта печатали хвастливые сообщения о полном разгроме «красных банд Германа». В действительности же ни наши полки, ни отряды бригад Карицкого и Рачкова не понесли больших потерь при выходе из окружения в районе озера Сево. Партизаны стали вновь появляться на важнейших железнодорожных магистралях, смело нападать на вражеские опорные пункты. Так, 5 апреля бойцы полка Ситдикова совершили налет на село Маршавицы. В тот день гитлеровцы недосчитались трех десятков своих солдат, одного склада с боеприпасами, одиннадцати автомобилей и одной бронемашины.

15 апреля 1943 года последовал одновременный удар по двум крупным гарнизонам оккупантов. Партизаны взорвали четыре склада с боеприпасами и уничтожили около сотни фашистов.

В Скуратове, куда под аккомпанемент этих взрывов ворвались отряды полка Пахомова, комендант принял неожиданное решение. Выскочив в окно, он подал пример вверенному ему гарнизону, как нужно встречать партизан.

А на следующий день после налета на Скуратово к дому, где располагался политотдел, пришел политрук Зайцев. Увидев наше открытое окно, закричал:

— Товарищи! Ура! Я песню про Скуратово сочинил. Пока ехал к вам — и сочинил.

Через минуту Зайцев уже декламировал нараспев:

Эх, ребята-молодцы,
Партизаны-удальцы —
На Скуратово ходили,
Вражьи гнезда мы давили,
Фрицам крепко насолили,
Голых по снегу пустили,
Многих в гроб мы уложили
И землицей наделили:
Три аршина в длину.
Пол-аршина в ширину.
Что просили — получили,

Кол осиновый им вбили.

Гансы-поганцы
Растеряли ранцы,
В ранцах — пеленки,
Чепчики, гребенки.
Подарки по нраву
Толстозадым фрау.
Мы ж подарочки несем —
В гарнизонах фрицев бьем.
Спать ночами не даем.
Гансы в страхе ежатся,—
Партизаны множатся.

Партизан народ прославит,
А фашистов обесславит.
И пойдет по миру слава
Про позор немецких фрау,
Что родили не детей,
А бандитов и зверей.
За убийства и пожары
Не уйдете вы от кары:
Ганса с фрицем поведут
На народный правый суд.
Скоро, скоро вам могила —
Сломит вас Советов сила!

Песня нам понравилась. Через несколько дней мы напечатали ее в листовке.

Листовку с песней я показал комбригу. Он прочитал, улыбнулся и сказал:

— Вот отгрохочет на земле буря. Многое исчезнет. А вот эти листки останутся. И будут по ним ученые писать историю минувшей грозы, а дети — знакомиться с биографиями отцов. — Потом попросил: — Дайте мне пару экземпляров. Сохраню для сына.

Я не придал тогда большого значения словам Александра Викторовича и не оставил себе на память листовку с песней Зайцева. А комбриг, как мне стало известно после войны, тогда же, в апреле 1943 года, послал несколько наших листовок в далекое татарское село Теньки, где жила его семья. Он писал жене: «Посылаю ряд наших листовок, которые дадут тебе представление о зверях в овечьей шкуре и о той борьбе, которую

ведут народные мстители».

Несмотря на потери, бригада наша росла. В конце апреля мы сообщили в Ленинград, в штаб партизанского движения, и в Валдай, в оперативную группу при штабе Северо-Западного фронта, о следующем составе бригады: полк Ситдикова — четыреста восемьдесят девять человек, полк Пахомова — четыреста семьдесят три человека, полк Худякова — двести восемьдесят четыре человека, штаб с отрядом Бурьянова — двести четыре человека.

Сравнительно неплохо у нас было с вооружением. Если на 1 января 1943 года в бригаде имелось пять ручных пулеметов и семь минометов, то спустя шесть месяцев количество ручных пулеметов возросло в шесть раз, а минометов в три раза. Много было автоматического оружия. Надо отдать должное руководству Валдайской оперативной группы — подполковнику Тужикову и майору Гордину, потрудились они немало, чтобы обеспечить нас оружием и боеприпасами.

Жители Славковского, Сошихинского и Порховского районов, встречая в деревнях не крохотные отряды народных мстителей, а хорошо вооруженные полки, радовались росту партизанского войска и в своих рассказах преувеличивали численность бригады. Это вводило в заблуждение командование немецкой армии и на многих командиров охранных частей наводило страх.

Весной 1943 года произошел такой случай. Вдоль большака Выбор — Остров нарушилась линия связи. То ли весенний ветер, гулявший в те дни по полям Псковщины, похозяйничал на дороге, то ли виноваты были в этом деревенские мальчишки, пытавшиеся по-своему «насолить фрицам», но в поселке Воронцово, где стоял крупный фашистский гарнизон, кто-то пустил слух: «Связь порвали партизаны. Герман идет брать Воронцово». Дежурный унтер-офицер доложил коменданту. Последний перетрусил и приказал открыть артиллерийский огонь по предполагаемому маршруту бригады. Семьдесят снарядов вздыбили и основательно попортили большак.

Мы находились в тот день за несколько десятков километров от Воронцова.

— Пугливый немец пошел, — усмехнулся Исаев, слушая рассказ разведчика, вернувшегося из приведенного в боевую готовность фашистского гарнизона.

— А жертв не было? — задал вопрос Крылов.

— Были. Случайно в зоне обстрела оказался конный полицай. Убиты оба — и всадник и лошадь.

— Коня жаль, — резюмировал Герман.

Когда были созданы в бригаде полки, начальником разведки

стал Сергей Дмитриевич Пенкин. Его командирский талант раскрылся теперь особенно ярко.

Как сейчас вижу: стоит разведчик, голова опущена, с горечью докладывает:

— В намеченный вами пункт добраться не мог. Везде засады. Пробовал проехать в разных местах — не вышло. Обстреляли. Еле-еле утек.

— Значит, пришлось от фашиста драпануть? — спрашивает Пенкин, а глаза его смеются.

Разведчик бросает исподлобья взгляд на начальника, скупо роняет:

— Пришлось.

— Сумел бежать, значит?

— Сумел.

— Ну и молодец! — неожиданно заключает Пенкин. — Разведчик на то и разведчик, чтобы не попадать впросак. Небось слышал старинную пословицу: «Без головы не ратник, а побежал, так и воротиться можно»?

— Так я хоть сейчас обратно пойду, — восклицает обрадованно боец.

— Вот и хорошо. Только сначала вместе подумаем, как нам с тобой лучше засады объегорить, а на полустанке все же побывать.

Пенкин достает карту, и оба они — и начальник разведки и ее рядовой боец — детально разрабатывают новый маршрут к нужному объекту.

Разведчики творили прямо чудеса. В середине апреля в Торошине с помощью подпольщиков они проникли в воинскую часть и изъяли у тринадцати зенитных орудий замки. Четыреста бочек горючего было уничтожено в Порхове партизанскими магнитными минами. И в этой операции участвовали наши разведчики.

Герман любил Пенкина, часто приглашал его в штаб не только по делу, а просто так, как своего друга.

Так было и 21 апреля, когда бригада остановилась на отдых в деревне Красное Сосонье. Пришли мы сюда рано утром после ночного марша.

Герман позвал Пенкина к себе. Вместе они позавтракали и легли отдыхать на полу. Через несколько часов комбриг проснулся, достал трубку и закурил, стараясь не потревожить сон Пенкина.

— Лежал я, лежал, — рассказывал нам потом Александр Викторович, — и вдруг показалось мне, что Сергей не дышит. Я его позвал: «Сергей! Сергей!» Не отвечает. Чувствую, что-то неладно. Гляжу, а он — мертвый.

Просто, молчаливо ушел из жизни человек, за плечами которого были десятки боев и которого в самых кровопролитных схватках щадили пули. У нас в то время не было врача и истинной причины смерти установить не удалось. Пенкин страдал сильной одышкой, что-то у него было не в порядке с сердцем. Наш фельдшер, да и мы все предполагали, что Сергей Дмитриевич умер от какого-то сердечного приступа.

Вечером его похоронили. Герман ходил в тот день мрачный. Выступить у гроба начальника разведки отказался категорически:

— Не могу. Поверьте, не могу.

Вскоре к нам на должность начальника бригадной разведки прибыл рослый, крупный белорус Панчежный. Его заместителем стал политрук Костарев, который после ранения в Партизанском крае лечился в госпитале в советском тылу, а затем вернулся в бригаду.

Летом 1943 года в бригаду прилетел наконец долгожданный военный врач-хирург Викентий Иванович Гилев. В первые дни его пребывания у нас я зашел в госпиталь. Викентий Иванович встретил меня в чистом халате с белой шапочкой на голове, но в прескверне йшем настроении.

— Ну, как привыкаете к нашей жизни? — спросил я его.

— К партизанской жизни я привыкну скоро. А вот лекарства разводить не на чем — спирту мало. Операции не знаю, как буду делать, — на исходе эфир. Мучают нас ежедневные переезды, помещение для операционной оборудовать не можем, раненые от переездов страдают, — и хирург сокрушенно начал перечислять вопросы, которые он не знает, как решить.

— Викентий Иванович, а вы по-партизански что-нибудь попробуйте придумать, — единственно что я смог посоветовать тогда в ответ на его справедливые претензии.

Через некоторое время, когда я опять зашел в госпиталь, меня встретил уже веселый, улыбающийся Гилев:

— А ведь мы кое-что придумали, по-партизански. Вот глядите! — Викентий Иванович при этом указал мне на купол белого парашюта, висевший над большим столом. — Это наша походная операционная. В любой избе парашют обеспечивает нам чистоту, и с потолка никакая пакость не свалится на оперируемого. Теперь и спирт нас не лимитирует — мы научились разводить медикаменты на самогоне.

Удивительно скромный и спокойный, Гилев в то же время оказался человеком энергичным и инициативным. Он быстро улучшил «партизанскую медицину». Многим партизанам Викентий Иванович спас жизнь, восстановил здоровье.

Весну и лето 1943 года 3-я Ленинградская провела в

постоянном движении. Мы, точно в песне, шли по долинам и по взгорьям, только не Дальнего Востока, а в основном безлесных районов Ленинградской области. Часто наш маршрут проходил и по берегам реки Великой и холмам Новоржева, где мы не раз встречали калининских партизан.

И весной и летом Герман требовал от командиров полков неукоснительного выполнения главной задачи бригады — создания нетерпимой обстановки для оккупантов на коммуникациях. В апреле, когда забурлили на Псковщине сотни рек и речушек и половодье прервало даже кое-где сообщение между деревнями, мы отправили на задания двадцать диверсионных групп. Они взорвали тринадцать мостов, уничтожили девять паровозов, сто восемьдесят вагонов. В мае отряды бригады появились на новой для нас железнодорожной ветке Остров — Псков. Это был участок Варшавской дороги, имевшей важнейшее значение в битве за Ленинград.

На шоссейных и грунтовых дорогах в лесистой местности излюбленным приемом партизан были засады. Но лесных дорог в районе немного, и фашисты на шоссе Остров — Выбор — Новоржев разъезжали без большой опаски.

Тогда Герман приказал чаще прибегать к минированию большаков и проселочных дорог. Гитлеровцы предприняли контрмеры. Прежде чем самим пройти или проехать по дороге, фашисты заставляли жителей ближайших деревень запрягать лошадей в катки или бороны и подозрительный участок дороги прокатывать или боронить. Тогда наши подрывники стали закладывать мины глубже. В результате ни каток, ни борона их не трогали, а под давлением автомашины или танка мина взрывалась.

На новоржевских дорогах, у переправ через Великую и Сороть оккупационные власти выставили большие щиты с объявлением:

Опасно!

Здесь появляются партизаны!

Ходить в одиночку и мелкими группами воспрещается.

В мае Шпейман вторично бросил против бригады крупные части охранных войск. Прочес местности велся широким фронтом. В помощь карателям были выделены самолеты-разведчики.

В мае мы провели девятнадцать боев с карателями. Во всех этих боях враг имел численный перевес, но ни в одном из них не одержал сколько-нибудь крупной победы. Вот хроникальная запись некоторых майских боев бригады, которую я сделал в те дни в своей походной тетради:

«…3 мая у деревни Речки Новоржевского района отряд Журавлева устроил засаду. По дороге немцы подтягивали к Ругодевскому лесу артиллерию и боеприпасы. Отряд смело бросился на противника, отбил две пушки и уничтожил их.

…10 мая у деревни Полозово Ашевского района Калининской области отряд Загороднюка (2-й полк) и штабной отряд провели упорный бой против немецкой артиллерийской части. Бойцы наши прочно залегли на рубеже и уничтожили свыше тридцати фашистов. Владимир Иванович Загороднюк в этом бою пал смертью храбрых.

…11 мая группа под командованием политрука Андрея Мигрова получила задание устроить засаду в районе деревни Заречье Новоржевского района и задержать продвижение противника к штабу бригады. К 14 часам гитлеровцы подошли к Заречью. Засада встретила их огнем, и противник, понеся потери, откатился. Через несколько часов он снова начал наступление. Засада опять встретила его огнем, заставила развернуться, а сама отошла на новые рубежи, откуда повела огонь. Так противник и не подошел к месту расположения штаба. Засада Мигрова мотала его до самого вечера.

…27 мая отряд штаба бригады вел бой с карателями в Ругодевских лесах. Группе из двадцати пяти человек под командованием Заварина была поставлена задача охранять фланг. Противник силою до двухсот человек пошел в обход прямо на группу. Партизаны подпустили немцев на расстояние пятнадцати метров и открыли сильный огонь из пулеметов и винтовок. Свыше семидесяти фашистов было убито. Противник откатился».

В последних майских боях потеряли мы общего любимца бригады пулеметчика-баяниста Лешу Гринчука. Это случилось вблизи села Крюково, западнее Ругодевских гор.

Штаб со своим отрядом стоял там вторые сутки. Со стороны Новоржева к селу направилась большая колонна карателей. Мы дали встречный бой. К фашистам подошло подкрепление. Было принято решение отойти из Крюкова, не ожидая, как обычно, наступления темноты.

Среди партизан, прикрывавших отход, был и Гринчук. Алексей занимал позицию на высотке у деревенского погоста. Огневой рубеж был выгодный. Несколько раз бросались каратели в атаку, и каждый раз отступали под огнем пулемета Гринчука.

Алексей увидел, как с соседних позиций стали отходить бойцы его группы. Пора и ему покинуть высоту. Но к ней снова бросились гитлеровцы. И опять пулеметчик припадает к прикладу и поливает свинцовым огнем атакующего врага.

Фашисты окружили высотку со всех сторон. Отходить некуда. Еще несколько коротких очередей. Патронов больше нет, а гитлеровцы наглеют, поднимаются во весь рост, что-то орут злорадно, торжествующе. И тогда Гринчук, взяв в руки противотанковую гранату, ложится на пулемет. Поднявшись на высоту, гитлеровцы бросаются на Гринчука. Раздается взрыв…

Июнь 1943 года бригада воевала без Германа. Александр Викторович был вызван в Валдай, оттуда в Москву. За комбрига оставался Иван Васильевич Крылов.

В июне в бригаде появился новый полк. Произошло это таким образом. В начале мая в Сошихинском районе высадился воздушный десант — четыре десятка партизанских командиров и политработников. Это был костяк 4-го отдельного партизанского полка, который надлежало сформировать из местного населения. В тяжелых условиях удалось создать полк. Командовал им Григорий Иванович Ефимов, в прошлом парторг Ленинградского обкома ВКП(б) одного из крупных леспромхозов области. Комиссаром полка был Иван Ступаков — активный участник боев в Партизанском крае.

Пулеметчик Алексей Гринчук.

Малочисленному и слабообученному молодому полку сразу пришлось вести ожесточенные бои с карателями. Воевали ребята храбро, но силы были слишком неравные. И тогда Ефимов подался к нам. Мы пополнили полк людьми, хорошо вооружили. Позже Ленинградский штаб партизанского движения официально

включил этот полк в нашу бригаду.

Карателя не оставляли нас в покое и в первый летний месяц. Сорок четыре раза скрещивалось наше оружие в июне. В борьбе против партизан фашисты не гнушались никакими средствами.

Однажды в районе Ругодевских лесов наши бойцы увидели на окраине деревни группу незнакомых людей. Степан Щитов, лихой бригадный разведчик, поднес к глазам бинокль. У незнакомцев на фуражках виднелись красные партизанские звездочки, у многих на груди сияли ордена и медали.

— Боевые, видать, ребята, — поделился Щитов своими мыслями с товарищами. — Но все же люди незнакомые, коней стоит попридержать.

Незнакомцы замахали руками:

— Товарищи! Давай сюда, подъезжай быстрее, разговор есть.

Нашей разведке часто приходилось встречаться с разведчиками и группами партизан других бригад. Щитов и его товарищи, уверенные, что имеют дело и на этот раз с коллегами, поехали в деревню. Степан, подстегнув своего коня, вырвался вперед и галопом подскакал к крыльцу крайней избы, у которого стояли незнакомцы.

— Прибыл по вашему приглашению, — расплылся в добродушной улыбке Щитов.

В ответ — в упор автоматная очередь. Степан без стона рухнул на землю.

Двум другим нашим разведчикам удалось спастись. Отстреливаясь, они отступили в лес. Когда в бригаде стало известно о предательском убийстве Щитова, Кадачигов сразу определил:

— Не обошлось без участия гестапо.

И точно. Вскоре наша разведка выяснила подоплеку этого черного дела. Фашисты перебросили из-под Луги в наши районы специально созданную гестапо банду лжепартизан. Главарем у них был отпетый негодяй изменник Родины Мартыновский. Под видом партизан, нацепив на себя ордена и медали, снятые с убитых советских воинов, бандиты рыскали по деревням, в которых часто бывала наша бригада. Население принимало их за истинных народных мстителей и не скрывало перед ними своей ненависти к оккупантам. Тогда начинались дикие расправы над патриотами.

Бригада приняла меры предосторожности и с помощью населения начала охотиться за бандой. Мартыновский вынужден был увести своих людей из района наших действий. Однако время от времени продолжал засылать к нам свою агентуру. Как-то, маневрируя, мы вышли к берегу реки в деревне Старый Двор.

Южнее этих мест наши полки раньше не появлялись. Весь север был обложен частями охранных войск. Долго думали Исаев и Крылов, что делать. И решили временно, буквально на несколько дней, увести бригаду в «чужой» район — южнее Новоржева.

Поздно вечером к нам в Старый Двор пришли два парня. Они назвались калининскими партизанами, отставшими от своих отрядов во время боев с карателями, и просили принять их в нашу бригаду. В то время такие случаи были нередки, и поэтому парни не вызвали особых подозрений. Их направили в один из отрядов и для первого раза поручили на марше нести сумки с радиопитанием.

А переход получился долгий. По ходу нашего движения разведка уточняла обстановку. На отдых остановились в деревне на южной границе Новоржевского района.

Исаев, Крылов и я только что решили перекусить, как к нам в избу бойцы штабного отряда привели двух пожилых женщин. Старший из бойцов обратился к Исаеву:

— Вот, товарищ комиссар, задержали двух. Ходят и расспрашивают, где самый главный партизанский начальник. Говорят, дело у них к нему большое есть.

Женщины смущенно оглядывались.

— Ну, в чем дело, мамаши? — спросил Исаев.

— Да нам бы с вами наедине словом перемолвиться.

Крылов и Исаев провели женщин в другую половину избы, где никого не было… Одна из них, волнуясь, стала говорить:

— Товарищи начальники, у вас в партизанах полицейские. Мы видели двоих. Они в нашей деревне были всего неделю тому назад. Вместе с фашистами грабили и истязали людей.

Женщины рассказали, в какой избе остановились эти полицейские.

— Черт-те знает, что получается, — ругался Иван Васильевич, отправляя посыльного за начальником особого отдела.

Через несколько минут были арестованы те парни, что пришли к нам в Старый Двор. Они вынуждены были сознаться, что состоят в банде Мартыновского и были засланы в бригаду с целью ликвидировать ее командный состав и в первую очередь убить Германа. Бандиты-провокаторы никак не предполагали, что бригада пойдет на юг Новоржевского района. Их расстреляли сразу же после допроса.

Месяц без Германа — тяжелый месяц. У нас большие потери. В начале июня в бою был тяжело ранен наш Пахомыч. Его удалось эвакуировать самолетом в Валдай, но спасти ему жизнь врачи не смогли. Погиб и другой соратник Германа — Ситдиков. Всего за май и июнь бригада потеряла сто тридцать пять человек убитыми,

восемьдесят человек без вести пропавшими и сто пятьдесят человек вышли из строя из-за ранений.

Люто расправлялись фашисты с партизанами, которые попадали к ним в руки. Летом им удалось захватить командира группы конной разведки Ивана Быстрова и двух его товарищей. Гитлеровцы и бандиты Мартыновского поломали раненым партизанам ноги и руки, вбили в глазницы патронные гильзы.

Недавно ветеран-германовец Сергей Эммануилович Лебедев прислал мне текст песни, посвященной мученической смерти наших товарищей. В песне есть такие слова:

…На путях дымят пожарища,
В серый берег укрыта река.
Три разведчика, три товарища,
Уходили в тылы врага.

Шла дорога их прямо по полю,
Где о берег бьется волна.
Трех разведчиков возле Заполья
Повстречала фашистов орда.

И у крайней хаты Заполья,
Где шумит орешник густой,
Трех изрубленных, трех замученных,
Подобрал наш отряд родной.

Любили эту песню партизаны.

Дела политотдельские

В каждой новой деревне, где мы останавливались на дневку, десятки, а подчас и сотни жителей с нетерпением ждали правдивого слова о положении на фронтах, о Москве, о Ленинграде. Мы, работники политотдела, взяли за правило всегда выступать с докладами перед населением, даже если бригада появлялась в деревне за несколько часов до боя с карателями. Выступали с докладами комиссары полков, я и два новых инструктора политотдела: Андрей Федорович Дмитриев и Анатолий Леонидович Васильев, старые коммунисты, опытные пропагандисты.

Любил я эти собрания. Народ приходил на них охотно. Размещались слушатели обычно в доме попросторнее, а летом — прямо на улице. Выступления наши начинались с рассказа о ходе

войны, потом мы на конкретных местных примерах разоблачали грабительскую сущность действий оккупационных властей, подсказывали, что нужно делать жителям, чтобы приблизить час изгнания фашистов с ленинградской земли. Почти всегда задавалось множество вопросов, подчас самых неожиданных.

Герман придавал большое значение работе среди населения. В деревнях, где мы останавливались не первый раз, жители его хорошо знали. Стоило комбригу, присев на бревнышко или на завалинку у избы, заговорить с кем-нибудь из знакомых крестьян, как около него быстро собирался народ.

— Тяжело нам, Лександр Викторович, — жаловался кто-нибудь из деревенских дедков. — Вон как солнышко-то землю припекает. Пахать надо, сеять. А руки не поднимаются. Ведь супостат проклятый все равно урожай отберет.

— Верю, отец, тяжело вам, — задумчиво отвечает Герман, — только ведь не долго фашист здесь стоять будет. Выдюжить надо.

— Знать бы, скоро ль его шуганет армия наша, может, и выдюжили.

— Думаю, что скоро. Вот только и без вашей помощи здесь не обойдешься.

Крестьяне смотрят прямо в глаза комбригу, как бы стараясь узнать в них — обнадеживает их «главный партизанский начальник» или говорит, твердо зная, что желанное «скоро» не за горами…

Герман уходит, а деды еще долго сидят на завалинке. Подходят односельчане, спрашивают:

— Что здесь было?

— Герман с нами говорил, — с гордостью отвечают деды.

А. И. Исаев проводит в тылу врага собрание крестьян.

С мая 1943 года политотдел бригады начал издавать печатную газету, которую мы назвали «Партизанская правда». Бойцы любили газету и за каждым ее экземпляром буквально охотились. Размером она была с тетрадный лист.

Однажды Анатолию Васильеву было поручено написать передовицу в нашу газету. До войны работник отдела пропаганды и агитации Островского РК ВКП(б) Анатолий, как и многие пропагандисты, писал бойко, но коротко писать не умел. А размеры газеты требовали очень краткой, но выразительной статьи. Бедняга мучался над статьей очень долго. Сделает, а редактировавший газету Малинов бракует: «Не годится, велика».

Мы выпускали наши партизанские издания маленькими тиражами. Все время приходилось экономить бумагу. Политотдельцы промышляли бумагу везде: доставали у учителя Фуфаева, связанного с партизанами, добывали во время налета на фашистские гарнизоны в качестве трофея, «клянчили» у Валдая. При издании листовок и газет часто встречались у нас чисто технические трудности, о которых работники обычных издательств знать ничего не знали… Написана листовка. Аня Бодунова набирает ее и вдруг заявляет:

— Товарищи! Эту листовку я не могу набрать. Не хватает буквы «н».

И вот мы начинаем мудрить. Подсчитываем, сколько «н» надо из листовки удалить. Малинов берется за карандаш. Вносятся

предложения:

— Евгений Петрович, заменяй слово «оккупант» словом «бандит».

— Не пойдет. И в слове «бандит» есть «н».

— Тогда пиши «фашист».

Наконец листовка реконструирована, и буква «н» введена в норму.

Политотдел 3-й Ленинградской партизанской бригады. Слева направо: А Л. Васильев, М. Л. Воскресенский, А. А. Калегаев и А. И. Золотухин.

Вскоре после разговора Германа в Валдае об усилении агитационной работы в войсках противника к нам в бригаду прилетели немец-антифашист и советский офицер-переводчик Калегаев. Настоящего имени немца мы не знали. Звали его Альберт. Был он солдатом гитлеровской армии и в начале войны добровольно сдался в плен. В лагере не скрывал своих антифашистских настроений и выразил желание бороться против Гитлера.

Калегаев поселился с разведчиками, а Альберт с нами, политотдельцами.

Наш новый «пропагандист» плохо говорил по-русски. Печатницу Нюру он звал «Нура», моего ординарца Вениамина — «Вэнка». Долго учился называть меня Михаилом Леонидовичем — не получалось, зато усвоил слово «начальник».

Наборщица партизанской типографии Нюра Бодунова.

Альберт был первым немцем в рядах нашей бригады. Ребята приходили поглядеть на него, как на чудо. Он не обижался и простодушно говорил с паузами между словами:

— Будем… вместе… убивать Гитлера!

— Будем вместе бить Гитлера! — отвечали хором ребята, и начинались дружелюбные похлопывания друг друга по плечу.

Наш новый «пропагандист» привез с собой пишущую машинку с немецким шрифтом. Утром вместе с Калегаевым они писали листовки для немецких солдат, в которых сообщались последние известия с фронтов и разоблачалась звериная сущность фашизма. Затем Альберт терпеливо печатал тридцать-

сорок экземпляров этих листовок. Разведчики переправляли их в немецкие гарнизоны.

Наш новый товарищ был убежденным антифашистом. Как-то в Порховском районе бойцы одного из отрядов поймали группу гитлеровцев-факельщиков, поджигавших деревни. Альберт участвовал в допросе пленных. Из штаба он вернулся расстроенный, отказался от ужина и все ходил по комнате из угла в угол. Я наблюдал за ним, недоумевая, что так расстроило его. Но вот он остановился передо мной и взволнованно заговорил:

— Начальник! Это не немецкий солдат… Это бандит… Сжигать деревня… Убивать маленькие дети. Его нада… расстрелять.

Несколько позже, в бою у деревни Терегаево Сошихинского района, были взяты в плен два немецких солдата. Потных, в одних нижних рубашках, с выражением крайней растерянности на лицах, их привели к Герману на допрос. Они рассказали все, что знали о своих гарнизонах. Один из них в Германии был батраком в помещичьей усадьбе, другой — рабочим в булочной. Пожалели мы этих пленных и оставили у себя.

— Поручите пленных Альберту, — порекомендовал Исаеву и мне Герман, — он их быстро в свою веру обратит.

И тот действительно хорошо справился с этой задачей. За активную антифашистскую деятельность Альберт был награжден орденом Красной Звезды. Немцы воевали вместе с нами до прихода на Псковщину частей Советской Армии. Впоследствии группа немцев-партизан была отозвана в распоряжение штаба фронта. Мы тепло простились с Альбертом, и я его больше не встречал. Где он сейчас? Уверен, что если он жив, то активно трудится на благо своего народа где-нибудь в Германской Демократической Республике.

Альберт и инструктор политотдела А. А. Калегаев.

Когда в сводках Совинформбюро появились сведения о боевых операциях партизанских отрядов Г. и И. (Германа и Исаева), к нам стали наведываться из советского тыла гости. Первыми, кто посетил нас, были операторы Ленинградской студии кинохроники, шумливые ребята. Они поселились в том же доме, где размещался политотдел бригады.

Кинооператор Изаксон сразу же начал выбирать сюжеты для съемок. Побывав в отрядах, он вернулся в политотдел расстроенный:

— Ну кого я буду у вас снимать?

— Как кого? — удивился я. — У нас много хороших боевых ребят, достойных попасть на экраны кинохроники. Покажите нашего «укротителя немецких танков» бронебойщика Мишу Бабыкина, наконец, самого Германа.

— И вашего Германа и Бабыкина наш режиссер на экран не пустит. Какие это партизаны, если у них нет ни усов, ни бороды.

Мы долго смеялись над незадачей Изаксона. Ну что ж поделаешь? У нас действительно в бригаде почему-то усы и бороды были не в почете.

Летом 1943 года Изаксон снова побывал в нашей бригаде. После одного из боев с карателями, когда уже выстроилась походная колонна для ночного марша, к Герману подошел крестьянин Орлов из деревни Гришино с молоденьким сыном и попросил принять их в партизаны. У Орлова была настоящая

большая бородища. Изаксон обрадовался:

— Роскошно получится. Отец с бородой патриарха и юный сын вступают в партизаны. Отличные кадрики будут.

На другой день после марша по просьбе кинооператора Орловых, отца и сына, вызвали в штаб. Изаксон так деятельно и нетерпеливо готовился к съемке, что и мы в какой-то степени заразились его настроением. И вот Орловы пришли. Глянул на них кинооператор и, ахнув, закричал:

— Что ты наделал? Ты понимаешь, старик, что ты наделал?

Мы от души хохотали. Бороды у Орлова не было.

— Что я хуже других? Раз стал партизаном — долой бороду, — оправдывался он.

В один из летних дней прилетел к нам и фотокорреспондент ТАСС Михаил Трахман. С наступлением белых ночей самолеты прекратили полеты к нам, и командировка Трахмана затянулась. Он прожил у нас целый месяц. Вместе с партизанами участвовал во многих походах и боях. И всегда с ним была его «лейка». Мы удивлялись его работоспособности.

Однажды Трахман захотел сфотографировать партизанскую заставу. Он выехал туда и попал в перестрелку. Гитлеровцы побежали. Фотокорреспондент вместе с партизанами бросился их преследовать. Из поездки Трахман вернулся с трофейным немецким пулеметом.

И еще один хороший гость приезжал в бригаду — журналист Борис Романович Изаков. Мы, политотдельцы, в Изакове «учуяли» лектора-международника и стали его нещадно эксплуатировать. Чутье нас не подвело — доклады Борис Романович делал замечательные.

Но этому нашему гостю не повезло. В бою с карателями в Сошихинском районе Изаков был ранен в ногу Его отправили на самолете в советский тыл. Ранение оказалось серьезным. Изакову пришлось ампутировать ногу.

«У меня горячие денечки»

11 августа 1943 года Герман послал последнее письмо жене. В нем было всего несколько строк:

«Родная Фаинушка!

У меня горячие денечки, все в порядке, бьем фрицев. Береги себя и Алюську.

Крепко целую. *Шура».*

В этих строчках — весь Герман. Слово «порядок» он

произносил только тогда, когда бригада по-боевому громила врага. А война в тылу врага все больше и больше шла так, как мечтал когда-то об этом наш комбриг.

С момента его возвращения, в июле и августе 1943 года, у нас действительно начались горячие денечки. Тридцать пять крупных боев провела бригада в июле. Характерно, что добрая половина из них — бои с регулярными войсками. Так, 1-й полк под командованием Ивана Николаевича Синяшкина (он заменил погибшего Ситдикова) 12 июля произвел налет на остановившееся подразделение полевых войск у разъезда Русаки на железной дороге Пушкинские Горы — Псков. Наши бойцы уничтожили самолет и несколько десятков солдат, сами потерь не понесли.

23 июля непрерывные бои с регулярными частями гитлеровцев вели 2-й и 3-й полки бригады под командованием Ярославцева и Худякова, а также штабной отряд под командованием Гвоздева. Партизаны подбили танк, пушку, уничтожили пять станковых пулеметов и пять повозок с боеприпасами.

Когда комбригу докладывали о результатах столкновения с регулярными войсками врага, Александр Викторович радостно восклицал:

— Во! Во! Порядок. Пусть привыкают. Не то еще будет, когда на запад пойдут, — и шутя обращался к Ефимову или Синяшкину: — А теперь должок за вами — пара мостков.

— Ох, уж эти мосты! Ненасытный какой-то наш комбриг, — выйдя из штаба, говорил Синяшкин.

Шестьдесят три моста взлетели в июле на воздух. Бывало и так, что мы, дав фашистам возможность отремонтировать мост, на следующий день снова его подрывали. Так сделали, например, со Шмойловским мостом.

В деревне Шмойлово Славковского района местными патриотами был уничтожен мост через реку Череху. Фашисты решили восстановить его и начали строительные работы. Строили мост поляки, которых пригнали под охраной в Шмойлово. Командир одного из наших отрядов попросил разрешения у комбрига напасть на Шмойлово и разогнать строителей. Герман запретил налет. Прошло несколько недель. Теперь уже командир полка Ярославцев просил о том же. И опять комбриг сказал:

— Нельзя.

— Но почему? — спросил я.

— Рано еще. Не созрел.

— Как это не созрел?

— Чудаки вы какие-то, — засмеялся Герман. — Ну что же тут

непонятного? Дорога-то не работает и не будет работать, пока строят мост. Поляки не торопятся. Гитлеровцы злятся. А мы должны радоваться. Вот когда мост построят, тогда слово за Ярославцевым.

Оккупанты начали форсировать строительные работы, установили строгий надзор за поляками. Герман приказал разведчикам вести постоянное наблюдение за строительством, — через неделю они доложили:

— Идут отделочные работы. Открытие движения через мост двадцать седьмого июля.

Комбриг сказал:

— Пора!

В ночь с 25 на 26 июля бойцы полка Ярославцева оцепили район строительства. Ворвавшись в Шмойлово, они перебили охрану, а под мост заложили двести сорок килограммов взрывчатки. Шмойловский мост вторично взлетел на воздух.

Поляки-строители покинули деревню вместе с партизанами. Некоторое время они жили у нас в бригаде, потом с разрешения Германа ушли. Тепло прощаясь с нами, обещали:

— Идем на родину. Будем, как и вы, партизанить.

В 1943 году в оккупированных районах все активнее действовали подпольные антифашистские группы. Связь с ними поддерживали работники особого отдела бригады и наши разведчики.

Работник особого отдела Петр Иванович Бесчастнов обычно приходил к нам в политотдел за газетами. Вот и сегодня он открыл дверь и сразу попросил:

— Товарищи, дайте мне побольше листовок и последнюю сводку Совинформбюро.

— Куда тебе это, Петр Иванович? — спросил его Дмитриев.

— Ребята хорошие пришли из Пушкинских Гор. Надо им дать, пусть у себя в поселке распространяют.

Я поинтересовался:

— Что это за ребята? Ведь ты второй раз берешь!

— Не ребята, а орлы. Они там проникли везде и такие сведения нам дают, что пальчики оближешь Я им уже достал взрывчатки — хотят в гарнизоне кое-что подорвать. Вот и агитационным материалом надо их снабдить.

Пушкиногорские «ребята-орлы» скоро о себе дали знать Как-то в полдень, когда мы находились в деревне Пожитове, недалеко от Сороти, за лесом Пушкинского заповедника, поднялся огромный столб густого черного дыма. Мы стояли на высотке за деревней и гадали: что бы это могло быть? Подошедший к нам Петр Иванович заметил:

— Не иначе это подпольщики сработали.

Предположение Бесчастнова подтвердилось.

Спустя некоторое время в оперативной сводке № 86 штабу Северо-Западного фронта Ленинградский штаб партизанского движения сообщал: «15.8.43 г. агентурой 3-й бригады в подвале бывшего здания райисполкома Пушкинские Горы сожжено 8 тонн бензина противника».

Бывшая разведчица разведотдела Северо-Западного фронта Анна Дмитриева, появившаяся в бригаде после провала разведывательной группы, связала нас с крупной молодежной подпольной организацией города Острова. От вожака молодых патриотов Людмилы Филипповой за подписью «Катя» и наша бригада и армейские штабы получили много ценных разведывательных данных.

Хорошо действовало и порховское подполье, которое возглавлял пожилой агроном Борис Петрович Калачев.

Горела земля под ногами у оккупантов. И те, кто в тяжелую минуту для Родины проявил слабость духа и пошел на службу к фашистам, старались теперь покинуть своих хозяев. Летом 1943 года участились случаи перехода на сторону партизан целых подразделений так называемой «Русской освободительной армии» генерала-предателя Власова.

В середине августа Исаев был вызван на продолжительное время в Валдай, и я замещал его. 12 августа утром Герман пригласил меня:

— Поедем, комиссар, к власовцам.

Через четверть часа мы с комбригом и группой автоматчиков мчались на конях в деревушку, где размещался один из наших отрядов. Сегодня ночью туда пришло подразделение власовцев-армян во главе со своим командиром. С собой они принесли двадцать винтовок, шесть пистолетов, несколько десятков гранат. Предварительно с ними вели работу подпольщики Новоржева из группы Зои Брелауск.

Вскоре мы приехали в маленькую деревушку. Везде на улице люди в немецкой форме. Они вытягиваются и почтительно приветствуют. Мы зашли в избу, где нас встретил седеющий низенький человек.

— Капитан Сагумян, — отрекомендовался он.

Герман сначала не ответил на приветствие, но затем неожиданно протянул руку:

— Поздравляю с успешным переходом из стана врагов.

Я следил за Сагумяном. Он как-то смешался. В глазах мелькнула растерянность, ее сменила необычайная радость, и по его смуглым щекам покатились слезы. Прерывающимся голосом

он сказал:

— Товарищ комбриг, я понимаю свою большую вину перед Родиной. Пошлите меня на самое опасное дело, дайте очистить душу от этого страшного греха.

— На опасное дело пошлем, — ответил уже сурово Герман. — Из ваших людей мы решили создать партизанский отряд. Командиром отряда я назначаю… вас, товарищ Сагумян.

— Меня? — вскочил он. — Но…

— Можем ли мы вам доверять? — досказал Герман. — Думаю, что да.

— Спасибо, — тихо произнес Сагумян.

— Выстройте своих людей! — приказал комбриг.

Через несколько минут мы вошли в просторное колхозное гумно. Герман обратился к построенным в шеренгу перебежчикам-армянам:

— Вы совершили тяжелое преступление, пойдя на службу к врагу. Против кого вы воевали? Против своих братьев и сестер, против своей Родины. Мы не можем вас простить, не имеем права. Но мы даем вам возможность своей кровью искупить вину перед Родиной. Прощение нужно заслужить, добыть его в боях с фашистами. Желаю вам успеха.

После речи комбрига был зачитан приказ о создании отряда № 41. Комиссаром отряда назначался старый партизан коммунист Мигров.

— Ну, теперь командуйте, товарищ Сагумян! — сказал Герман и отошел немного в сторону.

— Отряд, слушай мою команду! — голос Сагумяна дрожал от волнения. — Сорвать немецкие погоны!

Сагумян первым схватил свой капитанский погон, с ожесточением рванул его и бросил под ноги. По всему строю раздавался треск разрываемых ниток.

— Отпороть немецкую курицу! — подает новую команду Сагумян.

Снова трещат нитки, и немецкие орлы, пришитые под карманом куртки, летят вслед за погонами. Люди топчут их ногами в каком-то исступлении.

Командир нового отряда подошел к Герману:

— Товарищ комбриг, разрешите заверить вас, что отряд кровью искупит свою тяжелую вину.

— Постарайтесь поменьше лить своей крови и побольше вражеской. Действуйте.

Сагумян увел отряд. Вскоре он принял боевое крещение, а в августе участвовал уже в нескольких операциях. Командир полка Ефимов хорошо отзывался о бойцах отряда, особенно с самом

Сагумяне.

В августе 1943 года Центральный штаб партизанского движения решил силами ленинградских, калининских, белорусских, смоленских, брянских и других партизан привести в негодность железные дороги в тысяче мест одновременно по всему советско-германскому фронту, парализовать движение на путях сообщений фашистских армий.

Бригада наша в то время находилась в Пожитове Пушкиногорского района. Эту небольшую деревушку особенно любил наш комбриг. Останавливался он всегда в доме Шпиневых. Хозяева Яков Васильевич, Ирина Захаровна и их дочери Клавдия Яковлевна и шестнадцатилетняя Нина относились к Герману с трогательной заботой.

Получив приказ, комбриг начал деятельно готовить бригаду к предстоящей операции. Днем в отрядах проходило обучение всех партизан подрывному делу, ночью принимались самолеты, доставлявшие в бригаду толовые шашки. Политотдел выпустил специальную листовку и озаглавил ее «За Ленинград!».

В приказе объектом для массированного налета нашей бригады были указаны железные дороги Псков — Дно, Дно — Сущево.

Закончив подготовку, бригада двинулась к Порхову. Первые переходы самые большие. Бригада идет всю ночь. Перед последним переходом полки расходятся и движутся дальше каждый по своему маршруту. На день операции установлен пароль «Ленинград». Начало операции назначено на 12 часов ночи.

Деревня Козоногово. Мы стоим на пригорке за сараем. Александр Викторович то и дело поглядывает на ручные часы и волнуется:

— Андрей Иванович, пора бы уже и начинать. Почему медлят?

Исаев молчит. Зябко поводя плечами, он поворачивается в сторону, где за темнеющим вдалеке леском угадывается железная дорога.

— Смотрите! — восклицает он.

Короткая вспышка, за ней другая. Ночной воздух доносит негромкий раскат двойного взрыва.

— Ярославцев начал, — обрадованно говорит Герман.

Горизонт на севере мгновенно оживает. Вспышки следуют одна за другой. Потом наступает небольшое затишье. Но вот далеко на западе появляется новая яркая вспышка. Через несколько секунд слышится глухой взрыв.

— А это Синяшкин. Видимо, взлетел на воздух Кебьский

мост, — высказывает предположение Крылов.

Все чаще и чаще раздаются пулеметные очереди. Это начинают действовать блокирующие группы.

— Только бы не было больших потерь, — говорит Исаев.

— Нет, не должно быть, — отвечает Герман, а в голосе нотки тревоги. — Удар внезапный, — значит, патрули на железной дороге обычные. Они едва ли окажут сильное сопротивление. А блокировочные ночные бои с гарнизонами наши хлопцы вести умеют «Концерт» должен пройти на славу.

Точно в подтверждение слов комбрига появляются все новые и новые вспышки. Встревоженные грохотом взрывов, на улицу выходят жители деревни. Они оживленно переговариваются о том, как партизаны здорово рвут «железку».

Гул затихает. Несколько разрозненных одиночных взрывов, несколько пулеметных очередей, и опять ночная мгла окутывает потревоженную землю.

Задание Ленинградского штаба партизанского движения выполнено. Взорваны тысячи рельсов, мосты, порвана связь. Вражеские эшелоны долго не смогут двигаться по этим магистралям.

После массированного налета ленинградских партизан фашисты на всех железнодорожных станциях и разъездах усилили гарнизоны, обнесли мосты проволочными заграждениями, заминировали подходы к ним. И днем и ночью теперь по полотну железной дороги шагали патрули с собаками — искателями мин, проезжали бронированные дрезины и обстреливали придорожный кустарник и лесные опушки.

И все же во второй половине августа бригада повторила «концерт» на железнодорожной ветке Псков — Порхов. Рытвины и ямы, искореженные обломки рельсов и обгорелые телеграфные столбы появились опять на железной дороге. Движение на ней было остановлено на восемь суток.

В оперативной сводке штаба Северо-Западного фронта указывались результаты нашего второго «концерта»: полк Синяшкина взорвал семьсот пятьдесят рельсов, полк Ярославцева — шестьсот, полк Худякова — семьсот девяносто пять, полк Ефимова — восемьсот семнадцать. Были уничтожены мосты через реки Узу и Кебь, разгромлены охранные гарнизоны на разъездах Вешки, Уза, в деревнях Печково и Дубенец.

НОЧЬ, КОТОРАЯ НЕ ЗАБУДЕТСЯ

Против ленинградских партизан фашисты вновь предприняли крупную карательную экспедицию. В ней участвовали три охранные дивизии, регулярные части, снятые с фронта, авиация, артиллерия, танки. Только в Новоржевском районе было сосредоточено около четырнадцати тысяч гитлеровцев. По данным разведки, половина этих войск предназначалась Шпейманом для уничтожения нашей бригады.

Начались бои на Сороти. Гитлеровцы теснили наши отряды, жгли деревни. Маневрировать нам было трудно: в начале сентября мы отправляли в Валдай самолетами раненых.

5 сентября 1943 года на окраине деревни Шарихи в пустующем полуразрушенном сарае собрались командиры и комиссары полков, начальники отделов и служб штаба бригады. Усаживаемся поудобнее на прошлогоднюю солому, на валяющиеся в сарае ломаные заржавленные плуги.

— Ну, как твои дела, Худяков? — спрашивает начальник штаба, расправляя на коленях непомерно большую карту, испещренную разноцветными значками и линиями.

— Неважно, Иван Васильевич, здорово жмут. Да еще проклятый «костыль» все время над нами крутится.

— А что ты думаешь об обстановке?

— Задержались мы. Лишний день простояли из-за приемки самолетов. Уходить отсюда надо.

— Да, обстановка неважнецкая, — подтверждает Волостное, ставший комиссаром 2-го полка после ранения Седова. И неожиданно спрашивает: — А вы не читали, что нам пишет Шпейман? Его послание сегодня нам с самолета сбросили.

Волостнов вынул из кармана розовый листок бумаги:

— Иван Васильевич, разрешите прочитать?

— Ну, ну, прочитай.

Медленно, с особыми ударениями, сопровождая каждую фразу выразительной мимикой, Волостнов прочел:

«Партизанам 3-й бригады.

Партизаны! Вы окружены шестью тысячами регулярных войск.

Ваше положение безнадежно. Не сопротивляйтесь, иначе погибнете под огнем германских пулеметов и пушек. Сдавайтесь. Лучше почетный плен, чем бессмысленная смерть!

Эта листовка служит пропуском при сдаче в плен.

Германское командование».

Листовка вызвала едкие реплики в адрес карателей. В это время к сараю подошел Герман. Выслушав рапорт начальника штаба, комбриг присел на деревянный чурбан и спросил:

— Расскажите, кого это вы здесь высмеивали? А ты, Худяков, дай-ка твоей злой махорочки набить трубку.

Волостнов еще раз прочитал немецкую листовку. Набивая и закуривая трубку, Герман выслушал его внимательно, затем сказал:

— Смех смехом, товарищи, но про количество войск карателей листовка почти не врет. И это надо иметь в виду. Однако начнем совещание. Панчежный, доложите обстановку.

Панчежный встал:

— Обстановка, товарищ комбриг, неважная. Все деревни вокруг бригады к середине дня были заняты карателями.

Начальник разведки перечислил деревни, предполагаемое в них количество противника и продолжал:

— Разведка, посланная на север, не могла пройти, везде натыкалась на гитлеровцев и ни с чем вернулась назад. Также ни с чем вернулись группы разведчиков с востока и запада. Южная разведка не вернулась. Предполагаю, что на юге есть выход. По крайней мере до полудня он еще не был закрыт.

— А как дела дальше, в Ругодевских лесах? — спросил Герман.

— Там карателей нет.

Выслушав доклады еще нескольких человек, Герман решил:

— Пойдем в Ругодевские леса. Если юг к вечеру будет закрыт — пробьемся. Вот маршрут надо уточнить.

Послышался цокот копыт. К сараю галопом подъехал коренастый разведчик. Он лихо соскочил с коня:

— Разрешите доложить, товарищ комбриг.

— Докладывайте!

— Разведка вернулась с юга. Немцы заняли все деревни. Нашли мы только одну дырку — через деревню Житницы.

— А как дела в Ругодевских лесах?

— В Ругодевских лесах фрицем не пахнет.

Отпустив разведчика, Герман приказал:

— Идем на Житницы, хотя, конечно, дырка это или не дырка — еще вопрос. Первым движется Худяков, за ним Ефимов, за Ефимовым штаб бригады, дальше Ярославцев и замыкает колонну Синяшкин. Имейте в виду — надежды на беспрепятственный выход через Житницы мало. Выходить бригаде придется, очевидно, с боем.

Сгущались сумерки. Стихла стрельба. Дым пожаров принял багровый оттенок. Фашисты жгли деревни. Герман, Крылов и я сидим на крыльце и курим, отдыхая перед трудным маршем. В деревне слышится ржание коней, сдержанный говор партизан — идут последние приготовления к походу. У соседнего дома вьючат лошадей, и тихий ветер доносит разговор:

— Сегодня туговато нам придется, — в голосе говорившего тревога.

— Что, начинаешь уже дрейфить? — насмешливо отзывается другой партизан.

— Ну тебя к дьяволу! И сказать ничего нельзя. Окружили-то нас со всех сторон.

— Ну и что. Не впервой, чай. Запомни, парень, с комбригом нашим мы из любого окружения выйдем.

Герман слышит эти слова. Он поднимается и, выколотив пепел из своей трубки о столбик крыльца, тихо говорит:

— Пора.

Наша колонна растягивается километра на два. В ночной тиши изредка слышится позвякиванье плохо привязанного котелка и пофыркивание коней. Проходим деревню Занеги, молчаливую, словно вымершую, и, спустившись в низину, поросшую кустарником, останавливаемся. Впереди, где-то недалеко — деревня Житницы.

Из темноты вынырнул разведчик на коне:

— Где комбриг?

— Ну что там? — окликнул его Герман.

— Александр Викторович, в Житницах немцы. Третий полк готовится к атаке.

— Передай командиру: атаковать немедленно!

Взлетела ракета, освещая бледным светом кусты, поляну и нас. И сразу тишину ночи разорвал треск пулеметов и автоматов. Над нами густо запели пули. Худяков начал атаку. Она была успешной. Полк прорвался, но идущий за ним 4-й полк, в котором было много партизан-новичков, на какой-то момент замешкался, и фашисты опять заняли деревню.

Герман принял решение бросить полк Ярославцева правее Житницы, а деревню атаковать штабным отрядом, состоящим из старых опытных партизан. Через несколько минут командир отряда Костя Гвоздев доложил:

— Отряд к бою готов!

— Орлы! Надеюсь на вас! Иду с вами! — крикнул комбриг, обращаясь к партизанам.

Г воздев повел отряд. Недалеко от него пошли Герман, Крылов и я, держа наготове свои автоматы. Следом за нами шли Гриша Лемешко, Миша Синельников и санитарка Шура Кузниченко. Отряд рассредоточился. Идем по полю, освещенному заревом пожара и ракетами. Острые глаза комбрига раньше всех разглядели впереди на пригорке мечущиеся фигурки фашистов.

— Огонь! — скомандовал Герман и первый начал стрелять из маузера.

Ночную темноту густым пунктиром прошивали трассирующие пули. Отряд, не останавливаясь, двигался вперед, к пригорку. Ребята бежали, стреляя на ходу, ложились и стреляли лежа, и снова вскакивали, чтобы бежать вперед. Герман, в развевающемся плаще, с высоко поднятым маузером, шел спокойно, точно навстречу ветру, а не вихрю пуль.

Комбрига нагнал Миша Синельников, ординарец Крылова:

— Иван Васильевич ранен!

— Позаботься о нем, Миша, — ответил Герман.

— Александр Викторович! — вскрикнул вдруг Гриша Лемешко, повернув к Герману залитое кровью лицо.

— Гриша, голубчик! Скорее назад, в санчасть.

Отряд устремился к деревне.

Выбитые с пригорка немцы вели еще более ожесточенный огонь из деревни и откуда-то сбоку.

Комбрига ранило.

— Шура! — позвал я Кузниченко. — Бинты!

Нехотя остановившись на перевязку, Герман приказал:

— Не мешкать! Быстрее атакуйте деревню!

Отряд Гвоздева ринулся к деревне. Оставив Германа на попечение Шуры Кузниченко, я побежал за бойцами. Они уже ворвались на окраину деревни. Фашисты стали отступать.

Штабной отряд выполнил задачу. Путь для бригады был открыт.

За деревней нас догнал Миша Синельников. Он нес планшетку и маузер Германа:

— Комбрига убили.

Это было так невероятно, что в первое мгновение никто не поверил. Герман — и вдруг погиб. Бесстрашный, он бывал в

самых опасных местах, и пули его не трогали. Сейчас каждый почувствовал себя виноватым в его смерти. Почему никто из нас не перехватил эту пулю, не заслонил своим телом любимого командира?..

Миша сказал нам, что погиб Герман на окраине деревни, у заросшего пруда. Две вражеские пули пробили его голову навылет.

Немало полегло на житницких холмах наших товарищей. Погибли начальник штаба 3-го полка Добрягин, комиссар 41-го отряда Мигров, санитарка Кузниченко. Многие были ранены. Среди них Худяков, Крылов, Ступаков, Гвоздев. Но бригада все же прорвалась из окружения.

На другой день разведчики вынесли с поля боя тело Германа. Вскоре за ним из Валдая прислали специальный самолет. Был пасмурный, дождливый день, но еще пасмурнее было на душе у бойцов, прощавшихся с любимым комбригом. Многие плакали…

* * *

…Глухая сентябрьская ночь. К Порхову идет немецкий эшелон. Страшный взрыв сбрасывает паровоз с рельсов под откос. Вагоны громоздятся друг на друга. Рвутся снаряды, горит дерево, истошными голосами вопят гитлеровцы. А невдалеке, в густых кустах, затаились партизаны-подрывники. Сжимая в руках автоматы, они шепчут:

— Это за Германа!

По шоссе на Выбор движется рота фашистов. Вдруг раздаются пулеметные очереди. Мечутся оккупанты, падают, скошенные пулями. Это ведут огонь по врагу партизаны. Губы их шепчут:

— За Германа!

Бригада мстила за смерть любимого командира. В новые бои она шла с его именем на знамени. После Житницкого боя наше соединение стало именоваться: 3-я Ленинградская партизанская бригада имени А. В. Германа. В апреле 1944 года Александру Викторовичу Герману было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

По многим еще дорогам войны прошли германовцы. Последний бой бригада вела в феврале 1944 года на шоссе Псков — Сольцы вместе с солдатами 60-го стрелкового полка 63-й стрелковой дивизии.

* * *

6 сентября 1963 года на дорогах к Новоржеву наблюдалось необычное оживление. В этот день исполнилось 20 лет со дня гибели легендарного партизанского комбрига Германа.

В Житницы на открытие мемориального обелиска приехали сотни людей из Ленинграда, Пскова, Новгорода, Великих Лук. Съехались к житницким холмам и бывшие партизаны-германовцы: Иван Костарев, Григорий Ефимов, Анна Дмитриева, Григорий Волостнов, Мария Рыжикова и многие другие.

Среди гостей — сын героя офицер Советской Армии Альберт Герман, сестра комбрига ленинградская актриса Анастасия Викторовна Герман, вожаки калининских партизан Марго и Халтурин, делегаты Ленинграда — секретарь Смольнинского РК КПСС И. А. Носиков и ударник коммунистического труда ветеран Кировского завода М. С. Тишуков. Приехали и ребята из ленинградской школы № 301. В этой школе много лет тому назад учился Саша Герман Сейчас пионерская дружина школы носит его имя.

Около двух тысяч человек собралось на открытие обелиска. Под звуки Государственного гимна спадает покрывало. Застыл почетный караул. В скорбном молчании стоят мои друзья по тяжелым партизанским боям.

Памятный обелиск в деревне Житницы на месте гибели А. В. Германа.

Секретарь парткома, бывший партизан Н. Я. Богданов открывает митинг. Выступает первый секретарь Псковского областного комитета партии Иван Степанович Густов. Он говорит о незабываемых подвигах народных мстителей в минувшей войне, о том, как хранит Псковщина память о легендарном Германе.

Альберт Герман, сын легендарного комбрига, среди пионеров.

Потом о боевом друге рассказывает Андрей Иванович Исаев.

Когда закончился митинг, мы снова встретились с Андреем Ивановичем. Наш комиссар постарел, чуть-чуть располнел. После войны он продолжал служить в рядах Советской Армии, потом демобилизовался и уехал к себе на родину, в Горьковскую область, где и работает сейчас на строительстве промышленных предприятий.

Мы стоим и жадно расспрашиваем друг друга.

— Сколько лет прошло, Михаил. Разлетелись мы в разные стороны, — задумчиво говорит Исаев. — О многих ничего не знаю. Вот и Крылова из виду потерял. Не знаешь, где он?

— Иван Васильевич залетел далеко. Живет в Амурской области. Инженер. Строит электростанции.

— А где?..

— А помнишь?..

Мы буквально засыпаем друг друга вопросами о судьбах партизан бригады.

— Прасковья Никитична Химкова?

— Ее в тысяча девятьсот сорок втором году схватили гестаповцы и после чудовищных пыток расстреляли.

— Дмитрий Худяков?

— Помнишь, вот здесь, в Житницах, его тяжело ранило? Он тогда лишился руки. Долгое время после войны работал на Псковщине. Затем уехал куда-то. К сожалению, не знаю, где он сейчас.

— Гвоздев Костя?

— Константин Васильевич вместе со своей женой, ты ее знаешь, наша партизанка Нина Зиновьева, живут в Брянске. Он подполковник, служит в рядах Советской Армии.

— А наш партизанский хирург Викентий Иванович?

— Врач остается врачом. Викентий Иванович долгое время после войны служил в частях Советской Армии в Германии, а потом приехал в Псков. Сейчас работает в Псковском областном туберкулезном диспансере. Он все такой же отзывчивый, заботливый, каким был и двадцать лет тому назад. По старой памяти бывшие партизаны часто обращаются к нему за помощью.

— А верный адъютант Германа Гриша Лемешко?

— Он живет в Ленинграде. Работает шофером.

…Мы идем к обелиску. Нас догоняет Сергей Лебедев. Он приехал в Житницы из Старой Руссы, где работает мастером на заводе. Сергей трогает меня за рукав и спрашивает:

— А помните песню про гибель Александра Викторовича?

Как же не помнить! Вполголоса поем:

В эту ночь, когда с фашистским гадом
Был у нас горячий, смертный бой,
При разгроме вражеской засады
Пал наш Герман командир-герой.

Не забудут жители Псковщины,
Будет помнить русская земля,
Как во славу Родины любимой
Дрался Герман, жизни не щадя.

Нет! Никогда не забудется имя нашего Германа. Оно в сердце народном. А память сердца — светлая память!

notes

Примечания

1

С Леоновым мы воевали вместе больше года. Из политотдела он вскоре ушел — его назначили комиссаром в отряд. Позже судьба забросила Леонова к калининским партизанам, в бригаду имени Лизы Чайкиной. Весной 1943 года рейдирующая бригада калининцев была окружена плотным кольцом врага вблизи от родных мест Леонова. Семен Леонович повел остатки бригады на прорыв Партизаны пробились, но вражеская пуля сразила героя-комиссара.

2

В оригинале отсутствуют страницы 81–82. — *Прим. авт. fb2.*